

Не прощай

СОСЕД

АСЯ ПЕТРОВА

Annotation

Однажды на годовщине свадьбы лучшей подруги я решаюсь признаться ее мужу в любви, потому что храню ее в своем сердце аж со школьной скамьи.

От большой ошибки меня спасают два метра роста и наглости.

Несносный сосед, что мешает жить своим ремонтом. И я остаюсь ему благодарна, даже не подозревая, что он захочет больше, чем мое "Спасибо".

Он захочет меня.

(не) Любимый сосед

Ася Петрова

Глава 1

Сажу на подоконнике, вытянув ноги вперед. Спина немного затекла, но ничто меня не сможет отвлечь от любимого занятия. Вывожу кисточкой черные линии на плотной бумаге, очерчивая контуры зарисовки. Рука порхает над полотном, прикусываю губу, хмурю брови. Что-то не то, не хватает какого-то элемента, но не понимаю, чего именно. Картина то неплохая вышла, а что-то все равно не то. Возможно, я слишком придирчива к себе, но уж такая есть. А если мне что-то не нравится — мириться с этим не буду.

Придирчиво осматриваю нарисованное, думаю добавить пару ярких красок. Окунаю более тонкую кисть в алую краску, подношу к бумаге, уже прикладываюсь, и тут рука дрогает, оставляя уродливое пятно. Досадно взываю.

Да будь ты проклят, сосед!

В нашем доме поселился замечательный сосед — это уж точно не мой случай. Уже неделю сверлит, стучит, гремит без перерыва какой-то нахал. По-другому я назвать не могу. Потому что ровно в девять утра, как по расписанию, он начинает свою какофонию звуков, и ровно в девять вечера заканчивает. И все эти двенадцать часов моя голова пухнет от уродливого шума. Спасаясь только, когда покидаю родные стены дома, а делаю это я крайне редко.

Подбегаю к стене, стуча кулаком со всей силы, надеюсь, что он меня услышит.

Сколько можно уже издеваться то?

Пока как умалишенная стучу по стене, пытаюсь вразумить своего ненавистного соседа, телефон решает подыграть всей это симфонии, и звук дрели, моих стуков и старой классической мелодии на телефоне озаряет комнату.

— Да, — рывкаю в трубку, хватая зарздражающий гаджет.

— О, кто-то не в духе. Может я позже перезвоню? — слышу голос лучшей подруги.

— Ксюш, он меня так задолбал, ты бы знала! — почти что вою ей в трубку.

— Кто? Начальник?

— Да причем тут Игорь Олегович, — отбрасываю кисточку в банку с водой, — Сосед этот придурочный.

— А чего сразу сосед, может соседка, — смеется надо мной, язва.

— Да без разницы какой там пол, просто хочу, чтобы все это скорее закончилось, — устало падаю на стул, подгибая колени под себя.

Шум за стеной прекращается, я облегченно выдыхаю, чувствуя как виски, сжимаемые в тиски, слегка отпускает.

— Вообще, ты можешь поговорить с ним, или с ней. Попроси, чтобы в определенные часы не шумели, — надо же, гениальная мысль посетила голову Королевой. Только вот она прекрасно знает, насколько я не коммуникабельна. От слова совсем. Тяжело мне выстраивать диалог, особенно с незнакомыми людьми. С детства я была очень замкнутым ребенком, это и сказалось на нынешней мне.

И что мы имеем к двадцати семи? Ни мужа, ни детей, даже кошку и ту побоялась завести. Отношений серьезных у меня тоже не было, так, интрижки только.

— Очень полезный совет, Ксюх. Обязательно воспользуюсь им в следующей жизни, — беззлобно огрызаюсь, подруга привыкла к моему сарказму, — Чего звонила то вообще?

— А, точно! С твоим соседом все позабыла, — смеется. А мне не смешно, я ведь в этом

аду уже неделю пребываю, — У нас с Никитой годовщина свадьбы. Хотим сделать небольшую вечеринку. Ты придешь?

Хорошо, что Ксюша не видит, как скривилось мое лицо в этот момент. Никуда идти я не хочу, особенно к Королевым в гости. Я не самая лучшая подруга, но уж какая есть. Но видеть, как он ее обнимает и целует — выше моих сил. В Никиту Королева я влюблена со школьной скамьи, но вот выбрал он Ксюху. Бегать за ним я не стала, не такой у меня характер, но и видеть их счастливыми тоже тяжело. И каждый раз я натягиваю неискреннюю улыбку, чтобы не показать как мне тошно. Чего только стоила их свадьба в прошлом году, где я накидалась белым сухим, чтобы не видеть всего этого. Конечно, Ксюшу я люблю, но лгать ей с каждым разом все тяжелее и тяжелее.

— Я не могу, у меня кружок для дошкольников, — вру. Кружок у меня перенесся на следующую неделю, но не хочу я туда идти.

— Маш, ты же моя лучшая подруга. Попробуй перенести, пожалуйста, — она искренне хочет видеть меня. А я отвратительно себя веду. Давно пора забыть о парне и жить своей жизнью, но лучше него еще никого не встречала. Как тут забыть то?

Обиды за то, что он выбрал не меня — нет. Досада только.

— Я попробую, но не обещаю, — пробовать, конечно, я ничего не стану. Снова совру, что не получилось.

— Очень надеюсь, что ты придешь. Целую, крошка, — слышу как она чмокает воздух, — И поговори уже со своим соседом. А лучше найди себе мужика, чувствуется прям напряжение.

Стерва смеется и кладет трубку. Чувствуется ей...

Но вообще она права, мужчины у меня не было уже год. Я не страшная, конечно, нет. Комплименты получаю часто, только вот никто мне не нравится. Я ужасно требовательная, не самая веселая и принципиальная. А мужчины легкости хотят, чтобы улыбалась, глазками хлопала и все. Не умею так.

За стеной снова раздается ужасный звук, словно кто-то начал двигать мебель. Да что же такое?

Реву озлобленно, подхватывая рядом лежащую подушку и кидаю в стену. Невыносимо.

Так, Мария Андреевна, возьмите себя в руки и разберитесь с этим вредителем.

Стучу соседу в дверь, звонка у него нет. Как и головы на плечах. Никто не открывает, к кулаку добавляю ногу и тарабаню как сумасшедшая. Если не откроет через минуту, вызову полицию. Пусть делают, что хотят.

— Кто там? — раздается низкий голос за дверью. Перестаю стучать, выравниваю дыхание.

— Знаете, это ваша соседка, — начинаю вежливо, — А не могли бы вы перестать издавать эти ужасные звуки, которые мешают отдыхать, — уже перехожу в претенциозный тон.

— Так по закону имею право, — он что там смеется надо мной. Придурочный точно.

— Да пофиг мне, что ты там имеешь. Люди отдыхать хотят, — бью кулаком по двери, досадно взвывая.

Я знала, что там окажется какой-то идиот. Какой смысл с ним разговаривать, если он нормы приличия не соблюдает.

— Да я ничего не имею тут, — распахивает дверь, опираясь о дверной косяк и складывая руки на груди.

Это что за раздетые два метра? Оглядываю голый торс, поднимаюсь выше, ловя насмешливый взгляд ярко-голубых глаз. Ну нет, своим тестостероном ты меня не возьмешь, думал увижу красивое тело и расплывусь? Не на ту напал.

— Знаете, ваша личная жизнь меня не интересует. Просто прекратите жужжать, стучать, и что вы там еще делаете. Хотя бы вечером, — говорю четко и смотрю ему в глаза, чтобы понял, я не шучу.

— Как же не интересует? Ты только что рассуждала, что я там имею, — ржет в открытую. Ну таких идиотов еще поискать нужно.

— А мы переходили на ты? Соблюдайте субординацию, молодой человек, — грожу ему пальцем. Раздражает жуть как.

— А ты чего такая злая, соседка? Случилось что-то? — он тянет свою руку ко мне и мажет пальцем по щеке. Отпрыгиваю от него, в шоке палюсь в эти невозмутимые очи.

— Вы еще и руки распускаете? Ну все, точно полицию вызываю, — кричу ему, а сама сбегая в свою квартиру, громко хлопнув дверью.

Смотрю на себя в зеркало в коридоре, замечаю красную краску на щеке, ровно там, где он провел своим пальцем. Вдыхаю легкими воздух. Кажется он просто пытался убрать мазню на моем лице. Но это не значит, что можно без спроса распускать руки.

Глава 2

Утром просыпаюсь с тяжелой головой, хоть и сосед послушал меня или мои угрозы, кто ж его знает, шуметь все же прекратил. Только уснула я все равно крайне поздно из-за блуждающих мыслей в голове. Не понимаю, почему я потратила полночи, думая о незнакомом мужчине, но что-то в нем меня привлекло. Дело не во внешности. Отрицать, что он красивый мужчина — глупо, но его взгляд, насмешливый, и в то же время глубокий. Словно там есть что-то больше, чем наглость и уверенность в себе. Опыт. В глубине его глаз большой жизненный опыт.

Отбрасываю мысли о почти незнакомом мужчине подальше, не хватало, чтобы я еще и утро свое потратила на мысли о нем.

Завариваю кофе в турке, люблю пить по утрам свежесваренную арабику. Обычно я трачу около получаса просто на кофе и тишину, но сегодня спешу. Поэтому пока кофе варится, бегаю по квартире, собираясь на лекцию. Игорь Олегович, он же главный в нашей академии искусств, попросил провести меня вводную лекцию по футуристам. Не люблю эту тему, но отказывать начальству — вредить себе. Хотя, был бы у меня выбор, конечно, я бы провела лекцию об изобразительном искусстве девятнадцатого века. Чего только стоят Айвазовский, Брюллов, Шишкин.

Забегаю на кухню, попутно застегивая сережку на левом ухе, с досадой стону. Кофе убежал из турки. Не уследила. Благо плита черного цвета, поэтому заморачиваться с уборкой не придется. Наспех протираю влажной тряпкой следы кофейной гущи, чуть ли не залпом выпиваю из красивой фарфоровой чайной пары бодрящий напиток и выбегаю из дома.

На улице ранняя осень, еще можно ходить чуть менее раскрытыми, но все же плащ не будет помехой. Открываю свою красную малышку, моя старенькая Мазда, аккуратно складываю бежевый плащ на заднее сиденье и сажусь за руль. До академии ехать от силы минут тридцать — должна успеть. Поправляю рыжие локоны в зеркало заднего вида и завожу свою крошку. Ну это я так думаю, что завожу, на деле, конечно, она кряхтит, пыхтит и ничего.

Уровень моей тревожности возрастает до небес. Этого нам не хватало только. Давно нужно было отвезти ее на техосмотр, но то денег не было лишних, то времени, то еще чего-то. Вечные жизненные обстоятельства.

Выбегаю из машины и открываю капот, смотрю тупо на все эти детали, в надежде, что она починится сама под моим гипнотизирующим взглядом. Однако, магией я не обладаю. Жаль.

— Ксюх, ну как обычно, проблема на проблеме. Машина не заводится, — в любой экстренной ситуации я звоню лучшей подруге. Почему-то никому так не доверяю как ей. Мужика у меня нет, родители в другом городе за тысячи километров, других друзей из-за скверного характера не наблюдается. Еще есть Никита, конечно. Но звонить ему — смертельный для меня номер.

— Машка, у тебя что ни день, то мутовень. Ща позвоню кому-нибудь из ребят, подъедут машину посмотрят.

— Я очень тороплюсь, давай вечером. Сейчас лекция начнется, — вскидываю глаза в небо, мысленно прося о помощи.

— Окей. Тогда наберу тебя после шести, будь на связи, — подруга всегда спешит

решить мои проблемы. Я не безответственная, просто так со школы было. Ксюха — смелая и четкая, а я нет. У меня в голове мечты.

— Люблю и целую! — пишу ей в трубку и кладу телефон обратно в сумку.

Забираю с заднего сиденья свой плащ и вызываю такси, пока ожидаю, все еще рассматриваю внутренности капота. Но чуда не происходит.

— Может помощь какая нужна? — без здрасти и привет сзади раздается хриловатый мужской голос. От неожиданности я ойкаю и поднимаю голову вверх, отчего макушка соприкасается с открытой дверцей капота, больно прикладываясь о металл. Шиплю как гиена, оборачиваясь на вредителя. Узнаю в нем своего соседа. От него только беду ждать можно.

— Вы куда-то шли? Вот и идите дальше, пожалуйста, — огрызаюсь и указываю путь дорогу страннику. Кладу руку на темечко, потирая место ушиба.

— Ауч, — улыбается плут, — А чего такая колючая?

— Знаете что, это бурьян колючий. А я просто в вашей помощи не нуждаюсь, — зачем-то включаю все оттенки стервы, что есть в обиходе. Но на самом деле, отмечаю как мое тело реагирует на этого мужчину. Слово оно не поддается разуму, хочет подвинуться ближе. Но я максимально его удерживаю на месте. С такими мужчинами связываться опасно — съест и не заметит.

— Давай посмотрю, что там, — аккуратно отодвигает меня рукой от машины, протискиваясь к капоту. Хочу возмутиться его наглости, но он отмахивается. Что-то осматривает внутри, ковыряется.

Еще и такси задерживается. Мне конец. Я никогда никуда не опаздываю, любое опоздание вызывает высокую панику и тревожность во всем теле. Даже в университете, если я опаздывала хоть на две минуты, то пропускала лекцию или коллоквиум. Не знаю, откуда это пошло. Но сейчас лекцию пропустить я не могу, потому что больше не нерадивая студентка, а лектор.

Прыгаю с ноги на ногу, прикусывая губу. Не хорошо все это. Очень не хорошо. Приложении показывает, что водитель вот-вот прибедет.

— Спасибо вам, конечно. Но не стоит, я тороплюсь, — дотрагиваюсь до мужского плеча, смягчая голос, — Очень.

— Оставь мне ключ, я покопаюсь тут. Делов на час-два. Починим, — пожимает плечами.

— Не нужно, вечером знакомые заберут и отвезут ее в мастерскую, — убираю руку с его плеча, отмечая как та горит от прикосновения.

— Кажется, твое такси подъехало. Не угоню, не бойся, — игнорирует любые правила субординации, — Где живу, знаешь.

Я оборачиваюсь в сторону белого автомобиля с шашечкой, мысли из-за паники путаются. У меня действительно нет даже секунды, чтобы препираться с этим дурацким соседом, а он еще тот упрямец. Досадно стону, но все же протягиваю связку ключей с милым брелком в форме кисточки. Он сжимает связку в крупной ладони и подмигивает.

Бегу в сторону такси, стуча каблуками сапог по асфальту, уже усаживаясь на заднее сиденье по всем правилам безопасности, как сосед меня окликает.

— Меня Матвей, кстати, зовут, — машет мне.

Ох, Матвей, держись от меня подальше.

Игнорирую его возглас и закрываю пассажирскую дверь, прося водителя как можно

скорее двинуться вперед по дороге.

Хмурю брови, оборачиваясь назад, и рассматриваю мужчину. Он складывает руки в карманы своих армейских штанов и склоняет голову вбок, провожая такси взглядом.

И что же тебе от меня нужно, Матвей?

Глава 3

Лекция о футуристах вышла напряженной, лектор из меня неплохой, обычно я умею рассказывать интересно, но из-за опоздания на одну минуту голос сбивался, а мысли были там, у подъезда дома.

Вообще, лекции — это единственное место, где не проявляется моя отстраненность и интровертность. Просто потому что я рассказываю о том, что действительно люблю и знаю.

Талант к изобразительному искусству родители заметили еще в самом раннем возрасте, все стены в доме были изрисованы, между прочим недурно изрисованы. Отец, как главный врач, заведующий психиатрическим отделением, всегда находил в моих каракулях смысл. Что это не просто линии, начерченные карандашом на стене, а жизненные циклы человеческой жизни.

Не знаю, то ли профессия искажала его восприятие детских рисунков, то ли он действительно увидел во мне талант, но в пять меня уже отдали в художественную школу. Не учили только маленький нюанс — я оказалась ребенком с трудным характером. Упертая настолько сильно, что ни один преподаватель не мог справиться. Если задавали нарисовать натюрморт, то я обязательно дорисовывала отсебятину. Просто потому что так хотела.

Мама у меня интеллигентная женщина, всю жизнь занималась цветочным бизнесом, поэтому старалась вкладывать в образование максимальные средства. Именно, когда мое поведение стало настолько отвратительным, что никто уже не смог терпеть — меня отправили учиться на год в Милан в закрытый пансионат. Вдали от дома, с неприятными итальянскими детьми, которые наотрез не хотели принимать русскую избалованную девчонку, я закрыла свой рот и усмирила свой пыл.

Об Италии, в целом, остались приятные воспоминания, преподаватели у нас были высококлассные. Но как бы я не старалась, принять меня уже сверстники не смогли. Конечно, о бойкотах и буллинге и речи быть не могло, я была просто классической белой вороной. Незаметной и неинтересной. И вся моя харизма и яркость превратились в отшельничество и дерзость. Нужно же было научиться отстаивать себя.

После пансионата я закончила обычную среднестатистическую школу в родном городе, где и познакомилась с Ксюшей и Никитой. Никита сразу отодвинул меня в ранг друзей, даже не попробовав узнать ближе. Но я думаю, что у них с Ксюхой случилась первая взаимная любовь, поэтому места мне в его сердце не оказалось. А вот в моем сердце было достаточно места, чтобы любить за двоих.

Стыдно признаться, но я долгое время мечтала, что Никита бросит Ксюшу и будет со мной. А потом ночами плакала в подушку, коря себя за то, насколько я отвратительна, что желаю такого близким людям.

Когда мы втроем переезжали поступать в Питер, Ксюша мечтала, что мы будем жить все вместе, но получила мой категорический отказ. Смелости признаться, почему "нет" — я не нашла. Выдумала, как обычно, какую-то тупую легенду и сама в нее поверила.

Фантазии всегда помогали отстраняться от реальной жизни, в которой не было того буйства красок, что были на моем холсте. Увы, убежать от реальности оказалось куда болезненнее, чем я думала. Особенно, в свой двадцать седьмой день рождения вдруг осознала, что не жила, а ждала чуда, которое так и не произошло.

— Игорь Олегович, я еще нужна вам или могу идти? — заглядываю в кабинет к

начальству. Специально оставляю тело в коридоре, а голову просовываю в кабинет. Может показаться странным, но я давно заметила, что если зайдешь наполовину в кабинет, то Игорь Олегович обязательно найдет для тебя дополнительную работу. Словно, чем больше тебя физически на виду, тем больше у тебя шансов быть замеченной. А я такое не люблю.

— Хм, Ионова, лекция сегодня была слегка напряженный. У вас что-то случилось, Мария? — не то, чтобы он внимательный. Скорее придиричивый.

— Нет. Опаздывала и перенервничала. В целом, ребята остались довольны, по крайней мере лица точно светились от счастья, — скупно улыбаюсь, мысленно моля, чтобы скорее отпустил.

— Это они от счастья, что лекция закончилась, — никогда не понимала, шутит он или серьезно говорит. Впрочем, если шутит, то не смешно, а если не шутит, то тоже крайне не смешно.

— Исправлюсь, Игорь Олегович, — надо дать ему карт бланш. Он здесь хозяин, а как хозяин сказал, так и будет.

Не стоит показывать свои клыки тому, кто тебе платит зарплату.

— Ладно, Ионова, иди. На сегодня дел для тебя у меня нет, — отмахивается рукой, пряча взгляд в кипе бумаг, но потом на секунду вскидывает снова на меня, как раз в тот момент, когда я счастливая закрываю дверь, — Про выставку помнишь? Осталось не так много времени.

— Помню. Почти все готово, — поскорее тараторю и не услышав его ответ, закрываю за собой дверь в кабинет.

Опираюсь спиной о дверь, устало протирая глаза. Еще ехать разбираться с машиной, вряд ли этот сосед смог что-то там починить. Скорее покрасоваться перед девушкой хотел. Мужлан.

По пути домой захожу в магазин, беру по-классике молоко, творожные сырки, сыр и зерновой хлеб. Вот мой идеальный завтрак. Ем я мало, за творчеством не всегда успеваю отследить чувство голода, поэтому ем тогда, когда уже начинает болеть живот.

— Ксюх, я подхожу к дому. Стоит ли ждать шести или мне самой вызвать мастера? — держу в одной руке пакет, а в другой телефон. Пытаюсь балансировать на каблуках, но выходит плохо.

— А из ребят никто не смог, я отправила Никиту, — щебечет в трубку. У нее день явно задался. А мой становится только хуже.

Резко торможу на повороте, вижу два мужских силуэта у моей ласточки. Один — любовь всей моей жизни, другой — кошмар всей прошлой недели. И я цепенею от ужаса. Не хочу видеть Никиту, не хочу говорить с соседом. Черт, хочу просто спрятаться.

— Ау, — кричит подруга прямо в ухо, отчего я тут же оживаю, — Короче, Никита уже должен быть на месте. Поможет тебе. Я побежала, Маха, дел по горло.

Я стону в сотый раз за день от досады. Убежавшее кофе и сломанная машина — не так страшно, чем казалось ранее.

Ладно, нужно решить проблему одним махом, чем больше я оттягиваю, тем сильнее прирастают мои ноги к полу.

— Кхм, привет! — выходит максимально неуверенно. Мужчины первые секунду меня даже не замечают, смеются над чем-то. Похоже нашли общий язык.

— О, Машка, привет! — Никита первый замечает мою скромную персону, обнимает меня по-дружески, а я теряя самообладание, окунаю слегка свой нос в изгиб его шеи,

втягивая едва заметный аромат парфюма. Прикрываю глаза.

А в тот момент, когда мои веки распахиваются, я утыкаюсь в льдисто-голубые омуты, что насмешливо и осуждающе смотрят прямо в мои. Испуганно морщю лоб и губы. Меня поймали с поличным, благо, что не сам Никита. А от соседа я быстро избавлюсь.

— Меня Ксюшка к тебе отправила, но представляешь, Матвей починил твою крошку. Там была какая-то ерундовая история, — Никита, как обычно, максимально улыбчив и приветлив. Зачастую не замечает очевидных вещей. Например, как мы переглядываемся с соседом колкими взглядами.

— Это замечательно, — выдавливаю улыбку, мечтая скрыться в дверях подъезда.

— Тогда я помчал, — пожимает руку Матвею, сбегая от нас, а потом оборачивается на секунду и выдает то, что окончательно выбивает почву из-под моих ног, — Матвей, тогда ждем вас с Машей на годовщине. Будем рады гостям. Машунчик, пока!

Садится в свой седан и уезжает, поднимая первые опавшие листья вверх.

Ошарашенно поворачиваю голову в сторону соседа, его нахальный и невозмутимый вид снова порождает бурю злости и негодования.

— В каком, мать его, смысле нас?

— Колючка, скажи мне, каково быть влюбленной в чужого мужика? — открыто насмехается.

Бросаю пакет с покупками на пыльный асфальт, раздраженно трясу руками перед его лицом.

— Ты кто вообще такой? Кем ты себя возомнил? — кричу так громко, что в окнах появляются силуэты свидетелей нашей перепалки.

— Тебе стоит запомнить мое имя. Нам делить лестничную площадку, — одной большущей ладонью перехватывает мои тонкие запястья, — А может и не только площадку. Держи!

Вкладывает в мою руку связку ключей и как ни в чем не бывало скрывается в подъезде.

А у меня даже слов не находится, мыслей тоже ноль. Пустота и неприятие.

Почему этот незнакомец так много себе позволяет?

Недоверие к миру проявляется во всем. Несмотря на то, что Никита ранее подтвердил факт починки машины этим раздражающим мужчиной, я все равно зачем-то сажусь в свою ласточку и завожу ее. Хочу убедиться, что оказалась права, что машина до сих пор сломана. Что он не смог. Но она предательски рычит, словно ее не просто починили, а поставили двигатель от гоночного автомобиля, подает признаки жизни и заводится. Глажу по рулю, мысленно благодаря ее, что она служит мне верой и правдой уже столько лет. И я у нее не первая хозяйка. Однако, понимаю, благодарить мне в первую очередь нужно другого человека. И все тело начинается сопротивляться. Продолжаю сидеть с включенным двигателем и открытой дверью, немигающе смотрю вперед.

Несмотря на скверный характер, чувство чести и достоинства мне прививали с детства, просто высекали в голове. И какой бы я противной не была, никогда не поспею на слова благодарности. Никогда не опущусь до низости проигнорировать истинные заслуги человека. А то, что этот мужчина достоин обычного "спасибо" — неоспоримый факт.

Рычу от безысходности. И почему не получается быть стервой до конца? Чтобы максимально хладнокровно относиться к таким вещам. Ну помог тебе мужик, но ты же не просила его. А инициатива наказуема. И все же я нахожу в себе силы, закрываю дверцу и плетусь к дому. Специально иду медленно, вышагивая со скоростью улитки. Ищу глазами окно соседа, свет горит. Он дома. Да и где ему быть? Вряд ли караулит меня в темном подъезде, чтобы надавать по жопе за мое плохое поведение.

Перед глазами тут же вспыхивают картинки, как он опускает ладонь на мою белую ягодицу, и живот предательски скручивает впервые за поледние полгода. Апатия накатывает с головой, я понимаю, что кроме моего мозга, остальные органы нормально функционировать отказываются. Зачем-то реагируют даже на образ этого мужчины.

И все же Ксюха права, это все голод по мужскому телу сказывается. Надо прервать свое воздержание, которое у меня не по собственной воле обычно в жизни, а по дурости. Не хотят мужики спать с гиеной и ехидной.

Месяца три назад соизволила вытащить свою тушу на свидание, познакомилась с парнем на сайте знакомств. Ничего криминального, был порыв разорвать круг одиночества. И как бы рыбка сама в сети не плывет, рыбка не дура. Ну и я понимала, что сидеть у окна и ждать того самого — затея так себе.

Парень был симпатичным, добрым, веселым, с одним большим минусом. Он классический пиздун. Уж простите, но надо называть вещи своими именами. Хохлился весь вечер о своих заслугах, какой он прекрасный. И я для чего-то весь вечер терпела, слушала эту песню самолюбия и ждала, что он меня уложит в постель. Нужна была разрядка. С учетом того, что я никогда не занималась сексом по-любви, ибо любви в жизни не было. Я не особо была избирательна в мужчинах. Ну вроде симпатичный, не тупой, значит берем. О чувствах и речи быть не могло.

Порой ночами плакала в подушку, что ни один мужчина за свою жизнь не прикоснулся ко мне так, словно я для него что-то значу. Словно он хочет только меня, и что я самая идеальная и лучшая для него. Увы, чего не дано, того не понять. И я довольствовалась малым. Ханжой никогда не была. Секс люблю. Однако, в определенный момент жизни отказалась от него. Как раньше уже не хотелось, а как хотелось жизнь не давала.

И вот то свидание оказалось последней каплей в море. В конце вечера, я не постеснялась и в своей манере сказала все, что думаю о нем, даже посоветовала сходить к психологу, потому что скорее всего у него есть расстройство личности. Все-таки дочь психиатра. Моего порыва помощи паренек не оценил, и в горизонтальном положении, мы, разумеется, не оказались.

Первым делом захожу к себе в квартиру, раскладываю продукты по полупустым полкам холодильника. Сыр слева, сырки в дверцу и молоко туда же. Хлеб в хлебницу. Все. Больше вариантов поиграться в тетрис из продуктов, чтобы оттянуть время — нет.

Прикрываю свою дверь и плетусь к его. Отмечаю, что сегодня нет никаких мерзких звуков, словно всю неделю я сама себе в голове придумывала симфонию дрели и сходила с ума. Звонка у соседа нет, поэтому опять стучу по двери. Не так уверенно, как вчера. Я бы сказала совсем неуверенно.

Он не заставляет себя долго ждать, как-будто стоял по ту сторону и ждал меня. И секунды не проходит, дверь распахивается, и я в очередной раз ловлю голубые омуты, что насмеваются. Матвей знал, что я приду. И от его понимания внутри опять начинает извергаться вулкан. Пока лава еще не вышла за края, но ей только дай повод.

— Вроде не шумно. Зачем пожаловала? — наклоняет голову вбок и опять складывает красивые руки на груди. Мышцы напрягаются, демонстрируя мощь этого мужчины.

— Не шумно, — зачем-то повторяю за ним. Когда-то читала статью о том, что для того, чтобы расположить к себе собеседника, нужно повторять те фразы, что он говорит. Дабы выстроить доверительный контакт. Только на кой черт мне этот контакт — понятия не имею.

Он ждет, что я продолжу. Молчит, но замечаю, как разглядывает более подробно все части моего тела. Ежусь, ощущая, как меня раздевают. Страшной никогда себя не считала, очень даже симпатичная, пока рот не открою.

Мать однажды мне искренне сказала: "Тебя можно любить, когда ты молчишь". А я так и не научилась молчать, поэтому и не любят.

— Спасибо, что починили мою машину. Скажите, сколько я вам должна?

Нужно подойти к вопросу по-деловому. Он мастер, я клиент. Порешаем так и разойдемся.

— Тысяча и одна ночь, — кажется он даже не пытается скрыть свои насмешки.

— Что, простите?

— Ты спросила, сколько должна? Я говорю: тысяча и одна ночь.

Ну вот лава и пошла за края. Очевидно, что сдержаться я не смогу.

— То есть, по-вашему, я шлюха? За починку машины буду расплачиваться своим телом? — наступаю на него, а саму всю трясет. Ищу мотивы такого отношения к себе и не нахожу. Пришла к нему вчера по делу, даже пыталась быть вежливой. А он самый настоящий мужлан.

Ненавижу таких мужчин. Всех их ненавижу.

— Я про постель ни слова не сказал, — он поднимает руки вверх. А я продолжаю наступать и не замечаю, как мы оказываемся в его квартире. На полу стоят банки с красками и лаком, одна зачем-то попадает мне под ногу. Спотыкаюсь и лечу прямо в ноги соседу. Только он вовремя меня подхватывает, прижимая к себе. На секунду замираю, ловя ощущения. Не понимаю, что это, но мне безопасно в его руках. И не страшно.

— Это унижительно, — отталкиваю его, — Ни один мужчина меня так еще не

оскорблял. Дай бог вам всего хорошего.

Кланяюсь ему в ноги, ощущая, как от переизбытка эмоций подкатывают слезы. Да, я сильная, резкая, колючая и очень ранимая девочка.

— Ты плачешь? — его голос кажется обеспокоенным. Отмахиваюсь от мужчины, прикрывая рукой лицо и выскакиваю на лестничную площадку.

— Маша, подожди, — хватает за локоть, пытаюсь развернуть к себе, — Я не хотел тебя обидеть. Это была просто шутка.

— Прошу вас. Оставьте меня в покое. Словно нашего знакомства и не было никогда, — вырываюсь и убегаю к себе.

Закрываюсь на все замки, падаю на пол у двери и плачу. Униженная и абсолютно потерянная.

Шутил он или нет, дела мне нет. Просто хочу никогда его не видеть, и чтобы тело перестало кайфовать от его рук. Потому что, черт возьми, я готова была задержаться в них надолго.

Вытираю скатившуюся слезу рукавом своей домашней кофты. Пара бокалов выпитого красного сухого дают о себе знать, я прокручиваю в голове диалог с соседом и пытаюсь понять свои истинные чувства. Почему этот мужлан так сильно заставляет нервничать? Он совершенно не в моем вкусе. Красивый, высокий, статный, но в нем настолько много подавляющей энергии и секса, что стоит его опасаться. Такие мужчины не для любви, они для хорошего и веселого досуга. Но не успеешь оглянуться, как ты уже в его сетях, как страдаешь по нему и влюбляешься. И именно в этот момент такие мужчины уходят, оставив тебя наедине с твоим разбитым сердцем и надеждами.

От него определенно стоит держаться подальше, но вместо этого я представляю, как сейчас он за стенкой ходит по комнате, на нем серые домашние шорты и голый торс. Мышцы спины красиво перекачиваются, демонстрируя мощь, сильные руки забивают гвоздь в стену молотком, четкими ударами. Примерно также он бы забивал свой член в мою вагину, если я бы согласилась на "тысяча и одну ночь" с ним. Хотя, скорее он бы более плавно двигал бедрами, пульсируя внутри меня, распалая пожар и реализуя непристойные желания.

От мыслей о сексе с соседом низ живота спазмирует. Я кладу хрупкую ладонь с тонкими пальчиками на половые губы, спрятанные за тканью кружевных трусиков и хлопковых шорт. Медленно веду по промежности, попутно делая глоток вина. Прикрываю глаза, представляя, что меня ласкает Матвей. Прикусываю губу, отодвигая кромку шорт и трусиков, запускаю один палец. Он тут же утопает во влаге солоноватых выделений, проникая чуть глубже. Нахожу подушечкой пальца набухший клитор и придавливаю его, выводя круги на спазмирующей горошине. Делаю второй глоток вина и стону, когда по телу пробегает волна тока. Наигравшись с клитором, добавляю второй палец и опускаю их внутрь себя, аккуратно и не спеша ввожу и вывожу пальцы. Перед глазами голый крепкий торс соседа и насмехающиеся льдисто-голубые глаза. Мне нравится думать, словно он за мной наблюдает. Рассматривает тело, ловит мои стоны и вздохи, дразнит, но не дает к себе прикоснуться. От ярких образов я получаю мощнейший оргазм, вызволяю пальчики из лона и облизываю свою смазку.

Да, это было хорошо. Пугающе хорошо.

Мне определенно нужно держаться подальше от Матвея, иначе мы окажемся в его постели. А это чревато последствиями. Я дала себе обещание, что секс у меня теперь будет только в отношениях, с любимым человеком. Я не хочу больше одноразовых встреч, собирать себя, думая о том, почему мужчины не выбирают меня. Есть разные типы женщин. Императрица, жена, любовница. Все по-своему хорошо.

Мой тип — любовница. На таких не женятся. С такими спят. Теперь я намереваюсь исправить это. Поэтому случайный секс с соседом может испоганить все мои планы. А еще глубоко внутри я понимаю, что боюсь в него влюбиться. До чертиков боюсь. Уверена это будет невзаимно. Это будет больно. Поэтому забыть и вычеркнуть.

Опустаю остатки бокала, и слегка покачиваясь, бреду в ванную комнату. Умываюсь холодной водой, придирчиво разглядываю отражение в зеркале. Сейчас как никогда легко найти в себе недостатки, чем я и занимаюсь. От самоуничтожения самооценки меня спасает трель мобильного телефона. Не знаю, кто может звонить в такое позднее время. Обычно, после десяти вечера мой телефон молчит.

Поклонники не пишут, романтические сообщения не присылают, родители звонят редко, да я и сама не особо часто интересуюсь ими. Остается только подружка.

Беру гаджет в руку и усмехаюсь.

— Ксюх, что-то случилось? — отвечаю на звонок, присаживаясь обратно за стол.

— Случилось! — сердито восклицает. Сердце тут же бухает вниз, сразу представляю всевозможные страшные события. Вдруг Никита попал в аварию или еще, что хуже. Прикладываю руку к груди, где бешено скачет сердце. Наливаю в бокал остатки вина и залпом осушаю его, но успокоится не получается.

— Случилось то, что у тебя появился секси мужик, а я почему-то узнаю это от своего мужа. Машка, ты чего молчишь? — подруга действительно злится, а я не нахожусь с ответом. Хлопаю глазами, смотря в одну точку на стене. Сердце тут же перестает скакать как сайгак. Градус от выпитого алкоголя повышает мое настроение, и я смеюсь.

— Чего ты ржешь, Ионова? Тебе не стыдно?

— Нет, — продолжаю смеяться, — Никита все выдумал. Нет никакого мужика.

— Да? — не верит она, — А мне сказал, что какой-то там Матвей очень приятный человек, и что наша Машка в надежных руках.

О да, руки у него точно надежные. Только я вот несколько минут назад запретила себе даже думать об этом. А еще меня выбивает из колеи тот факт, что Никита рад появлению в моей жизни мужчины. Не то, чтобы я надеялась на его симпатию в свою сторону, но осознавать, что люблю чужого мужика стремно. Мужчину, который никогда мне не принадлежал. И не будет.

— Ксю, притормози коней, — успокаиваюсь и выдыхаю, — Это тот самый сосед, который долбит мне в стену днем и ночью. И, конечно же, он не мой.

— Странно, — она замолкает на секунду, — Никита был уверен, что он твой молодой человек. Матвей починил твою машину, пропустил работу.

Я не знала об этом. Хмурю брови, задумываясь о том, что на самом деле ничего о нем не знаю. Кроме того, что его зовут Матвей и он чертовски сексуален. И то, что моя вагина его хочет.

Даже Никита больше знает о мужчине, что за моей стенкой.

— Ксюх, я понятия не имею, что у него за работа. Я только сегодня утром узнала его имя, он просто вызвался мне помочь. Я торопилась и согласилась. На этом все.

— Что ж, в таком случае Никита пригласил к нам на годовщину постороннего человека, а забирать обратно свои слова будет ужасно, — она усмехается, — Поэтому приходите вместе. Глядишь и познакомитесь поближе.

Закатываю глаза. Этого мне еще не хватало. Просто сюр, цирк на выезде. Представляю, как иду на годовщину свадьбы к своей лучшей подруге и мужчине, которого люблю со школьной скамьи в сопровождении мужчины, представляя которого, ласкала себя несколько минут назад.

— Я не приду, моя хорошая. Игорь Олегович спросил о готовности материалов к выставке, а у меня еще конь не валялся. Придется поработать, — сейчас я не вру. К выставке действительно не все готово, а времени осталось очень мало.

— Да блин, Маш, ты издеваешься? — подруга злится сильнее, я знаю это точно, — Это капец как неуважительно по отношению к нам.

— Я не специально, — оправдываюсь.

— Да у тебя вечно какие-то проблемы, то работа, то выставки. В гости не приходишь,

звонишь редко. Думала, что хоть на годовщину точно придешь, а ты опять за своё, — ее голос приобретает истеричные нотки. И я понимаю, что она права. Я веду себя гадко, я все еще плохая подруга.

— Кисуль, ну прости, — стараюсь быть ласковой, чтобы успокоить ее. А самой противно. Может я действительно плохой человек? Так поступать с близкими людьми нельзя.

— Знаешь что, Ионова, если тебя завтра не будет вечером на годовщине — это будет самая крупная наша ссора. Просто знай, я зла и обижена. Адрес скину смской. Пока! — она не дает шанса оправдаться и кидает трубку.

Закусываю до боли нижнюю губу, злясь на себя. Потерять подругу из-за своей тупости и невежества — будет самой большой ошибкой. Я засуну все свои желания и пойду на годовщину. Но без соседа.

Как только я вспоминаю о Матвее, тут же раздается звонок в дверь. Это еще кто?

Неспешно подхожу к двери, смотрю в дверной глазок и вижу соседа. Сердце пропускает удар, сжимаю вспотевшие ладони, ногти больно впиваются в кожу, стараюсь выровнять дыхание, которое начинает сбиваться из-за волнения. Только я решила забыть о нем, как он тут как тут. Понятия не имею, зачем пожаловал, но если я сейчас открою ему дверь, находясь под градусом, ничем хорошим это не закончится.

Благодарю себя за здравый смысл, но тело почему-то поступает предательски, нажимая на дверную ручку и проворачивая ключ в замочной скважине. Не отдаю отчет своим действиям, но внутри ощущаю потребность увидеть его не через маленькое отверстие, а воочию.

— Что надо? — включаю стерву, выходит довольно грубо. Однако я понимаю, что выстраиваю стену между нами, зачем-то защищаюсь, хотя никто не нападает. Заранее у себя в голове прикидываю варианты, где сосед оказывается настоящим мудаком.

— Мащ, — он звучит устало, хотя вид говорит об обратном. Скорее всего он из тех людей, которые всегда выглядят хорошо, неважно какое время суток и какие обстоятельства. — Я пришел извиниться. Мне показалось, что моя шутка тебя задела.

Его слова оголяют, тут же складываю руки на груди, прячась от пытливого взгляда. Зачем он пытается быть хорошим? Я же вижу, что он не такой. Самец. Или мне удобно так думать? Разве такие мужчины извиняются?

— Тебе показалось, — выдерживаю броню.

Он закатывает глаза из-за моей дерзости, ему не нравится то, что я не даю зеленый сигнал. Но я не собираюсь пускать этого мужчину в свою жизнь, даже на короткое время. За эти сутки, что мы знакомы, он уже знатно потрепал мои нервы. А что будет, когда он останется на чуть дольше? Меня разорвет.

— Тебя родители вежливости не учили? — он делает шаг вперед, и я начинаю паниковать. Еще чуть-чуть и он окажется на моей территории.

— В общем, извинения принимаются, все ок. Не парься, скажи сколько я должна за починку машины, и разойдемся, — выставляю руку вперед, чтобы он не смог перейти за порог.

Он вскидывает голову вверх, отчего кадык на его шее дергается и выглядит крупнее, чем обычно. Я сжимаю ноги из-за волны возбуждения, все его мужское проявление заставляет нервничать.

— Когда я тебя первый раз увидел, подумал, что ты горячая штучка, — он возвращает свой взгляд на мое лицо и смотрит прямо в глаза. Я сглатываю образовавшийся ком в горле, потому что ловлю толику осуждения или даже пренебрежения. — Но сейчас я понимаю, что ошибся. Ты просто робот, никакой горячей штучки. Пресная и злая.

Его слова обжигают, мне становится душно и нечем дышать. Я сдерживаюсь, чтобы не заплакать, хотя нахожусь на грани срыва. Одно дело, когда от тебя просто молча сбегают мужики, другое, когда открыто говорят такие вещи. Болезненные вещи.

Собираю всю волю в кулак, сдерживаясь от колкости и от прорывающихся слез.

— Спасибо за мнение. Если это все, то пока! — начинаю закрывать дверь, но его длинная нога останавливает движение не дает закрыть до конца.

Свожу брови к переносице, недоуменно разглядывая длинную ступню в сером

кроссовке.

— Но почему-то я все еще хочу тебя трахнуть, — его откровенность обескураживает.

Черт, знал бы он, что мои трусики намокают только от мысли о его члене, то мы бы закончили сегодня вечер в моей спальне. Но я сдерживаюсь, потому что мысленно щипаю себя, вспоминая о большой любви, которую жду, а не о разовом сексе.

— Ты всегда так откровенен в своих желаниях?

— Почему нет? Я взрослый мужик, увидел симпатичную девчонку. Судя по тому, что твою машину некому было починить, то одинокую.

— То есть шутка про тысяча и одну ночь все же была не шуткой? — я была права, он настоящий мужлан.

— Нет. Потому что меня интересует только одна ночь.

Все еще поражаюсь его откровенности, но держусь. Интересно, чем закончится этот диалог.

— На большее не способен? — подтруниваю его.

— Просто большее мне не интересно, Маша. Отношения не про меня.

Бинго! Ставлю галочку напротив своих мыслей по поводу этого мужчины. Что и требовалось доказать. Конечно, такие мужчины не про семью, не про любовь. Чистый секс. Приди он ко мне годом ранее, мы бы уже занимались сексом, оприходовав все поверхности в квартире. Сейчас — нет.

Я хочу его, но еще больше я хочу любви. Матвей — не мой вариант, а я не его. Не в то время, не в том месте.

— Так что, Мария? Как ты смотришь на мое предложение? — он соблазнительно улыбается. Я сильнее свожу ноги, потому что киска начинает пульсировать. Мышцы влагалища спазмируют, а мое высокое либидо дает о себе знать. И контролировать все это становится невыносимо тяжело.

— Отрицательно, Матвей.

— Уверена? — снова делает шаг в мою сторону. Из-за раздражающего возбуждения, я теряю бдительность. Рука соседа касается оголенной кожи моего бедра. Пока я ловлю свои ощущения от теплых больших рук, ладонь мужчины откровенно очерчивает узоры по периметру ноги, двигаясь к истекающему лону.

— Что ты делаешь? — перехватываю его руку, отмечая, что в самом начале диалога перешла на "ты", разрушая между нами рамки субординации.

Он игнорирует мой вопрос, запуская свои длинные пальцы в мои огненные волосы, нежно поглаживая затылок, от этих манипуляций кожа покрывается мурашками. Я не останавливаю его, ожидая как далеко он может зайти. Он все же оказывается на моей территории, но дверь не захлопывается. И это спасает ситуацию.

— Матвей, прошу, прекрати, — мои слова больше похожи на стон, чем на просьбу.

— Расслабься, девочка, — губы наглеца оказываются на моей шее, его влажный язык находит пульсирующее венку и он ее прикусывает, после чего целует. И снова прикусывает.

От блаженства я прикрываю глаза, уверяя себя, что еще немного и точно оттолкну.

Губы Матвея продолжают исследовать тонкую шею, я позволяю себе вольность и кладу руку на его затылок, кожа мужчины гладкая, от него вкусно пахнет то ли гелем, то ли парфюмом. Что-то древесное, немного табачное. Голова кружится от переизбытка эмоций, я не сдерживаюсь и тихо стону прямо в ухо мужчины. Он рычит и пододвигает меня к себе еще ближе, внутренней частью бедра я четко чувствую его эрекцию. Член, спрятанный за

тканью спортивных шорт, ощущается огромным и очень твердым. В ужасе задумываюсь, как эта дубинка сможет поместиться внутри меня. Вряд ли моя вагина сможет принять такой размер.

— Можешь дать волю своим действиям, — он шепчет мне на ухо, целуя в уголок губ, — Не стесняйся.

Пока я задумываюсь над его предложением, губы соседа захватывают мою нижнюю губу в плен. Он посасывает ее, ласкает, лижет, словно сладкое мороженое. Голова перестает соображать, позволяю ему углубить поцелуй, натыкаюсь своим языком на его. И мы начинаем целоваться как обезумевшие. Он подхватывает меня за попу, отчего я обвиваю мощный торс ногами, повиснув на нем как мартышка. Матвей прижимает меня к стене, продолжая трахать мой рот. Я задыхаюсь, понимая, что готова позволить ему коснуться всех моих интимных мест, как дверь соседней квартиры хлопает.

Я вздрагиваю, слыша шаги и голоса соседей, мама с ребенком. В ужасе расширяю глаза, отталкиваю Матвея от себя, он от неожиданности отрывает руки от моей талии. Я больно приземляюсь пятой точкой на пол и шиплю от боли.

Начинаю злиться на себя, на соседа, на ситуацию, которая так далеко зашла. Он же выглядит спокойным, слежу за его рукой, которая хочет захлопнуть дверь и кричу.

— Стой! Нет!

Вскакиваю на ноги, толкая Матвея в плечо в сторону выхода.

— Девочка, собираешься меня оставить со стояком?

Смотрю на его эрегированный орган, мысли медленно собираются в порядок. Я успокаиваюсь, возвращая остатки разума на место.

— Матвей, уходи, — спокойно выдавливаю из себя фразу. Хотя грудная клетка ходит ходуном от сбившегося дыхания. Касания его губ все еще ощущаются на моей коже. Это было настолько хорошо, что мозг отключился полностью. Как во сне.

— Мащ, — он снова тянет руку ко мне. Я отшатываюсь.

Сосед ловит мой взгляд, понимающе кивает.

— Это не конец, — бросает через плечо и выходит из моей квартиры. Я моментально захлопываю дверь за ним, закрываясь на все замки. Даже на нижний, который не трогала с момента переезда в эту квартиру.

Захожу в новый модный ресторан в центре города, сдаю в гардероб плащ, приглаживая волосы, которые слегка растрепались от порыва ветра. Придирчиво оглядываю отражение в зеркале, подкрашивая губы нежно-розовой помадой и подводя контур губ карандашом оттенком темнее.

— Дорогая, как же я рада, что ты все же пришла. Прости, я была груба. Но видимо ты только под кнутом соглашаешься, — Ксюша обнимает меня со спины, тиская как кошечку. Вообще подруга настолько ласковая, что она первый в жизни человек, которому я позволяю чуть больше обниманий и теплоты. Самой же мне тяжело проявлять телячьи нежности. Родители особо никогда не обнимали, ласковых слов не говорили. Все по плану и четкому расписанию.

— Я тоже была не права, — поворачиваюсь к ней и обнимаю в ответ.

— Я вчера Никите все нервы вытрепала. Думала, как ты там. Обидела же, — она ругает себя, даже не подозревая, что ее вины нет от слова совсем. Это просто я творю всякую ерунду.

— Давай забудем!

Она кивает в ответ и ведет меня к столу, где уже собрались гости: пара студенческих друзей, коллеги по работе. Всех ребят я знаю, знакома еще со свадьбы. Улыбаюсь, приветствуя собравшихся и приветствую в ответ Никиту, который услужливо отодвигает мне стул.

Облегченно выдыхаю, радуясь, что несносный сосед не пришел. Тело все еще хранит его запах, даже после душа я ощущаю на себе его губы, руки, язык. Разве такое возможно? Это было настолько сладко и хорошо, что я забылась. Дала волю чувствам и эмоциям, позволила себе лишнего. Чуть не сломалась под его шепотом и горячим телом.

Бог знает, как далеко мы бы зашли, если бы нас не прервали.

Мы весело проводим время, я стараюсь улыбаться и вести себя непринужденно, периодически поглядывая в сторону Никиты. Он определенно хорош собой, красивый и уверенный в себе. Невольно начинаю сравнивать его с соседом. Они абсолютно разные, Никита интеллигентный, вежливый, в меру скромный. Одним словом замечательный. Матвей же...

Матвей с напором, самоуверенный, ходячий тестостерон. От него пахнет сексом, силой и мощью. Не мой типаж, не мой коленкор. Однако, низ живота снова начинает спазмировать, как только перед глазами встает образ наших сплетенных тел. Наваждение какое-то.

Подношу бокал с коктейлем к губам, смыкая рот вокруг трубочки, не успеваю сделать глоток и начинаю кашлять. Тяжелая рука постукивает меня по спине, помогая откашляться.

— Машуля, ты в порядке? — Ксюша начинает переживать, а я место найти себе не могу.

Это хрипловатое "Привет всем" выбивает почву из-под ног. Я боюсь обернуться, осознавая, что за моей спиной Матвей. Все-таки пришел. Не постеснялся.

— Я прошу прощения за опоздание, были дела, — он продолжает вести рукой между моих лопаток, распаяя кожу до предела, — Вы должны быть Ксения? Никита рассказывал о вас с большой любовью, — Матвей протягивает Ксюше красивый букет белых лилий.

Она смущенно опускает глаза вниз, робко благодарит его. А потом кидает удивленный

взгляд на меня. Пожимаю плечами. А что тут говорить? Да, он секси.

— Присаживайтесь рядом с нашей Машулей, тем более вы знакомы, — она хихикает, а мне вот не до смеха.

Матвей просит обращаться к нему на "ты" и опускает свою тушу на соседний стул. Я вжимаю голову в шею, потому что меня окатывает волной возбуждения. Так всегда теперь будет рядом с ним?

Гости отвлекаются на живую музыку, А Матвей поворачивается ко мне полубоком, складывая руку на спинке моего стула.

— Выглядишь очаровательно, — его глаза останавливаются на моих голых коленях. Натягиваю юбку ниже, чтобы скрыться от его взгляда.

— Спасибо! — бурчу в ответ, снова занимая рот трубочкой от коктейля.

— Маш, расслабься, не съем, — он наклоняется ближе, и его горячее дыхание опалает мочку уха, — Пока что.

— Матвей, прошу, не начинай. Продолжения не будет.

— Уверена? — приподнимает бровь, ухмыляясь.

Ох, как же он уверен в себе.

— Да.

Он лишь коротко смеется и отворачивается от меня, давая больше пространства. Кто-то из гостей отвлекает Матвея разговорами, а я снова прикладываясь к алкоголю. Не понимаю, почему в экстренных ситуациях меня спасает только он. Пью я редко, но всегда метко. Вечер проходит более менее спокойно, все шутят и рассказывают какие то истории из жизни.

Я тоже успокаиваюсь, Матвей больше не лезет ко мне, тело расслабляется и перестает гореть.

— Малыш, потанцуешь со мной? — Никита встает и протягивает руку Ксюше.

Она тут же соглашается, и ребята выходят на середину танцпола. Мужчина нежно обнимает ее за талию, шепча какие-то приятности ей на ушко, отчего она улыбается и смотрит на него с большой любовью. Сейчас они как единое целое, нерушимое. Я смотрю на них и вижу, как сильно Никита любит ее. Наверно, он никогда бы не смог полюбить меня также. Никто не смог. За мои двадцать семь лет никто меня не смог полюбить. От осознания ситуации слезы подкатывают, но я прячу их за улыбкой. Поплачу потом дома, снова жалея себя. От выпитого алкоголя кружится голова, щеки полыхают и кожа краснеет.

Я продолжаю следить за жестами влюбленной пары, Никита заправляет выпавшую прядь волос Ксюше за ухо, проводит ладонью по скуле. И меня накрывает. Вскрываю со стула, и стуча по полу каблуками, бегу в сторону уборной. Умываюсь аккуратно холодной водой, чтобы не испортить макияж. Прикладываюсь к бетонной стене, глубоко дышу и пытаюсь уговорить рвущееся наружу сердце.

Почему-то вместо того, чтобы отрезветь, я еще больше пьянею. Мысли хаотичны и нелепы, разносятся в голове, путаясь в клубок. Я сжимаю руки у висков, тру их, но перед глазами все еще расплывается. Черт, кажется я сильно напилась.

В голову приходит самая идиотская мысль из всех, что могли прийти ко мне. Я зачем-то решаюсь рассказать Никите о своих чувствах. И будь что будет.

Уверенно смотрю на себя в отражение зеркала, еще раз умываюсь водой и подмигиваю сама себе. Со стороны наверно выгляжу пьяно и нелепо, но сейчас это меня волнует меньше всего. Я точно больше никогда не решусь, либо сейчас, либо никогда.

Выскакиваю из туалета, насколько это возможно в моем состоянии двигаюсь плавно в

сторону ребят.

— Стоять! — сильные руки успевают меня перехватить.

— Отпусти, — шиплю и начинаю брыкаться.

— Что ты собираешься делать?

— Какое твое дело? — все еще извиваюсь как змея, но руки соседа держат меня в крепком кольце.

— Ты сейчас разрушишь свою жизнь, если сделаешь это. Ты не нужна ему, — он прав. Но мне надоело хранить тайну и прятаться как мышь по углам, врать и придумывать легенды.

— Послушай. Кто ты такой? Кем ты себя возомнил?

Не замечаю как перехожу на крик. Матвей не выдерживает и закрывает мой рот рукой.

— Не будь идиоткой! — он тоже повышает голос, — В тебе сейчас здравого смысла ноль. Это все алкоголь.

Я мычу сквозь его пальцы, но он непоколебим. Раздражаюсь и сильно прикусываю его кожу на ладони. Он тут же убирает ее от моего рта. Краем глаза замечаю, что прикусила довольно сильно, у него кровь.

— Я люблю его, слышишь? И он должен знать!

— Никого ты не любишь кроме себя, дура, — Матвей возвышается надо мной, жалея своими словами.

Я не нахожусь с ответом, теряясь на минуту. Мой ступор прерывает голос сбоку.

— Кого ты любишь?

Испуганно моргаю, ошарашенно переводя взгляд на источник звука.

Черт, только не это!

Глава 8

— Алкоголь она любит, — Матвей берет ситуацию в свои руки. Я все еще стою неподвижно, все мышцы словно каменеют. Я в ужасе смотрю на Ксюшу, и здравый разум начинает возвращаться ко мне. Я только-что чуть не призналась ее мужу в любви.

— Машка, ну ты чего так напилась? — укора в ее голосе нет, только волнение. От этого становится тошно, пока она тут волнуется за мое состояние, я пытаюсь разрушить ее семью.

— Все хорошо, уже домой поеду, — язык немного заплетается.

— Ну куда ты в таком состоянии сама поедешь то? Давай я попрошу Никиту проводить тебя на такси.

— Нет! Не нужно, — останавливаю ее.

— Ксения, ты не переживай. Нам с Машей по пути, я провожу ее прямо до квартиры, — Матвей все еще держит меня за талию. Я даже не замечаю его руку, до тех пор пока проворные пальцы не касаются оголенного участка кожи в районе поясницы.

— Правда? Спасибо большое, — она подходит ближе и чмокает меня в щеку. Поматерински гладит меня по голове.

— Ксю, прости, что-то я последнее время не в себе, — заглядываю в ее глаза.

— Все хорошо, крошка. Отдыхай!

Матвей берет меня под руку и ведет к гардеробу, аккуратно усаживает меня на пуфик, отдавая номерок, который я достаю дрожащими руками из сумочки. Помогает накинуть плащ на плечи и выводит на улицу.

Прохладный осенний ветер обдувает лицо, я прикрываю глаза, немного приходя в себя. Начинается процесс самокопания, корю себя за мысли и за ситуацию. Чувствую, как стыд покрывает все мое тело с головы до пят.

— Спасибо тебе! — поворачиваюсь в сторону соседа, — Ты меня спас от неминуемой ошибки.

Он молчит. Хмурит брови, закладывая руки в карманы черных джинс. Только сейчас отмечаю как хорошо он выглядит. Джинсы идеально сидят на его попе, белая футболка отлично подчеркивает смугловатую кожу. Он почему-то без куртки, хотя на улице довольно прохладно.

— Я вызову такси, не нужно меня провожать, — шепчу, доставая гаджет из сумочки.

— Пошли! — он снова хватает меня за руку и ведет в сторону парковки. Почему-то именно сейчас не хочется спорить, брыкаться и показывать свой характер. Я по уши в дерьме, поэтому молчу.

Матвей щелкает брелком, и фары черного пикапа марки Форд подают световой сигнал.

— Садись, — он открывает дверцу машины, кладет руки на мои ягодицы и как пушинку подсаживает. Без его помощи я точно бы не залезла в эту махину.

Мы выезжаем с парковки, в машине вкусно пахнет яблоком и чем-то цитрусовым, Матвей ставит комфортный температурный режим и включает музыку на фоне. Его молчание сбивает с толку, не понимаю как себя вести.

— Еще раз спасибо, — первой нарушаю тишину, отмечая как костяшки пальцев белеют на руле. Матвей крепко сжимает руки.

— Одного спасибо будет мало, — он наконец прерывает молчание. Не самой приятной фразой.

— А что ты хочешь?

— Ты знаешь, Маша, чего я хочу.

Его голос заставляет нервничать, конечно, Матвей не выглядит как маньяк. Просто это первый мужчина в моей жизни, который настолько прямолинейный. Он не подбирает слова, говорит как думает.

— Матвей, я не буду с тобой спать, — прикладываю лоб к холодному стеклу, устало прикрывая глаза.

— Зачем ты обманываешь себя? Я же чувствую, как твое тело отзывается, — его горячая ладонь опускается на мою коленку, воспаляя кожу.

— Матвей, прекрати, — убираю его руку, — Для тебя это просто секс на одну ночь. А я так больше не хочу.

— Больше?

Посвящать в свою интимную жизнь совершенно не хочется. Почему-то мне кажется, если я ему расскажу, что у меня были половые партнеры без отношений, он потеряет ко мне интерес. А я хочу быть интересной ему. Не просто как девушка, но и как личность. Матвей скрытен, отстранен. О себе ничего не рассказывает.

— Чем ты занимаешься? — отвечаю вопросом на вопрос.

— Для чего тебе эта информация? — бьет той же монетой.

— Интересуюсь мужчиной, который предлагает мне переспать.

— Для этого необязательно узнавать ближе друг друга.

Его слова ранят, он даже не пытается скрыть, что я ему как человек не интересна. Только моя вагина играет роль. Обдумываю предложение, хотя заведомо понимаю, что не соглашусь. Разбиваться о скалы надежд — последнее, что хочется делать. Я боюсь влюбиться, боюсь раствориться в нем. Потому что он нравится мне, привлекает меня. От того, что он скрытен, становится только интереснее. Поэтому не стоит даже начинать, когда мужчина тебе четко дает понять — продолжения не будет.

Тут же принимаю решение начать снова ходить на свидания, нужно забыться. Клин клином вышибает, нужна альтернатива. Глядишь и мужа себе найду. Забуду о горячем и жутко сексуальном соседе.

Мы заезжаем в наш двор, я так и не нахожусь, что ответить ему. Да и нужно ли вообще?

— Что решила?

— Нет, не стоит, Матвей, — улыбаюсь. Вся колкость и дерзость испаряются. Я его должница, но отблагодарю как-нибудь иначе.

— Почему ты упрямисься, Мария?

— Почему тебе так важно затащить меня в постель? — вспыхиваю. Его настырность начинает напрягать. Мы снова начинаем игру в вопросы без ответов.

Он проводит ладонью по короткому ежику волос, тяжело вздыхая. Пальцы снова сжимают руль до бела. Его что-то злит, но что я понять не могу. Мой отказ? Так я уверена, что такой мужчина как он спокойно найдет себе досуг на ночь. В крайнем случае можно воспользоваться услугами проститутки.

— Почему я? Вокруг столько женщин, — развожу руками словно и правда нас окружает толпа его фанаток.

— Он тебя хочет, второй день не дает покоя, — Матвей хватает мою руку и кладет ее на ширинку. Я тут же ощущаю внушительный размер и твердость члена. Щеки вспыхивают от неожиданности и остроты ситуации. Сейчас мы как никогда близко. Его взгляд сканирует

мое тело, словно он глазами раздел уже и поимел меня во всех позах. И я чувствую его желание даже без слов. Его неподдельный интерес добавляет баллы моей самооценке. Однако, этого мало. Мне его мало.

Я аккуратно дрожащими пальчиками тяну замок его ширинки вниз и расстегиваю пуговицу на джинсах, залезаю за резинку черных боксеров, обхватывая ствол всей рукой. Слышу утробный стон Матвея, но не решаюсь поднять глаза на его лицо. Полностью сосредоточена на поглаживании мягкой кожи. Головка члена розовая, круглая и мягкая. Опускаю большой палец на каплю смазки и аккуратно распределяю по поверхности. Затылком ощущаю тяжело дыхание. но сосед не торопится меня прерывать. Только лишь толкается вперед, отчего член скользит внутри моей сомкнутой ладони. Я самостоятельно проделываю то же самое движение несколько раз.

— Пососи, — хрипит.

И я почти готова доставить ему оральную ласку. Даже не потому что он хочет, а потому что я нуждаюсь в этом. Но все же торможу себя.

— Маш, давай, — он кладет руку на мой затылок и направляет меня ближе к органу.

Что-то внутри щелкает, я понимаю, что не могу переступить эту черту. Дай он мне уверенность, что наша близость не будет концом, а наоборот станет началом чего-то большего. Я непременно бы позволила себе отдаться моменту. Но это так не скажет.

Меня спасает вибрация его смартфона, который лежит на торпеде. Матвей чертыхается и грубо рычит в трубку: "Да".

На том проводе явно что-то серьезное, потому что взгляд соседа меняется. Темнеет, голубые омуты словно становятся темно-синими. Матвей злится, кричит матом на собеседника. От волны агрессии я вжимаюсь в сиденье.

— Блять, мы не успели, Тоха. Это гребанный ад, — он стонет от отчаяния и сбрасывает звонок.

— Что-то случилось? — аккуратно интересуюсь.

Он прячет эрегированный член обратно в трусы и застегивает джинсы.

— Отмена, Маша, — теряет ко мне какой-либо интерес, — Увидимся позже.

Его ледяной тон приводит в чувство, я понимаю, что нужно выйти из машины. Ему сейчас не до меня. Явно что-то случилось, и делиться он не собирается.

— Пока, — открываю дверцу и выскакиваю из машины. Расстояние до асфальта приличное, особенно когда ты пьяненькая и на каблуках. Я пошатываюсь, но не подаю вида.

Матвей молча кивает мне, и как только я захопываю дверь, тут же срывается с места. Клубни пыли и опавших листьев поднимаются надо мной. Ощущение брошенности и безысходности окутывает с ног до головы.

Почему же я такая дура? Обещала же себе держаться от него подальше. Вместо этого дровичу ему в его пикапе. Пала ниже некуда.

А еще мне стала интересна его жизнь и он сам.

Дома я тут же решаюсь зарегистрироваться на сайте знакомств. То ли остатки алкоголя в моем организме влияют на решение, то ли злость и обида на соседа. Но в первые тридцать минут я уже общаюсь с каким-то мужчиной. Диалог идет вяло, однако, позволяет отвлечься от дурных мыслей.

Я понимаю, что Матвей с каждым разом становится мне все больше интересен как мужчина. Любопытство терзает узнать, куда он сорвался, что сейчас делает, были ли у него когда-либо серьезные отношения. Узнать его ближе. Но он четко выстроил свои личные границы, обозначив мое место рядом с ним. Секс на одну ночь.

Пока мой собеседник ждет от меня ответ на вопрос "Кем ты работаешь?", я тут же отвлекаюсь от диалога, потому что слышу как во двор заезжает машина. Встаю из-за стола и подхожу к окну, отодвигая кремовую штору вбок. Вижу как Матвей паркуется недалеко от моей ласточки, выпрыгивает из своего пикапа и размашистым шагом обходит машину, подавая кому-то руку и помогая выбраться.

Я замираю, наблюдая как хрупкая блондинка идет рядом с ним к подъезду. Она низкого роста, худощава и довольно серьезна. Ее плечи опущены, лицо милостивое, но очень печальное. Несмотря на то, что девушка не вызывает раздражения своим видом, укол разочарования не обходит стороной. Я злюсь, что он бросил меня одну, не проводил до квартиры, как обещал Ксюхе. Так еще и вернулся с другой.

Конечно, он свободный человек и вправе делать все, что захочет. Но все равно ужасно неприятно. Как только они скрываются из виду, я тут же задергиваю штору и бегу к двери. Корю себя за то, что слежу за чужой жизнью как сторонний наблюдатель, словно моя настолько скучна и неинтересна мне самой же, что приходится подглядывать.

Они выходят из лифта, Матвей придерживает ее под локоть, как настоящий джентльмен. Кожа на поясице тут же вспыхивает, словно помнит прикосновения его горячих пальцев. Я продолжаю смотреть за парочкой, пока Матвей открывает ключом дверь, эта хрупкая особа что-то говорит ему, он слегка улыбается, очень тепло и искренне. Таким я еще его не видела. Вот каким он может быть, когда заинтересован в женщине. Я невольно начинаю сравнивать себя с ней, почему она ему стала более интересна, чем я.

Девушка слегка приобнимает его со спины, похлопывая по плечу. Матвей кивает ей, а потом бросает короткий взгляд на мою дверь. Ровно на секунду. В этот момент обида начинает подбираться к горлу, я отпрыгиваю от двери, слово увидела то, что не должна была видеть, а именно чужую личную жизнь. Сердце колотится как сумасшедшее, разгоняя пульс до ста двадцати. Воздуха критически мало, поэтому я стараюсь делать более глубокие вздохи, успокаивая свой разбушевавшийся организм.

Мне показалось, словно он знал, что я наблюдаю за ними. Хотел, чтобы я видела. Но это лишь происки моей фантазии.

Возвращаюсь к компьютеру, на экране висит три непрочитанных сообщения от моего нового знакомого.

"Ау!".

"Ты куда пропала?".

"Маша?".

Тут же клацаю ноготками по клавиатуре, набирая ответное сообщение.

"Прости, отвлеклась. Я работаю в академии лектором, преподаю изобразительное искусство и периодически устраиваю выставки. А ты?"

"Ничего себе! Так ты творческая личность? Здорово. Я обычный айтишник. Хотя может и не очень обычный."

Сергей ставит подмигивающий смайлик. Специально недоговаривает, чтобы я поинтересовалась, что он имеет в виду.

"И в какой области айти ты работаешь?"

"Отвечаю за кибербезопасность, слежку и неприкосновенность конфиденциальной информации".

Ого, так у нас тут серьезный человек оказывается. Не знаю, откуда в мою голову приходит шальная мысль, но я быстро печатаю свой вопрос, отправляя Сергею.

"Серез, а можно что-то узнать о человеке, имея минимум данных о нем?"

"Не легко, но в целом возможно. Зависит от того, какими данными ты располагаешь."

"Имя, адрес проживания и номера машины."

"По номерам пробить можно. Тебя кто-то обидел?"

"Нет, нет! Просто интересно."

"Маша, а позволь тебя пригласить на кофе? Там можем обсудить подробнее твой вопрос. Все же здесь я не могу многое говорить."

Его предложение кажется заманчивым. Только потому что, я люблю кофе и хочу узнать что-то о Матвее. Мне хочется узнать соседа ближе, даже таким не совсем честным путем.

Мы договариваемся с Сергеем пересечься вечером в кафе в центре города и прощаемся. Я ложусь на кровать, поворачиваясь к стене, смежной с квартирой Матвея. Вожу пальцем по обоям, очерчивая его силуэт. Когда я была маленькой, такого рода занятие перед сном помогало мне расслабиться и уснуть, обычно я вырисовывала образы животных, природу, какие-то игрушки. Сейчас же вожу по стене, очерчивая губы Матвея, его слегка нахмуренный лоб с небольшой складкой посередине, густые брови, сведенные к переносице, ровный нос. Стону от отчаяния, понимая, что грязну в нем все больше и глубже. Нервничаю, представляя, как Матвей ласкает хрупкую блондинку, как ставит метки на ее теле, водя губами по самым сокровенным местам, как шепчет ей нежности. Уверена, что с ней он ласковый и терпеливый.

Как мазохистка гоняю эти образы перед глазами раз за разом. Тело возбуждается, соски тут же твердеют, клитор пульсирует. Я опускаю руку в трусы, ведя указательным пальцем по контуру половых губ, прикусываю губу, блаженно прикрыв глаза. Думаю о Матвее, но образ его спутницы лезет на первый план. Раздражаюсь, что она мешается, и с досадой стону, убрав руку из трусов. Разочарованно бью ладонью по стене, отворачиваясь на другой бок в надежде скорее уснуть.

Завтра я обязательно выпытаю у Сергея информацию, мне до ломоты в теле любопытно узнать о Матвее все. Если окажется, что он несвободный мужчина и обманывал меня, я вычеркну его из своей жизни, головы и немного из сердца. Он каким-то поразительным образом занял там место, небольшое, но довольно прочное. Влюбляться в холодного и отстраненного мужчину не так страшно, как влюбиться в несвободного мужчину. Конкурировать с другими женщинами я никогда не умела, прекрасный пример тому Никита и Ксюша. И другие мужчины в моей жизни, которые выбирали не меня. Я всегда интересовалась, кого же они выбирали. И как маньячка находила в тех женщинах кучу достоинств, принижая себя. У кого-то был нос аккуратнее моего, у кого-то более пышные

волосы, кто-то одевался более стильно.

Я каждый раз искала проблему в своей внешности. Пока один ухажер не сказал мне шокирующую правду, с его стороны, конечно.

"Маша, ты красивая девушка, только закрытая очень. С тобой тяжело, характер скажем прямо не подарок. Мне попроще надо".

Проще! Как же я зла тогда была, что меня не выбирают потому что я сложная, неудобная и неудобная. Сейчас такие моменты переживаю более безболезненно, но тогда меня порвало на части. И именно тогда я задумалась, а что будет, если мое "сложно" так никто и не полюбит.

И каково это быть проще? И когда тебя выбирают...

Глава 10

Сегодня хочется выглядеть красиво и сексуально, пытаюсь понять откуда возникло это желание, скорее всего вчерашняя гостя соседа задела мою нестабильную самооценку. Сгружаю на кровать все платья и юбки из шкафа, тут же отмечаю про себя, что нужно в ближайшее время устроить шоппинг. Не то, чтобы носить нечего, но хочется обновиться. В голову тут же прилетает мысль о салоне красоты, беру в руки рыжий локон и придирчиво осматриваю его на наличие секущихся концов. Но за волосами я ухаживаю, поэтому выглядят они хорошо. Ладно, с салоном подождем, а вот гардероб обновлю обязательно.

Подбираю обтягивающую юбку карандаш бежевого цвета и шелковую блузку цвета слоновой кости, волосы собираю в небрежный пучок оставляя пару прядей у лица, нюдовый макияж с акцентом на губы, и в завершении мои любимые лодочки. Я все равно буду на машине, замерзнуть не должна.

Переливаю из турки в чашку свежесваренный кофе, сегодня я никуда не опаздываю, сон был прерывистый, я то и дело просыпалась каждый час, прислушиваясь к звукам за стеной. Там было тихо, что несказанно радовало. Поэтому поднялась я уже в шесть утра. Делаю глоток бодрящего напитка, раздвигая шторы и устраиваясь попой на подоконнике. Высматриваю машину Матвея, он на месте. Осознание того, что парочка все еще вместе милуется в его квартире, приводит в чувство досады и горечи.

Маша, ты не главная героиня этого романа!

Пока закрываю дверь квартиры, слышу шум за спиной. Мысленно молю Бога, чтобы это оказались не они, но удача поворачивается пятой точкой. Встретаться лицом к лицу с мужчиной, который ласкал мою киску, и с его барышней — нет никакого желания.

— Маша, привет! — хриплый голос пробирает до костей. Делаю два глубоких вдоха и с обескураживающей улыбкой поворачиваюсь на звук его голоса.

— Добрый день, Матвей! — намеренно включая официальный тон, ловя смятение на его лице, — Уже спешу по делам. Хорошего вам дня!

Блондинка мнетя рядом с соседом, кидая взгляды то на меня, то на него. Я не из тех, кто будет рушить чужие пары, бросаться на амбразуру и говорить, что он тебе изменяет. Тем более я не знаю, в каком статусе их отношения. Может она такая же однодневка, как и я.

Подхожу к лифту, нажимаю на кнопку вызова и жду. За спиной четко ощущаю его дыхание. Зачем он так близко стоит, да еще и при своей спутнице?!

Молю его мысленно отойти от меня, потому что затылок уже горит. В лифте я отвлекаюсь на сообщение от Сергея, он уточняет все ли в силе.

Ласточка сегодня к счастью заводится быстро, с первого раза. Все это благодаря Матвею, который так и не взял с меня ни гроша. Быть обязанной ему не хочется совсем, потому что все, что он хочет — это меня на одну ночь. А я хочу его. Но чуть больше.

— Маш, поговорим? — не успеваю отъехать, как рука Матвея открывает дверь моей ласточки.

— Зачем? — я теряюсь на мгновение, но вовремя придаю голосу твердость.

— Ты на меня обижена?

— Нет, с чего ты взял? — ухмыляюсь, поворачивая голову в сторону его пикапа. Блондинка сидит на пассажирском, на нас не смотрит. Матвей ловит мой заинтересованный взгляд.

— Ты подумала, что после случившегося в машине, я поехал за другой женщиной? — логика у него работает хорошо.

— Матвей, послушай, мне не интересна твоя личная жизнь. Обид никаких нет. Секса между нами не будет. Тема закрыта, — я пытаюсь закрыть дверь машины, но он придерживает ее рукой.

— Кого ты пытаешься обмануть? Меня или себя?

— Никого. Просто я ничего не хочу. Ты это понимаешь? — еще чуть-чуть и я сорвусь на крик. Потому что либо слезы, либо придется выпустить пар.

— Ладно, Маш, я понял. Хорошего дня!

Матвей возвращается к своему пикапу, я захопываю дверцу и срываюсь прочь из двора дома. Подальше от него. Подальше от своих мыслей о нем.

Лекции проходят спокойно, я погружаюсь в материал, студенты сегодня на удивлении активные, задают много вопросов. Поэтому я полностью сосредоточена на работе, отвлекаясь от личных переживаний.

Проведя две лекции, обсуждаю с Игорем Олеговичем детали выставки. Ожидаемо, он критикует мои наброски. Дело не в том, что они плохие, а в том, что недоработанные.

— Не узнаю тебя в этих работах, — он перекладывает одну за одной зарисовки в стопку, поправляя очки и приглядываясь к линиям.

— Нужно переделывать?

— Не знаю, Маш. Не уверен, что ты вообще сейчас способна на хороший результат. У тебя что-то случилось?

— Нет. Просто тема сложная. Мыслей было много, а вот реализация вышла скудная, — кивая в сторону своих каракуль. Критика прорывается вперед.

— Да в том то и дело, что выполнены работы как обычно безупречно, ровные линии, штрихи. Только жизни в них нет, — начальник трет переносицу, где виднеется ямка от дужек.

— Вы хотите поручить кому-то другому эту выставку?

— Давай сделаем так. Я попрошу еще кого-то подстраховать тебя. Но тебе тоже даю время, чтобы довести до ума работу. Соберись, ИONOва! Где тот боевой дух и дерзость, которые нужны сейчас как никогда? — от того, что Игорь Олегович пытается шутить, становится легче. Он редко бывает таким, но дядька и правда хороший.

— Конечно. Я соберусь и все исправлю!

— Вот и отлично, — он улыбается, — А теперь беги в столовую. Там сегодня такой ароматный борщ подают, с ума сойдешь.

Смеюсь и убегаю в столовую по наказу начальства. От горячего борща уж точно отказываться не стоит.

Перед встречей с Сергеем я подготавливаю материал к следующим лекциям, и завершив все дела, выбегаю из академии. Погода славная, на улице довольно тепло, сентябрь радуется хорошей погодой в этом году. Снимаю плащ, вешая его на изгиб локтя, и семеню к своей машине.

— Да, мам, — пока стою в пробке, звонит родительница.

— Совсем про нас забыла, Маш, — укоризненный тон и строгость в голосе, классика жанра, — У отца через месяц юбилей, если ты помнишь.

Конечно, я помню.

— Да, я планирую приехать. Если тебя этот вопрос интересует.

— Одна? — желание мамы выдать меня замуж настолько велико, что периодически она занимается сводничеством. Обычно это какие-то сыновья ее подруг, либо сомнительные персонажи с работы. Помню Славика с прошлого года, он поставлял маме цветы в ее точки. Ужасно надоедливый и скучный тип. Еле отделалась от него.

— Нет. С женихом, — выпаливаю первое, что приходит в голову. Иначе она обязательно подыщет мне пару.

— Правда? Хорошенький? — она тут же веселеет.

— Замечательный, мам, — перед глазами встает образ Матвея. Раньше бы я представила Никиту, но из-за того, что сосед занял все мои мысли, следовательно и образ его взял первенство.

— Как зовут? Чем занимается? — поток вопрос обрушивается на меня со скоростью света.

— Мам, я очень тороплюсь на встречу, давай потом, — прощаюсь с родительницей и скидываю звонок.

Выдыхаю. Решу вопрос с "женихом" позже. Придумаю, что его отправили в Африку спасать диких животных, и он не смог присутствовать. Или еще какую байку. Я же в этом спец.

В кафе приезжаю с запасом, присаживаюсь за столик у окна и ожидаю своего спутника. Пальцы покалывает от нетерпения, достаю бумажку с записанным карандашом номером машины Матвея. В ночи подглядела в окно. Не терпится узнать как можно больше о соседе, что поселился не только на одной лестничной площадке со мной, но и в моей голове.

Сергей появляется в дверях кафе спустя десять минут, выглядит простенько, но не значит, что плохо. Просто по сравнению с Матвеем, не вызывает желания оказаться в одной постеле. Может за такого и нужно замуж выходить? Чтобы любил тебя, заботился, обнимал ночами. И пофиг, что ты его не хочешь.

Но нет, я так не умею, мне нужно гореть рядом с любимым мужчиной, тонуть в его взгляде, когда он смотрит на меня, как на самое лучшее, что происходило в его жизни. Чтобы ласкал так, словно каждый оргазм лучше предыдущего. Трогал с трепетом и обожанием. Только так хочу и никак по-другому.

Несмотря на то, что нам еще не удалось пообщаться с Сергеем, я уже отправляю его во френдзону. Не зацепил. Но полезные связи всегда важны, особенно такие. Айтишников в моей жизни еще не было.

— Привет, — Сергей чмокает тыльную сторону моей ладони. Эмоций никаких не вызывает.

— Добрый вечер, Сергей! Ты голоден? — улыбаюсь, стараюсь быть вежливой.

— Да. Как насчет вина?

— Ой нет, завтра рано вставать, откажусь, — хотя я бы выпила, только последнее время я зачастила с алкоголем. Поэтому отказываюсь. Интересно, а Матвей пьет? Не помню, чтобы он прикладывался к алкоголю на годовщине у ребят. Хотя спасибо, что я вообще хоть что-то помню, с учетом количества выпитого.

— Что ж, тогда в следующий раз, — мысленно благодарю Сергея, что он не настаивает.

— Серез, ты не подумай, что я тебя использую, но мне очень интересно узнать про одного человека, — не выдерживаю. Даже не стараюсь показать свою заинтересованность в собеседнике. Я здесь для дела.

— Понимаю. Только позволь задать вопрос?

Я киваю.

— Ты понимаешь, я не могу просто так направо и налево раздавать конфиденциальную информацию. Поэтому мне важно понимать, для чего она тебе?

— Ээээ, — я теряюсь с ответом. Просто рою на соседа, который пытается меня трахнуть, и от которого у меня кружит голову. Не, такой вариант не сработает.

— Это мой сосед. Противный человек, хочу понять, почему он мне мешает жить своим ремонтом и хамским характером, — выдаю часть правды и приукрашиваю. Конечно, он перестал мешать своим ремонтом, да и не противный вовсе. А очень-очень...

— Маш, вы хотя бы знакомы? Или ты просто номер машины его достала? — Сергей не скрывает свое недоверие.

— Конечно! Даже болтали по душам. Но он скрытный человек. Мне ж ничего лишнего не надо, просто понять, кем работает, чем живет. Это для того, чтобы я смогла наладить с ним коммуникацию, — вот тут не вру.

Мне правда хочется стать чуть ближе к Матвею, чтобы он подпустил меня ближе. Может, если у нас есть общие интересы, ему станет чуть больше интересно, чем просто секс.

— Ох, не знаю, — Сергей все еще сомневается.

— Я понимаю, Серез, если ты не сможешь помочь, то я не обижусь, — включаю еле слышимый голосок и кладу свою ладонь поверх мужской, — Но буду очень благодарна, если

все же получится, — перехожу на шепот.

Зрочки мужчины расширяются, я ловлю его интерес. Он хочет меня, это считается легко. Но все же я не буду пользоваться своим положением настолько гнусно.

— Попробую, Маш, — он опускает глаза на мою груди, где красиво бюстгальтером собраны полушария и видна тонкая линия ложбинки.

Я благодарно улыбаюсь, поглаживая по его ладони и убираю свою, оставляя клочок бумаги с номером машины.

Мы делаем заказ, и я уделяю чуть больше времени Сереже, расспрашивая о его деятельности и жизни. Он оказывается хорошим и чутким собеседником, задает встречные вопросы. Видно, что он заинтересован во мне как в женщине. Но у меня в груди и в низу живота так ничего и не шевелится.

Домой возвращаюсь с легкой усталостью, ноги гудят от каблучков. Я сбрасываю небрежно лодочки у входа и падаю на диван, вытягиваю ноги вперед. Сажу в тишине, потому что устала от шума. Думать ни о чем не хочется.

Звонок в дверь раздражительно нарушает мой покой. Что-то последнее время часто он звенит, с учетом того, что гости в моем доме большая редкость. Раз в полгода заходит Ксюшка, не больше. Тем более я не самая гостеприимная подруга.

Открываю дверь, не посмотрев в глазок, и тут же Матвей вваливается в мою квартиру. Его лицо в крови, бровь рассечена, губа порвана, на скуле виднеется синяк.

В ужасе ахаю, машинально хватая его лицо за щеки.

— Что случилось? — видеть его таким тяжело. Я испытываю страх, сердце колотится как у кролика.

— Есть аптечка? У меня пусто, не успел пока купить, — он морщится от боли.

— Конечно, сейчас, — начинаю тараторить, убегая в ванную комнату, открывая все шкафчики подряд в поисках перекиси водорода и ваты, — Иди сюда.

Матвей заходит внутрь, присаживаясь на край ванны. Я аккуратно промокаю его раны смоченной ватой, дуя на поврежденные участки. Матвей внимательно смотрит на мое лицо, но сейчас мне нет дела до смущения. Пускай смотрит, лишь бы стереть всю кровь с его красивого лица.

— Тебя избили? — шепчу.

— Нет, упал, — он отшучивается.

— Матвей, это не смешно. Кто это сделал? — от злости давлю на ранку чуть сильнее. Матвей шипит, я тут же извиняюсь и прикладываю подушечку пальца к ранке, нежно ее поглаживая.

— Маш, ты сейчас такая хорошенькая, — в его глазах смешинки, он опускает руки на мои ягодицы, сжимая их.

— Прекрати, — замираю от проснувшихся чувств. Как же он легко может сбить меня с толку и возбудить.

— Что прекратить? — он продолжает играть с моими ягодицами и нервами, опускает взгляд с моих губ на шею, а потом ниже, — Симпатичная блузка.

Я кидаю взгляд вниз, замечая, что верхние пуговицы расстегнуты, оголяя полушария. Черт, забыла застегнуться, пока шла до двери.

— Расскажешь, что случилось? — отбрасываю алую вату в раковину.

— Зачем? — его закрытость начинает раздражать.

— А вдруг ты бандит, и я тебя покрываю сейчас, — скидываю его руки со своих ягодиц,

отходя на два шага назад.

Матвей смеется, закидывая голову назад. Впервые слышу его смех, и он будоражит. Гортанный, слегка хриплый. Как рык.

— Такая ты фантазерка, — он снова приближается ко мне, поднимая мое лицо за подбородок, — Вылечишь меня?

Смотрит прямо в глаза, затягивая внутри меня узел из желания и похоти.

— Мне кажется, ты уже здоров, — четко проговариваю в его губы.

— Болен, Маша, ужасно болен, — его слова звучат двусмысленно. Я теряюсь на секунду, Матвей ловит мое замешательство и обрушивается на мои губы.

Не в силах его оттолкнуть, позволяю вторгнуться в мой рот, стону от кайфа. Даже металлический привкус крови не противен, наоборот добавляет остроты. Матвей разжигает внутри меня огонь, касаясь всех участков кожи. И я хочу, чтобы он меня трогал везде. Сама снимаю с себя блузку, позволяя его губам опуститься на грудь. Убеждаю себя, что просто немного поиграюсь, но не дам ему зайти дальше, чем ласки.

— Ахуенные у тебя сиськи, — Матвей оттягивает лиф вниз, оголяя розовый аккуратный сосок. Тут же захватывает его в плен своими губами, посасывая как лакомство. Я хватаюсь рукой за стиральную машину, потому что ноги подкашиваются. Матвей тут же проделывает ту же манипуляцию со вторым полушарием.

Я становлюсь смелее, снимаю с него футболку, отбрасывая ее куда подальше. Мне жизненно необходимо касаться его, почувствовать твердость мышц. Тут же опускаю руки на его торс, очерчивая кубики стального пресса, как вчера на стене вырисовывала его силуэт. Теряюсь в потоке ощущений, глаза закатываются, пока Матвей ведет языком вниз к пупку.

— Вкусная девочка, — он прерывается на секунду и снова возвращается к ласкам.

— Матвей, пожалуйста, — стону уже громче, когда его рука опускается между ног.

— Скажи! — требует он, не двигаясь дальше, — Скажи, что ты хочешь.

Я молчу, потому что если дам ему зеленый свет, то нас уже ничего не остановит. И я буду жалеть. Вернее сначала я умру от кайфа, а потом буду собирать остатки своего сердца и гордости.

— Маша, — хрипит, протягивая мое имя. Его рука играет с нежной и чувствительной кожей внутренней части бедра. Матвей специально не идет дальше, мучая меня и распаяя желание еще больше. Шиплю как кошка, впиваясь ноготками, покрытыми бесцветным лаком, в его плечо. Там определенно останутся следы, но это последнее, что меня сейчас волнует.

— Пожалуйста, дотронься, — заглядываю в глаза мужчины, его обычно холодные голубые омуты полыхают огнем. Он на грани также как и я. Нас двое в этой лодке.

Он рычит, опускаясь губами между моих грудей, облизывая кожу. Его рука касается мокрых складок истекающего лона, я ахаю, на миг сжимаюсь от остроты ощущений. Его указательный палец дотрагивается до пульсирующей горошины, играет с ней, как с джойстиком. То плавно и медленно, то наращивая темп.

Я не замечаю, как начинаю стонать во весь голос.

Матвей подхватывает меня за попу, усаживая на крышку стиральной машины. Часть флаконов падают на пол с грохотом, но я даже не смотрю в их сторону, полностью сосредоточившись на руках мужчины. Он поднимает юбку к животу, оставляя меня почти ногой, с отодвинутыми в сторону трусиками. Одним движением руки рвет кружево, оставляя от впившейся ткани красные линии на складках и ягодицах. Приподнимает мою правую ногу кверху, закидывая к себе на плечо, левую ногу отводит в сторону.

Сейчас я максимально перед ним открыта, каждый сантиметр моего тела доступен и обнажен.

— Позволишь? — он массирует половые губы костяшками пальцев, спускаясь медленно вниз.

Не успеваю ответить, как его влажный, теплый язык касается меня там. Сначала Матвей ведет по краям половых губ кончиком языка, дразня. Потом движения становятся смелее, он всасывает клитор внутрь своего рта, играясь внутри языком. Как вакуум создает максимальное соприкосновение и выпускает изо рта киску. Ни один мужчина в моей жизни не позволял себе таких движений, но Матвей абсолютно откровенен. Ему нечего стесняться.

Он целует лono с языком, словно захватывает во французский поцелуй. От новых ощущений сносит голову, когда к нежным посасываниям добавляется палец, который входит внутрь меня.

— Узкая, — довольно мурчит сосед, — Мне нравится.

Его похвала теплом разливается внутри груди. Мне так хочется быть для него идеальной. Даже там внизу.

— Уже представляю, как ты обхватишь своей киской мой член. Сожмешь его? — пошлые откровения делают мои щеки пунцовыми, но я остервенело киваю, хватая Матвея за макушку и возвращая вниз. Мне нужна еще доза ласки.

— Ненасытная девчонка, — усмехается.

Его вовсе не смущает, что я не отвечаю на его реплики. словно ему достаточно моего крика и хриплых стонов. Своими пошлостями он только добавляет остроты.

Киска уже настолько мокрая, что я слышу хлюпающие движения, когда Матвей добавляет второй палец, двигаясь внутри чуть резче.

— Матвей, — кричу, — Я. Сейчас. Кончу.

Каждое слово на выдохе. Он ускоряется, ровно три секунды, и все тело охватывают судороги. Мощнейший оргазм заставляет мое тело подлететь и затрястись. И это его член еще не был во мне.

— Вкусно было? — хихикаю, закусывая губу. Тело успокаивается, но мысли все еще хаотичны. Только-что был самый яркий оргазм в моей жизни.

— Попробуй сама, — он целует меня, и я чувствую свой вкус на его губах. Откровенность наших действий снова зажигает меня.

Опускаю руку на член, все еще спрятанный от моих глаз. Я точно хочу взять его в рот, хочу тоже почувствовать его вкус. Матвей помогает слезть с машинки, я откидываю рыжие локоны, выбившиеся из пучка, назад за спину. Касаюсь кончиками пальцев ширинки. Член рвется наружу, натягивая джинсовую ткань до предела. Пока медлю с ширинкой, дразня мужчину, он распускает мои оставшиеся волосы и сгребает их в охапку, стягивая в кулак. Затылок покалывает от натяжения.

Выпускаю член наружу, он тут же встает, демонстрируя свою мощь и красоту. Да, этот член при свете еще красивее, чем тогда я успела разглядеть в машине. Ровный, с гладкой розоватой кожей, с бледно-голубыми венами по периметру всего ствова и гладко выбритыми яичками среднего размера. Тут же ловлю в голове шальную мысль, что хотела бы их тоже попробовать потом. Никогда ранее такого не было.

Матвей двигает бедрами вперед, касаясь головкой моих губ. Я чмокаю его, послушно поднимаю голову вверх, смотря снизу на мужчину.

— Открой рот, — ласково просит, сильнее стягивая волосы.

Я решаю поиграться, кокетливо мотая головой в стороны.

— Кошка, — рычит, — Открывай.

Снова толкается вперед, и я снова его чмокаю.

— Мащ, — его гортанное "а" будоражит.

Улыбаюсь, приоткрывая губы. Матвею все еще не хватает достаточно пространства, чтобы войти внутрь. Он опускается на корточки, равняясь со мной.

— Будешь дурачиться, я жестко трахну твой рот, — предупреждает, шепча прямо в губы.

Но не на ту напал.

— Трахни, — отвечаю ему той же монетой, прикусывая его нижнюю губу.

Он вскакивает обратно на ноги, большим и указательным пальцами опускает мой подбородок вниз, заставляя рот открыться достаточно широко. Не успеваю даже сомкнуть обратно, как он врывается внутрь мощным толчком. От неожиданности из глаз брызгают слезы, весь рот заполнен его плотью. Мягкой, теплой, с бархатной кожей.

Матвей исполняет в действие свое предупреждение, активно двигая бедрами, отчего член скользит по языку и небу как по маслу. Головка почти доходит до гортани. Я упираюсь руками в его бедра, прося дать сделать глубокий вдох. Он выходит, я как рыба начинаю глотать воздух, слюна скатывается по краям губ, капая на грудь. Я растираю ее по соскам, и Матвей снова врывается внутрь.

Он стонет. Глухо, но очень по-звериному.

— Хочу кончить в рот, — ставит перед фактом, извергаясь внутрь моего горла.

Выходит, проводя рукой по стволу, размазывая остатки спермы по моим губам. Глотаю содержимое. Сегодня я определенно переступила черту разврата. Никогда ранее никому не позволяла кончать себе в рот. С ним впервые.

Я встаю с колен, поправляя юбку. Матвей тут же целует меня, не брезгуя после своего

семени. Целует нежно, даже трепетно. Не так как в прошлый раз.

— Было ахуительно, Машка.

Его "Машка" звучит так по-свойски, что мне кажется он открывается чуть больше мне, чем сам того хотел бы.

— Ты голоден? — включаю заботу. Его кровоподтеки все еще выглядят устрашающе, внутри я жалею его, но ни в коем случае не показываю ему. Не одобрит, не поймет.

— Тысячу лет не ел домашней еды. Отказываться не буду, — довольно улыбается.

А его вчерашняя гостья не готовит ему что ли? Значит не так уж они и близки.

— Тогда пошли, — киваю ему в сторону кухни.

По пути забегаю в спальню, передеваясь в удобные домашние шорты и майку. Разогреваю жареную картошку, котлеты и быстро нарезаю свежие овощи.

— Вау, так ты оказывается хозяйственная, — искренне удивляется, осматривая накрытый стол.

— Не похоже на меня?

— Если честно, нет. Думал ты одна из этих, — чешет подбородок, — Кто за равноправие и прочую ерунду. Не семейная короча.

Его слова задевают за живое. Так вот какое впечатление я произвожу. А та блондинка получается про семью?

— А если женщина хочет равные права с мужчиной, то она априори не может хотеть семью?

— Что за глупости? — он фыркает, отламывая кусочек котлеты, — Ты вот машину свою починить сама не смогла. И много ты видела женщин автомехаников?

— Я верну тебе деньги, — огрызаюсь, пропуская мимо ушей его мысль.

После такого чувственного орального секса, мне болезненно слышать его слова в свой адрес. Вот почему он хочет трахнуть меня. Я другая, не семейная, для забавы и утех. Диковинка.

— Я про деньги ни слова не сказал, — кладет в рот кусок, причмокивая, — Просто вы, женщины, любите соревноваться с мужчинами во всякой ерунде. Только не понимаю зачем? Можно же просто кайфовать от того, что рядом с тобой мужик и решает твои проблемы. Зачем все так усложнять? Счета все эти пополам делить.

— Может потому что нормальных мужиков не осталось? — кидаю с вызовом.

— Вот про что я говорил. Даже тут ты пытаешься спорить и обнажить свои клыки. А я ведь не нападаю. Мужики нормальные есть, только вы им яйца выкручиваете.

— Ой, знаешь, что. Посмотрите-ка на них, бедные какие, — я и правда начинаю злиться.

— Мащ, расслабься. Мой член только-что был в прекрасном месте. Давай не будем спорить, живи моментом, — он миролюбиво улыбается.

Я все еще злая. Мне не нравится, что он так поверхностно меня видит. Да я черт возьми хочу семью, хочу под крыло любимого мужчины. Хочу, чтобы спрятал, укрыл, никому в обиду не давал. Только где он тот самый? А нет его.

И как страшно признавать, что Матвей мог бы им стать. Только он не хочет, потому что я сложная.

— Расслабься, колючка, — гладит мое колено, — Готовишь ты супер.

— Спасибо, — буркаю, складываю руки на груди, закрываясь, — Ты расскажешь, что с тобой произошло?

— Это долгая история.

— У меня есть время, — пожимаю плечами.

— У меня его, к сожалению, нет, — его слова как пощечина. Отрезвляет знатно.

— То есть, ты пришел ко мне под предлогом отсутствия аптечки, чтобы трахнуть меня в рот и уйти в закат? — ох, черт, кажется слезы на подходе.

— А разве тебе было плохо? — приподнимает бровь, — Да и у меня действительно не было аптечки.

— Уходи, Матвей. Пожалуйста.

— Не усложняй, Машка, — он пытается разрядить обстановку, а меня на части рвет. Нет, не должно быть так. Не должно так ломать. Не хочу так больно.

— Убирайся! — срываюсь на крик.

Он укоризненно качает головой, еще раз благодарит за ужин и уходит. Падаю на пол, содрогаясь в беззвучных рыданиях.

То есть трахнуть в рот, то это ко мне. А все остальное мимо. Грудину рвет от боли, невыносимо адской боли. Телефон пиликает, оповещая о входящем сообщении. Хватаю его, пытаюсь разглядеть написанное сквозь пелену слез.

"Маш, я узнал про твоего соседа. Очень непростой человек. Скинь свою почту, я тебе пришлю зашифрованный файл. Скачай его себе, пожалуйста, и удали с почтового ящика."

Я начинаю успокаиваться, несказанно радуясь сообщению от Сережи.

Не хочешь мне рассказывать о себе, Матвей, тогда я все сама узнаю про тебя.

Смотрю на письмо от Сергея немигающим взглядом, выжигаю дыру на экране. Не решаюсь открыть. Пальцы покалывает от любопытства и нетерпения, но я так боюсь узнать о нем что-то, что противоречит моим ожиданиям и принципам. Нет, конечно, Матвей не похож на бывшего зэка или на психически нездорового человека, это бы я точно выявила. Как никак отец психиатр. Но что-то все же останавливает. Боюсь увидеть в строке семейное положение "женат", если таковая строка вообще имеется в том документе.

Гипнотизирую файл тяжелым взглядом и нажимаю на скачивание. Пока файл скачивается, наматываю круги по комнате, заламывая пальцы на руках. Что же там может быть?

Например, у него свой бизнес. Какая-нибудь автомастерская, раз он так хорошо в машинах разбирается. Или все мужчины хорошо разбираются в машинах? Этого наверняка я знать не могу. Мои бывшие ухажеры не были похожи на Матвея. Он другой.

Сильный, уверенный в себе, решительный. Знает, чего хочет. Живет по каким-то своим определенным правилам. Я всегда сторонилась таких мужчин, потому что боялась. Боялась вот такой страсти, таких эмоций. А теперь подседа как на наркотик. Мечтаю, чтобы он вернулся, поцеловал нежно, а потом с напором. Подчинил себе. Снова оголил все участки кожи. Но нет, он не придет, хотя бы потому что я его прогнала. И он почти получил то, что хотел.

Линия скачивания файла показывает девяносто девять процентов, прикрываю глаза. Вот-вот я стану ближе к мужчине за стенкой. Узнаю, чем живет, что любит. Или кого любит.

Нажимаю на кнопку "Открыть файл", тело порядочно потряхивает, мандражирую. И чего я боюсь?

Игнатьев Матвей Андреевич. Тридцать пять лет. Майор в отставке. Причины неизвестны. Адрес проживания — соседняя квартира. Семейное положение неизвестно.

Все. Это все, что есть о нем. Военный, значит? Бывший военный. Ох, это люди правил и устоев. Военные принципиальные, порой жесткие и закрытые. Очень на него похоже.

Тут же открываю переписку с Сергеем. Мне критически мало этой информации.

"Серез, привет! Спасибо тебе. А это все, что удалось найти?"

"Привет, да. Но я так понял он не просто в отставке, там что-то произошло. Поэтому ему пришлось покинуть службу. Следы хорошо замели, я не смогу узнать."

"Я тебя поняла. Еще раз спасибо!"

Не решаюсь спросить у Сережи есть ли какая-то дополнительная информация о личной жизни майора Игнатьева. Не хочу, чтобы Сережа думал, что я его использовала. Хотя именно это я и сделала.

"Маш, ты поужинаешь со мной еще раз?"

Черт. Отказывать неудобно. В другой любой ситуации, я бы ответила отказом. Потому что ничего не екнуло, и потому что екает на другого. Но Сережа показался хорошим, сдержанным мужчиной. Не хочу его обижать, поэтому соглашаюсь. Мы все еще можем стать друзьями. Да, я из тех, кто верит в такого рода дружбу. Уверена, скажи я это Матвею, он бы уже открыто смеялся мне в лицо.

Полночи я трачу время не на сон, а на поиски социальных сетей соседа. Но все глухо. Игнатьевых Матвеев много, а моего нет. Моего...

Смакую это слово в голове, и как же оно приятно звучит. Представляю, как говорю ему "мой", и сердце сжимается от ласки. Можно ли влюбиться так быстро и так опрометчиво? Оказывается, да. И это случилось. Пытаюсь понять, когда именно. Когда первые раз коснулся моей щеки? Или когда вызвался помочь с машиной? Не понимаю. Понимаю только одно — он мне нужен. До немоты, до дрожи.

А я ему нет.

С этими мыслями засыпаю почти под утро, и проснувшись в полдень, радуюсь, что сегодня нет лекций и других занятий. А значит я свободна.

Голову посещает одна мысль, я решаю испечь пирог с земляникой, навеститься к Матвею в гости без приглашения и извиниться. Подавляю внутренний протест, стоит перестать оголять свои клыки каждый раз, когда с чем-то не согласна. Он и правда вчера на меня не нападал, чтобы я так яро защищалась. Прокручиваю в голове свои слова, как всегда была резка, как и со всеми мужчинами в своей жизни. Видимо поэтому они и сбежали. Задавила характером. А Матвея и давить не нужно, он на кусочки переломать может. Поэтому даже не вступает в полемику с женщиной. За это можно уважать.

Принимаю душ, мажусь самыми вкусно пахнущими лосьонами и кремами, укладываю рыжие волосы в аккуратные локоны, легкий макияж. Даже румяню щеки, отчего тут же становлюсь милее. Выгляжу невинно, как школьница перед первым поцелуем. Хотя внутри черти пляшут. Вот недаром же говорят, что рыжие опасные. Это мы умеем.

Достаю из морозилки замороженную землянику, даже в таком виде она источает невероятный яркий ягодный запах. Ксюшины родители любят ходить в лес, вот и передали ей кучу грибных и ягодных пакетов, а она со мной по-дружески поделилась.

Время за готовкой пролетает незаметно, я напеваю песню под нос и радуюсь, что скоро увижу его. Колени сводит от воспоминаний вчерашнего вечера. Так сладко и так порочно. Я позволила Матвею кончить мне в рот, это немыслимо. Если быть уж совсем честной, то это было для меня табу. Вчера я пошла против своего принципа. Ради мужчины, в которого влюбилась. С другим бы не решилась. И как же глупо было полагать, что это ужасно и противно. Это было очень возбуждающе.

В одной руке ароматный ягодный пирог, украшенный сахарной пудрой и листьями мяты. Другой звоню в дверной звонок. Слышу шаркающие шаги за дверью, выпрямляю спину, отчего грудь приподнимается. На губах легкая улыбка. Я соскучилась.

— Ой, привет. Ты к Матвею? А его нет.

Как и моей улыбки на лице теперь тоже. Дверь открывает та блондинка, мысленно уже выдираю все волосы на ее голове. Как же бесит. Еще этот голосок ее, такой приторный и милый.

— Да, — шепчу, — Тогда передай ему, пожалуйста. Я пойду.

Передаю девице в руки пирог.

— Стой, Маша, кажется? — она хватается меня за локоть.

— Откуда ты знаешь? — удивленно смотрю. Неужели Матвей что-то про меня говорил.

— Так это, — смеется, — Он же с тобой здоровался тут недавно. У меня хорошая память.

Да, точно. Сдуваюсь как воздушный шарик. Разумеется он ничего про меня не говорил. Напридумывала уже себе.

— Я Лиза, — она протягивает руку, — И давай-ка ты заходи. Такую красоту приготовила и убегаешь. Дождемся Мота вместе.

Я жму ее руку, отмечая как она приветлива. Может они все же никто друг другу? Если бы к моему парню пришла какая-то девушка с пирогом, он бы оказался на ее голове уже. А Лиза улыбочива и приветлива.

Мы заходим внутрь, кругом куча коробок, на полу все еще стоят банки. Лиза ставит чайник и сервирует стол. Пытаюсь отказаться от чая, но она пропускает мимо ушей.

— Лиза, прости за бестактный вопрос. А вы кто с Матвеем друг другу? — чувствую себя неуютно. Потому что ничерта не знаю и не понимаю. Кажется прийти к нему с пирогом была дурацкая идея.

— Мот мне как брат. Мой муж его лучший друг, — ее слова как бальзам на душу. Я в секунду веселею. Они не пара, ура. Тогда что она делает здесь?

— Ясно, а я соседка. Вот пришла извиниться, вчера была груба с ним, — мне почему-то хочется оправдаться.

— Мот иногда бывает заносчивым. Неудивительно, что ты нагрубил, — Лиза кажется такой живой и открытой, что я завидую ей. У меня так никогда не получалось.

— Ты очень милая, — дарю девушке комплимент.

— Ох, спасибо! Муж тоже так часто говорил, — я замечаю как глаза ее грустнеют. Неужели я сказала что-то не то?

— Лиза, все хорошо? — обеспокоенно касаюсь плеча девушки, пока она разливает чай по чашкам.

— Да. Просто воспоминания нахлынули. Все еще не могу свыкнуться с мыслью, что его нет рядом, — девушка старается улыбаться, но я вижу влагу в уголках ее глаз. Теряюсь, потому что совершенно не понимаю как реагировать. Обнять ее? Утешить?

— Вы расстались? Не переживай, все еще наладится, — отстреливаюсь дежурными фразами.

Уверена будь Лиза на моем месте, она нашла бы куда более правильные слова.

— Нет. Он погиб, — он выдыхает. А я цепенею от ужаса.

Бедная девочка. Сейчас она выглядит так хрупко и незащищено. Я ною, что у меня нет классного мужика рядом. А она любимого человека потеряла. Такая солнечная, нежная. Осталась одна.

— Что-то я совсем разоткровенничалась, — она смахивает слезу, — Так, давай же попробовать этот шедевр.

Она режет пирог на куски, а я решаю ничего больше не спрашивать. Корю себя, что не проявилась к ней тактильно, не обняла ее. Но уже поздно.

— Вот это да! — она закатывает глаза, — Мне срочно нужен рецепт.

— Да без проблем. Напишу тебе, — благодарно улыбаюсь. Радуюсь, что напряжение спало.

— Так что, Маша, может хочешь у меня что-то спросить?

— В каком смысле?

— Ну например, что-то про Мота? — она подмигивает мне, трясая ногой под столом.

— Да мне зачем, — отмахиваюсь, — Я просто извиниться пришла.

— Маш, ну я же не дура. Твой взгляд был убийственным, когда я открыла тебе дверь. Так что давай, не стесняйся.

Я в шоке. У Лизы невероятная пронизательность. А еще она такая же прямолинейная как и я. И мне в ней это очень нравится, мы могли бы стать подругами.

— Ладно. Чем Матвей занимается? — вопросов у меня уйма.

— Сейчас Мот руководит поисковым отрядом. А так вообще майор в отставке. Крутой он, короче, в горячих точках был, — она с гордостью говорит о соседе.

— Что за поисковой отряд? — чувствую себя серой, — Кого ищут? Клад?

Зачем-то отшучиваюсь, но Лиза странно на меня смотрит. Мол какой клад, милочка. Ты вообще на этой планете живешь? А я и правда далека от всех этих тем.

— Людей ищут. Пропавших без вести.

Ого.

— Ничего себе, — кажется от шока у меня округляется рот.

Не успеваю ничего сказать, как слышу хлопок входной двери.

— Мот, мы тут, — кричит Лиза в сторону коридора.

— Мы? — удивленно звучит в ответ, — Ты подружилась со своими тараканами?

Я слышу как он смеется, и на душе разливается мёд. Я хочу, чтобы он смеялся чаще. Ему идет.

Матвей заходит на кухню, тут же замечает меня. Мы пересекаемся взглядами, и начинается игра в молчанку. Эмоции на его лице абсолютно нечитаемы. Я не понимаю, злится он или нейтрален. Радости явной тоже не вижу.

— Так, Мот, я побежала, — Лиза чмокает мужчину в щеку, — Документы я тебе оставила на столе. И еще, ты обязан попробовать ее пирог. Это отвал башки.

— Котлеты тоже были ничего, — отвечает ей ровным тоном, все еще смотря прямо мне в глаза. А мне кажется, что речь совсем не про котлеты.

Я мнусь, робко улыбаясь. И куда делась вся моя смелость и дерзость?

Лиза хихикает и убегает, оставляя нас наедине.

— Матвей, послушай. Я вчера перегнула палку, — вскакиваю со стула, задевая ножку стола. Чашка падает набок, проливая чай на стол, — Ой.

Мне становится неуютно, кажется, что я здесь лишняя. Матвей молча идет к раковине, берет тряпку и подходит ко мне. Я ощущаю его аромат, голову кружит от близости. Пока он вытирает стол, я смотрю на его профиль. Тут же появляется желание коснуться губами его скулы, добраться до губ. Чтобы он меня поцеловал, крепко и жарко. Сглатываю от жажды. Внутри горячо.

— Что-то интересное нашла? — поворачивает голову в мою сторону, вскидывая взгляд с насмешкой.

— Что? — облизываю пересохшие губы. Матвей тут же следит за движением моего языка.

— Ты так смотришь, сейчас прям испелеишь меня.

— Матвей, я пришла извиниться. Я была груба, — собираюсь с мыслями.

— Все окей, Маша. Обид никаких. Что-то еще хочешь сказать?

— Да, я принесла пирог. Это в качестве извинений, — киваю на тарелку со сдобой.

— Спасибо, я попробую обязательно. Все? — он внимательно смотрит на меня, а я тону в нем. Чертовски красивый и уверенный в себе. Чувствует же, что нравится мне. Но держит дистанцию. И как же меня раздражает эта пропасть между нами.

— Нет, не все, — придаю голосу больше уверенности, — Поцелуй меня.

Сама подхожу ближе, кладу руки на широкие плечи, тянусь. Но реакции не получаю. Матвей не отталкивает, но и не сближается. Сердце отстукивает рваный ритм. Мне становится стыдно, что я лезу к мужчине, но он же сам так часто шел на сближение.

— Давай пообщаемся, — приобнимает меня за талию.

— Пообщаемся? — в изумлении смотрю на него. Все это время он не особо хотел общаться, а сейчас что изменилось.

— Херовый день был, Маша. Ты же хотела узнать меня поближе, а мне как раз сейчас нужна любая болтовня, чтобы отвлечься. Заодно попробую твой пирог.

Я суечусь, но внутри радуюсь. Мы поговорим, вау.

Так хочется слышать его голос. Наливаю ему горячий чай, пока он моет руки, накладываю пирог и жду. Матвей садится рядом, его колено касается моего, я трепещу внутри от касания к голой коже. И вообще ловлю каждое движение. Мне так нравится быть рядом с ним.

— Поделишься, что случилось? — глажу по плечу.

— Я занимаюсь поиском людей с отрядом. Сегодня мы не успели, — он хмурится, опуская голову вниз. Немногословен, но благодаря Лизе я понимаю о чем речь.

— Да, Лиза сказала, что ты руководитель поискового отряда. Вы не смогли найти кого-то?

— Нет, нашли. Но шансов на выживание в лесу было мало спустя пять суток.

Я понимаю, к чему клонит Матвей. Испуганно прикрываю рот. Боже, я не смогла бы работать в таком месте.

— Матвей, ты сделал все, что мог. Не вини себя, — глажу его затылок. Мне хочется касаться его каждую минуту. Не могу усмирить свои руки.

— Невозможно свыкнуться с мыслью о смерти, Маша. Особенно, когда ты с ней так часто встречаешься, — его голос звучит глухо. Мне так хочется ему помочь, как-то успокоить. Но я его еще плохо знаю, чтобы поддерживать правильными словами. Да и есть ли эти правильные слова?

— Ладно, колючка, — он улыбается уголками губ, — Ты сегодня невероятно нежная. Поразительные изменения. И что на тебя так повлияло?

— Ты, — честно отвечаю ему.

Он не удивлен моими словам, но молчит, что-то обдумывает.

— Я тебе говорил, что не ищу отношений. Ничего не изменилось. Да, меня тянет к тебе, но...

Я обрываю его, не хочу слышать, что там за "но". Мне важно, чтобы он был рядом. Не хочу его терять, особенно сейчас. Когда вот так сидит рядом, обволакивая своего мощной энергетикой.

— Матвей, давай просто жить моментом. Я не привязываю тебя к себе. Просто ты мне нравишься, и я не могу себя сдерживать. Не отталкивай меня, давай узнаем друг друга получше, — выпаливаю как скороговорку. Мне не сложно признаться в том, что чувствую. Но держаться холодно рядом с ним уже не получается. Тело выдает меня с потрохами.

— Ты же понимаешь, что настанет момент, когда ты захочешь большего, а я не смогу тебе этого дать?

— Да. Я все понимаю. И я готова буду отпустить тебя, когда ты захочешь уйти, — почему-то я уверена, что отпущу его. Будет больно, но привязывать мужчину к себе без его воли — нет уж, увольте.

— Свободные отношения, Мария? — задумывается.

— Называй это как хочешь, просто давай наслаждаться этим временем, пока оно у нас есть.

— Хорошо, Маша, допустим. А если я захочу другую женщину, ты будешь устраивать истерики и прочую лабуду? — он прищуривается, смотря на мое уверенное выражение лица.

— Нет, — конечно, я ужасно ревнивая, но ведь понимаю, на что подписываюсь, — Придешь ко мне, честно скажешь, и я исчезну.

— И к чему эта жертвенность?

— Потому что хочу тебя рядом!

— Иди сюда, — хлопает по своей коленке, я тут же встаю и сажусь к нему на колени. Он нежно приобнимает меня, ведя ладонью по позвоночнику вниз. Табун мурашек тут же приходит в боевое действие и атакует мое тело. Я трясусь от желания, Матвей касается большой ладонью моей шеи, запуская пальцы в волосы.

— Рыжик, — еще одно глупое прозвище, которое произносится с лаской, — Ты смешная.

— Почему же? — дую губы. Хочется быть в его глазах красивой, сексуальной, желанной, но точно не смешной.

— Просто так. Хорошенькая. Машка, — шепчет в ушко, а я сжимаюсь вся внутри. Трепещу от горячего дыхания.

Касаюсь языком его нижней губы, веду медленно, очерчивая контур. Ощущаю вкус выпечки, слизываю его, чтобы добраться до истинного запаха и вкуса Матвея. Он полностью дает мне право руководить процессом, поэтому я не теряюсь, приоткрываю рот и касаюсь языком его языка. Матвей поддается, целует в ответ. Не сдерживаюсь, стону ему в рот. Даже

поцелуи слишком сладкие, чтобы добровольно отказаться от мужчины и встреч с ним. Может я дура, но зато влюбленная. Так давно мечтала об этом чувстве, чтобы быть рядом с женщиной, иметь право его касаться, быть в его руках. И это случилось. Задумываться как долго это продлится — я не буду. Сколько дано нам, столько и буду рядом. Попросит отпустить — отпущу. Разобьюсь на осколки, но отпущу. Потому что хотела именно таких ощущений, чтобы ноги от судорог сводило и тело ломало.

Мы целуемся словно в последний раз, страсть накрывает с головой. Я захватываю его язык в плен и имитирую посасывание, нежно играюсь с ним. Матвей дышит неровно, сжимает ягодицы, перекидываю одну ногу через его колени и сажусь прямо. Он двигает меня ближе, я чувствую эрекцию через ткань. Двигаюсь медленно, трусь как кошка изнывающим лоном. От трения, поцелуев и чувственных касаний голову сносит окончательно. Мне неважно становится, где он возьмет меня и как, лишь бы скорее оказался внутри.

— Матвей, — выдыхаю со стоном, когда он прокручивает мой сосок через ткань хлопковой майки.

— Да, сладкая? — ведет костяшками по ключице.

— Скорее возьми меня, — дрожу, руки трясутся. Не могу совладать с пряжкой ремня на его джинсах.

— Мы не будем торопиться, да? У нас же целая ночь впереди, — специально играет со мной. Распалает пожар еще сильнее, я не в силах терпеть.

— Ну Матвей, — жалобно стону.

— Мащ, поласкай себя. Хочу смотреть.

Так чувственно просит, что я не могу отказать.

Я тут же вспоминаю, как несколько дней назад ласкала себя, представляя, что Матвей смотрит на меня. Любуется мной. Теперь же это происходит наяву.

Отодвигаюсь от его паха, устраиваюсь попой на краю его коленей, ставлю ступни к нему за спину, опираясь одной рукой о столешницу за спиной.

— Сними с меня шорты и трусики, — требую в ожидании.

Матвей ведет ладонью по бедру, цепляясь за край шорт, и одним движением снимает с меня их вместе с трусами. Я снова максимально открыта перед ним, но стеснения нет. Хотя бы потому что, он пожирает меня своим взглядом. Его кадык нервно дергается, и я вижу как растет выпуклость в его джинсах. Медленно опускаю руку на клитор и играюсь с ним, смотрю прямо в глаза Матвея, не прерывая зрительный контакт не на секунду. Играюсь с собой, стимулируя клитор. Матвей замороженно смотрит то туда, то мне в глаза. Смеюсь, осознавая, что он полностью в моей власти. Это невероятное чувство — понимать, что мужчине рвет голову от тебя. А ему рвет. Я вижу.

— Ахуенная, — рычит, подтверждая мои догадки.

Кладет свою руку поверх моей и помогает мне довести себя до оргазма. Еще минута, и я улечу. Так хочется продлить этот момент. Чтобы взял меня мощно, с рывками. Мне нужен он внутри. Срочно.

— Подожди, я достану презервативы, — Матвей прерывает меня на секунду, пока я остервенело расстегиваю пряжку его ремня.

Он достает из заднего кармана джинс серебряный квадратик известной фирмы, надрывает его зубами, пока наблюдаю за ним, киска пульсирует, сокращаясь по всему периметру. Я наступаю своим принципам на горло, будь что будет. Матвей снимает с себя джинсы, привставая со стула, я все еще держусь за стол рукой, а ногами за его талию. Он хватает меня за бедра, рывком притягивая к себе. Голову кружит от переизбытка эмоций. Ласкает соски губами, покатывая возбужденные горошины внутри рта.

Я сижу на нем, ощущая тепло и силу, которые проникают в мою кожу. Мои руки легко опускаются на его грудь, прижимаясь к ней, словно хочу раскрыть все его тайны. Мои губы находят его шею, целуя ее нежно и страстно, словно хочу передать ему все свои чувства и желание.

Мои рыжие локоны падают на его лицо, создавая завесу интимности и таинственности. Я чувствую его дыхание на своей коже, оно горячее и нетерпеливое, как и мое. Мои глаза встречают его взгляд, полный страсти и желаний, и я знаю, что мы оба готовы сгореть в этом огне. Я так отчаянно этого хочу.

Матвей приподнимает меня, раскатывает латекс по члену и аккуратно насаживает сверху. Член постепенно наполняет меня, растягивая до предела. Первые три секунды ощущаю боль, несмотря на то, что мокрая. Моя киска совсем не готова к таким размерам, но Матвей не торопит, наоборот дает время привыкнуть. Опускаюсь до предела, выдыхая.

— Я буду медленно двигаться. Хорошо?

— Да, — мурчу как кошечка.

— Постарайся расслабиться. Я обещаю, будет хорошо, — он ласкает языком кожу за ушком. Каждый раз, когда его язык касается моего тела, я отмечаю, как оно реагирует, отзывается на него, как на что-то родное, словно он каждый день меня касается и знает все потаенные эрогенные места.

Я считаю до трех, пока Матвей приподнимает меня за таз и снова насаживает на член. Я опять растягиваюсь до предела, но ощущения уже не такие болезненные. Моя нежность и жажда объединяются с его силой и страстью, создавая магическую симфонию наслаждения.

— Я хочу сама, — останавливаю его. Он кивает, и я двигаюсь самостоятельно, полностью руководя процессом. Мне так нестерпимо хочется, чтобы он запомнил наш секс. Чтобы яркие картинки мелькали в его памяти, каждый раз, когда он будет слышать мое имя.

Движения нежные и ласковые, словно хочу погрузиться в его мир и стать его частью. Я контролирую каждое движение, каждую секунду этого путешествия, ведя нас обоих к вершинам блаженства. Он сидит передо мной, безмолвно, предаваясь моим прикосновениям и разрешая мне все, что взбредет в голову. Его руки обхватывают мои бедра, поддерживая меня в этом танце страсти, словно хочет показать, что он готов удовлетворить каждое мое желание. И что ему нравится. А я улетаю, меня уже здесь нет.

Мы сливаемся в одно, две души, плывущие на волнах похоти. Мои губы находят его губы, и мы целуемся страстно и безудержно, словно хотим погрузиться друг в друга до самых глубин. В этой позе сверху я чувствую себя королевой момента. Я воплощение женственности и красоты, и он видит это в моих глазах. Моя страсть разгорается огнем,

который невозможно потушить.

— Я на подходе, — стону ему в рот.

— Я тебя жду, колючка, — закусывает нежную кожу на ключице, — Давай вместе.

Матвей берет инициативу в свои руки, наращивая темп, я кричу, не стесняясь своего удовольствия. Секунда и тело взрывается. Пытаюсь рукой опереться за что-то устойчивое, но промахнувшись, падаю вниз. Матвей ловит меня, прижимая к себе. Кожа к коже, я слышу стук его сердца. Оно стучит очень быстро, гоня кровь по горячему телу.

Матвей снимает презерватив, завязывает его, и одним броском попадает в урну. У него все так хорошо получается?

Смотрю на него, отмечая ссадины и кровоподтеки. Сердце сжимается.

— Это было прекрасно, — провожу по короткому ежику волос рукой.

— Нет, — он усмехается, качая головой, — Это было крышесносно. Забираю свои слова про работа обратно.

— Хм, ну это очевидно, что я горячая штучка, — шучу. Он смеется хрипло.

— Сто процентов. Ты же понимаешь, что у нас еще куча мест в квартире, где нам стоит заняться сексом?

— Да, например, в душе? Ты намылишь мою попку и возьмешь сзади, — начинаю фантазировать, снова возбуждаясь.

И кто придумал ту ересь, что женщинам секс нужен меньше, чем мужчинам. Ерунда полнейшая. Я не хочу, чтобы он выпускал меня из рук ни на секунду.

— Ты еще та хулиганка, рыжик, — его голубые глаза насмешливо смотрят на меня. Он так близко сейчас, обнажен не только телом, но и душой.

— Мот, — мне почему-то хочется к нему обратиться как это делает Лиза, так породному, — Кто тебя так разукрасил вчера?

Провожу указательным пальцем по брови, ощущая запекшуюся кровь и корочку.

— Я же сказал, что упал.

— А честно? — не верю я, что можно так упасть. Тут четкие выверенные удары.

— Просто пытался научить уму разуму одного придурка. Он пытался ответить. Ничего криминального, — берет в руку прядь моих волос и рассматривает, — Это же настоящий твой цвет?

— Да.

— Никогда не встречал рыжих. Прикинь, за тридцать пять лет ни одной рыжей девчонки в моей постели.

— Значит, я у тебя первая в каком-то смысле? — мне греет душу осознание того, что ему это нравится.

— Получается, что так, Машка, — целует в плечико.

Я понимаю, что он уходит от ответа о случившемся вчера. Но я была бы не я, если бы не стала выпытывать. Мне нужно, чтобы он открывался мне. Не боялся быть откровенным, стал доверять.

— Мот, — протягиваю букву "о", — Ну давай, поделись же. Кто тебя так уделал?

Его возмущает, что я считаю его проигравшем в этой битве. Но я ведь специально нажимаю на этот рычаг, чтобы раззадорить соседа.

— Это кто кого еще уделал. Алкаш хренов, — огрызается, но не на меня, а в пустоту, — Машка, мы вчера семь часов его сына по городу искали. Там каждая минуту дорога, а эта свинота бухала в гараже. Ну не удержался я, ударил пару раз. Кто ж знал, что его

собутельники в драку полезут.

— Какой ужас. А мальчика нашли? — успокаивающе глажу по груди.

— Нашли. Малой на речку убежал, чтобы папашка его ремнем не отхлестал. Так и просидел там в кустах у речки почти весь день. Замерз весь, оголодал. Пиздец короче полный.

— И вы его вернули отцу? — сердце за мальчика начинает болеть. Тут же представляю, если бы мой ребенок куда-то сбежал, я бы с ума сошла от тревоги и паники.

— Нет, ребенком занялись службы опеки. Ему обязательно помогут, Маш.

— Я надеюсь, — улыбаюсь ободряюще. Все еще не могу свыкнуться с мыслью, что у Матвея такая работа. Это же каким сильным человеком нужно быть, чтобы видеть такое каждый раз и выдерживать. Хотя Лиза что-то там говорила про горячие точки...

Это мы выясним обязательно, но позже. Мне важно, чтобы Матвей сам открывался мне, а не под гнетом моих вопросов.

— А тебе совсем неинтересно узнать меня? Просто ты ничего не спрашиваешь обо мне, — я не обижаюсь, но все же хочется, чтобы Матвей рассматривал меня не только в качестве сексуального объекта.

— Так я и так много знаю уже, — хитро лыбится.

— Да? И откуда же? — складываю руки на груди, отчего полушария соприкасаются между собой и приподнимаются. Мот тут же фокусирует взгляд на сиськах, но я щелкаю пальцами перед его лицом, возвращая в реальность.

— У Никиты выпытал, — упоминание друга не режет болью в сердце. Как так получилось, что какой-то очень уверенный в себе сосед за такой короткий срок вытеснил из моей жизни большую любовь? И была ли любовь...

— И что выпытал?

— Художница, затворница, очень умная, но сама себе на уме. На контакт идет тяжело, часто дерзит, считает себя самой умной. Мне продолжать?

Я выпучиваю глаза, афигеть, никогда бы не подумала, что Никита такого обо мне мнения. Это неприятно.

— А ты что думаешь? — мне интересно, что он думает как мужчина.

— Ну ты действительно, Машка, закрытая. Но что-то загадочное есть. Именно это меня и подкупило, захотелось узнать ближе, — поглаживает по бедру.

— Узнал?

— Пока нет. Но мы сейчас переместимся в душ, и я там что-то обязательно интересное узнаю, — подмигивает мне, вставая со стула и беря меня на руки, — Как ты там хотела? Сзади?

Смеюсь во весь голос, пока Мот идет до ванной комнаты. Сейчас я счастлива, и готова держаться за этот момент как можно дольше.

Просыпаться на груди мужчины, в которого влюблена — невероятный кайф. Вчера мы так забылись, что я уснула у Матвея в квартире. И теперь разглядываю его, ловя первые лучи сентябрьского солнца. Матвей спит спокойно, его лицо расслабленно, кажется он даже немного улыбается.

Интересно, что там такое снится?

Привстаю на локте, волосы россыпью скатываются по спине, щекоча кожу. Мы полностью обнажены, и я отмечаю тот факт, что меня это не раздражает. Обычно я сплю хотя бы в нижнем белье, соприкасаться голой кожей с постельным бельем во время сна — не моя фишка. Но рядом с Мотом забылась, окончательно.

Как же он сладко брал меня вчера в душе сзади, прям как я хотела. Он вообще вчера сделал все так, как хотела именно я. Полностью удовлетворил все мои желания. Надо будет обязательно поинтересоваться, что он бы хотел попробовать.

Интимность момента нарушает вибрация телефона на тумбочке. Я привстаю на локте, огибая тело Матвея, воровато заглядывая на дисплей. Тоха. Видимо это друг Матвея или кто-то с работы. Тут же отмечаю, что на секунду замерла, боясь увидеть на дисплее женское имя. Было бы жутко неприятно. Хотя я знала, на что иду.

Мот начинает возиться во сне, я аккуратно провожу ладонью по его плечу, поднимаясь к щеке. Чмокаю коротко.

— Матвей, тебе звонят, — говорю на полутонах, чтобы не испугать его громкими звуками и не нарушить таинство утра.

Он медленно открывает глаза, осматривая голые стены спальни, потом вопросительно кидает взгляд в мою сторону.

— Звонят, — киваю в сторону телефона именно в тот момент, когда он замолкает.

Матвей потирает глаза, хватая с тумбочки гаджет, перезванивая.

— Да, Тох, че случилось? — его голос хрипит. Мне нравится как низко и тихо он звучит с утра, я хотела бы, чтобы меня разбудили именно таким голосом.

— Бля, я не понимаю. Какого х... — он осекается, коротко взглянув на меня, — Какого черта так часто стали пропадать люди? Че вообще в городе происходит?

Я понимаю, что дело плохо. Матвей внимательно слушает, пока собеседник ему что-то рассказывает.

— Понял. Буду в течение получаса, скинь координаты. Передай Лике, чтобы отправила часть ребят прочесать пятый и шестой километры. И пускай линейные ориентиры обозначат.

Мне нравится как профессионально и ответственно он подходит к работе. Каждый его приказ четкий, без лишних слов. Моментами в голосе прорезается сталь, с которой в жизни я еще не сталкивалась.

Матвей дает еще несколько указаний и сбрасывает трубку.

— Доброе утро. Тебе пора? — улыбаюсь уголками губ.

— Ага, надо ехать. Еще один грибник потерялся в гуще леса.

Матвей коротко чмокает меня в губы и одним движением встает с кровати. Мне тут же становится холодно и неудобно без него. Я не хочу расставаться.

— Возьми меня с собой, пожалуйста, — не знаю, как решаюсь на этот шаг, но голос звучит быстрее, чем я осмысливаю.

— Не, Маш, не вариант, — качает головой, влезая в боксеры.

— Мот, я не буду мешать. Просто понаблюдаю, пожалуйста, — встаю на колени, забывая придержать одеяло на груди, отчего оно тут же скатывается вниз, оголяя тело.

Матвей на секунду замирает, проходясь по нему взглядом.

— Ладно, погнали. У тебя десять минут, ни секундой больше.

— Есть, капитан, — шутливо прикладываю руку к голове.

— Я майор, это первое, второе — к непокрытой голове руку не прикладывают, — качает головой, наблюдая, как я пытаюсь выбраться из одеяла и отыскать свои трусики.

— Что? Ты военный? — делаю удивленный взгляд, ловя свои трусы, когда Мот их кидает мне.

Конечно, я в курсе, что он военный, но ему не нужно знать, что уже все разузнала как главная фанатка.

— Ага, — шлепает босыми ступнями в сторону ванны, — Маш, уже восемь минут.

Скрывается за дверь, я быстро натягиваю оставшуюся одежду и убегаю к себе в квартиру.

Дома теряюсь в потоке мыслей и ощущений, ставлю турку с кофе на плиту и бегу умываться. Укладываюсь в три минуты, переливаю первую порцию кофе в термос и ставлю вторую для Матвея. Быстро натягиваю спортивные штаны, футболку, толстовку и носки потеплее. Мы же в лес едем. Пока вторая порция кофе разносит запахи по кухне, быстро делаю бутерброды и, сложив все в сумку, выбегаю из квартиры. Ровно в этот же момент Матвей выходит из своей, выглядит отлично. На нем штаны карго в камуфляжной расцветке и флисовая кофта серого цвета, на ногах берцы. И запах от него нереальный исходит, захватывая весь периметр лестничной клетки и мои ноздри. Сжимаю пальчики на ногах, которым тесно в кроссовках. А может дело совсем не в обуви....

— Молодец, уложилась, — одобрительно кивает.

Мы выезжаем из двора, я достаю термос, разливая ароматный напиток и открываю фольгу с бутербродами, протягивая Моту. Он явно удивлен моему заботливому жесту, однако ничего лишнего не говорит, просто поблагодарив.

Да, я умею быть ласковой и заботливой, а не только колючкой. Просто мне нужно время, чтобы открыться чуть больше. Обычно требуется намного больше времени, чем это случилось с Матвеем, но мне никогда ранее не было так комфортно и безопасно рядом с мужчиной. Я почему-то на все сто уверена, он никогда намеренно не сделает мне больно и не обидит. Не такой он.

— Я могу как-то помочь в поисках? — мы заезжаем на поляну. Вижу группу из человек десяти, может даже больше. Расставленную палатку, несколько машин. Все заняты делом и особо не замечают огромный пикап Мота, кроме двух людей. Девушка и парень быстрым шагом приближаются к нам, пока мы выходим из машины.

— Мы отправили Призрака и Кощея на первый и второй квадраты северо-запада, а Фею с Костылем на третий и четвертый, — отчитывается парень. Я теряюсь в прозвищах и количестве информации.

— Там еще жена и сын пропавшего, они вышли из леса без него уже. Опросили, приблизительно потерялся в районе четырех тридцати утра.

Я внимаю всю информацию, мне и правда интересно слушать. Жмусь к боку Матвея, тут же замечая испепеляющий взгляд карих глаз. Высокая брюнетка с презрением осматривает мою фигуру, поднимаясь выше к лицу, не скрывая свое недовольство. Она

выглядит уверенно, руки сложены на груди, прямая осанка, глаза как у хищницы, темные и опасные.

— Ок, понял тебя. Пойду карту посмотрю, — он двигается в сторону палатки, но я тихонько сжимаю его руку, напоминая о себе.

Бросает вопросительный взгляд в мою сторону.

— Скажи, что мне сделать? Чем помочь? — стараюсь говорить тише, потому что брюнетка даже не пытается оторвать от меня свои глаза. По коже бежит холодок, она вызывает неприятные ощущения.

— Лика, возьми Колючку под свое крыло, пожалуйста, — он обращается к той брюнетке. Она тут же отвлекается от меня, мне становится легче дышать.

— Конечно, — она ему открыто улыбается, и я тут же замечаю контраст.

— Колючка? — укоризненно шиплю на Мота.

— Да, тут у всех позывные, будешь Колючкой, — он передает меня в руки Лике и уходит.

— Так, ну чем мне помочь? — натягиваю улыбку, стараясь быть дружелюбной.

— Помалкивать и не отсвечивать, — она грубит. Я теряюсь от наглости.

— Но Мот сказал, что ты введешь меня в курс дела.

— Не Мот, а Пуля, — она презрительно выплевывает слова, — И не буду я никаких мокрощелок ничему обучать. Сядь куда-нибудь и потерайся.

Ее слова словно кинжалы, она безжалостно кидает их мне, а я даже не успеваю пригнуться. Глотаю воздух как рыба, впервые не находясь с ответом.

Девушка отдаляется от меня, уходя в сторону группы ребят.

— А, да, забыла сказать, — оборачивается на секунду, — Крыс не люблю. Будешь жаловаться Пуле, выдеру все твои рыжие пакли. Усекла?

Провожая сучку взглядом, злюсь на себя, что не нашла должного ответа. Но я обязательно найду способ поставить ее на место. Обвожу поляну взглядом, пытаюсь понять куда деться. На поваленном бревне сидит женщина с ребенком лет семи, она успокаивает мальчишку, поглаживая по голове. Но он продолжает плакать. Я понимаю, что это семья заблудившегося мужчины, ребенок тут уже прилично по времени находится. Бегу к пикапу Мота, доставая оставшиеся бутерброды, и захватываю бутылку воды из дверцы машины.

— Держите, вы наверно проголодались, тут немного еды, — протягиваю паек женщине. Она кивает, стирая слезу с щеки.

— Спасибо, кусок в горло не лезет, — она приглаживает челку мальчишки, — Максимка, поешь.

Он отнекивается, мотая головой в разные стороны. Женщина продолжает его уговаривать, но попытки тщетны.

— Я не буду. Пока папа не придет, я ничего не буду, — он начинает хныкать, и мое сердце заходится в бешеном темпе. Тяжело видеть страдания ребенка и не иметь возможность помочь. Чувствую свою слабость в данной ситуации, не могу я сидеть в стороне.

— Максим, послушай, — сжимаю руку мальчишки, — Когда твой отец вернется, я думаю ему будет приятно видеть сытого и отогретого сына. Это ему придаст сил.

Мальчонка вскидывает огромные глазища на меня, прожигая взглядом.

— Он точно вернется? — хватается за мои слова, как за спасательную соломинку.

— Как он может оставить вас с мамой одних? Поисковая группа сделает все возможное.

— А вы тут работаете? — мать Максима подает голос.

— Ну, я помогаю, — уклоняюсь от ответа. Статус моего нахождения тут явно не определен.

— Скажите, какой шанс, что он жив?

Ее глаза наполнены горем, в них плещется невероятная боль. Я словно подхватываю состояние этих бедных людей, и меня начинает потряхивать.

— Очень большой. Все обойдется, — ободряюще улыбаюсь.

Я не могла не дать луч надежды им.

— Маша, — жесткий голос за спиной заставляет подскочить. Я разворачиваюсь и натываюсь на грудь Матвея. Он буравит меня недовольным взглядом, и я начинаю еще больше переживать. Что я могла сделать не так?

Он хватается за локоть и отводит в сторону. Извиняюсь перед матерью с сыном и плетусь следом.

— Ты что творишь? — он нависает надо мной как скала. На секунду чувствую себя маленькой-маленькой по сравнению с ним.

— Что случилось? — испуганно шепчу. Я ведь точно ничего плохого не делала.

— Как ты этим людям будешь объяснять, если мы из леса вытащим труп? Ты думаешь головой, когда даешь пустые обещания?

Он грубит. Настолько жестко, что мне становится обидно. Я просто пыталась поддержать, мне было больно за этих людей.

— Я не давала обещания, просто поддержала их в тяжелой ситуации, — начинаю

препираться.

— Мария, прошу, не заставляй меня жалеть, что я взял тебя с собой. Не нужно никому ничего обещать и поддерживать. Ты не обучена этому. Твой пустой треп может сказаться на ситуации.

Матвей даже не дает мне ответить на грубость, просто предупредительно смотрит и удаляется в лес, забирая с собой Лику и длинноволосого парня, что встречал нас, когда мы приехали. Стерва подмигивает мне, не скрывая радости. Она явно слышала, как Матвей отчитал меня.

На поляне не остается людей кроме пострадавших и девушки с дредами, она сидит на раскладном стуле рядом с палаткой и что-то внимательно рассматривает в ноутбуке. Я подхожу к ней, приветствуя.

— Ой, привет, я Мартышка, — она протягивает мне свою тоненькую ручку, и я жму ее в ответ. Девчонка выглядит бодро и открыто.

— Почему Мартышка?

— Такая же супер общительная и без стеснения. А еще профессионально лажу по деревьям. А ты?

— А я Колючка, — бурчу. Не нравится мне это позывное. Одно дело, когда Матвей нежно шепчет на ушко, а другое, когда у всех будет ассоциация со мной как колючей и необщительной. Я же не такая на самом деле. Да, мне нужно время, но я не кусаюсь.

— Прикольно. Ты новенькая?

— Не знаю, если честно. Вряд ли Мот возьмет меня еще с собой, — вспоминаю его жесткий тон, — Вернее, Пуля.

— Знаешь, он самый лучший руководитель из всех, кого я встречала. Раньше я работала в другом отряде, и поверь мне, то, как относится Пуля к своей работе — не относится никто. Он настоящий профи.

Мне приятно, что о мужчине, в которого я влюблена, так отзываются. Значит я правильно почувствовала, он и правда особенный. Самый лучший.

— Чем ты занимаешься?

— Я координатор. Отвечаю за организацию и координацию работы команды. В общем, помогаю Пуле.

— Это очень здорово, — воодушевляюсь, каким благородным делом все же занимаются все эти люди.

— Поэтому сейчас пытаюсь дозвониться до подмоги, нам не хватило людей прочесать восьмой и девятый квадраты. Теряем время, — она обеспокоена.

— А где эти квадраты? — заглядываю в экран ноутбука.

Девушка указывает мне на точки на карте, подробно описывая местность. В целом мне становится понятно, где и что расположено. Ребята разделили пятый и шестой километры на равных девять квадратов. Это очень помогает, чтобы разделить и искать в разных точках людей.

— Так может я прочешу эти квадраты? — уровень моего желания быть полезной возрастает до небес. Особенно, когда я кидаю взгляд на Максимку.

— Нет, ты что. Без подготовки — ни в коем случае.

Это было ожидаемо, я знала, что мне откажут, но попробовать стоило.

Время тянется очень медленно, новостей никаких нет. Ребята пока не вернулись из леса, и подмога тоже еще не приехала. Я не могу сидеть на месте, чувствуя себя

беспомощной. Мне очень хочется быть полезной. Не знаю, почему в моменте голова перестает работать, и здравый смысл покидает ее. Пока Мартышка отвлекается, я еще раз смотрю на карту, четко запоминая местность. Так как я художница, то отлично запоминаю образы и четко прорисовываю их в голове. Я не потеряюсь, потому что запечатлела карту у себя в памяти. И она один в один с той, что на экране.

Удаляюсь дальше от поляны, углубляясь в лес. Я не совсем серая в данном вопросе, поэтому умыкнула из палатки фонарик. Чем глубже я погружаюсь в гущу леса, тем темнее становится. Понимаю, что не догадалась узнать имя пропавшего мужчины. И как теперь его звать?

Кричу просто "Эй", следуя ровно по тропе. Я никак не заблужусь. Вот сейчас нужно повернуть направо, а потом обогнуть деревья и сразу налево. Это точно. Шепчу сама себе под нос, двигаясь четко по карте в голове. На мои крики никто не отзывается, но я радуюсь, что не сижу без дела, а помогаю. Мне так нестерпимо хочется вернуться из леса не одной, а с отцом Максимки. Осматриваю каждый угол, мало ли мужчина подвернул ногу и упал. Тучи сгущаются, оповещая о приближении грозы. Но у меня есть капюшон, поэтому я не отвлекаюсь на погодные условия.

Не знаю сколько по времени брожу, но из-за дождя становится еще темнее, поэтому в работу вступает фонарик. Надежда найти хоть кого-то угасает с каждой минутой. Не знаю, почему я так понадеялась найти его. Возвращаюсь к месту где начинала, досадно взываю. Я не нашла его. Остается надеяться только на ребят, иначе быть не может. Он жив, я чувствую.

Двигаюсь в сторону лагеря, пройдя мимо уже известной местности, но возвращаюсь обратно на исходную точку. Ничего не понимаю. Я же правильно иду. Не пропускаю ни одного поворота. Повторяю свой путь и снова делаю круг. Паника медленно подступает к горлу, но я успокаиваю себя. Возможно, где-то ошиблась с поворотом. Проигрываю весь свой путь в голове, на это уходит прилично времени. Дождь усиливается, кроссовки промокают насквозь. Начинаю замерзать, но продолжаю повторять один и тот же путь. Кажется, это был уже десятый круг, и я снова не вышла на тропу. Как моя потрясающая память могла меня подвести?

Так, Машка, соберись. Ты выйдешь, все будет отлично. Еще несколько попыток, но все остается по старому. Тут я уже начинаю стрессовать, справиться с паникой не удастся. Кричу на весь лес о помощи, но кроме эха ничего не слышу.

Прямо, направо, обогнуть, налево, снова прямо, налево и выход.

Все же просто, где я могла ошибиться. Тело прошибает ознобом, зуб на зуб не попадает, но я как скороговорку повторяю маршрут. В какой-то момент понимаю, что забыла об одном повороте в самом начале. Ну конечно! Там же нужно еще раз направо повернуть. Радостная бегу по обновленному маршруту и наконец выхожу на тропу.

От счастья успокаиваюсь, бегу на эндорфинах. Вдали виднеется лагерь, я не успеваю выбежать на поляну, как попадаю сразу в руки к Матвею.

— Как я рада тебя видеть, — целую колючую щеку, — Я немного потерялась.

Он сжимает меня в своих объятиях, прижимая к себе. Мокрую и холодную.

— Немного, блять? Маша, тебя не было три часа. Три, мать его, часа, — он отпускает меня, начиная кричать. Так сильно, что вокруг даже природа затихает.

— Матвей, все хорошо, я же тут. Я знала маршрут, просто забыла про один поворот, — пытаюсь коснуться его, но он отшатывается. Взгляд холодный и отстраненный.

— Ты и вправду думаешь, что самая умная? Какого черта ты себе позволяешь?

— Матвей, прекрати, — прошу его, замечая как на нас обращают люди. Но ему нет дела до других.

— Маша, ты идиотка. Тебя кто-то просил переться в лес? Лика провела инструктаж?

Я теряюсь от агрессии, вспоминаю брошенную фразу о "крысе" и сглатываю ком горечи.

— Провела, — тихо шепчу.

— Тогда, блять, ты должна была запомнить, что не имеешь право идти в лес без подготовки. Еще и одна, — Матвей продолжает кричать, пиная ветку дерева в сторону. Та от мощности удара раскалывается на две части.

— Я просто хотела помочь. Прости, — снова тянусь к нему, но он отходит на шаг. Глаза начинает щипать, страх за собственную жизнь только сейчас дает о себе знать. Видимо все время проведенное в лесу я была на адреналине.

— Я как чувствовал, что с тобой связываться нельзя, Маша. И уже сто раз пожалел, что повелся на смазливую мордашку, — он выплевывает слова словно пощечину.

Я ошарашенно смотрю на него, слезы градом стекают вниз. Внутри груди зияет дыра, саднит и ноет. Как же больно.

Матвей качает головой и уходит прочь. Я ловлю беззвучные рыдания, выходя на поляну. Тут же замечаю слишком довольное лицо Лики, мне нужно выплеснуть злость, уже готовая, направляюсь в ее сторону. Но не успеваю, на меня летит Максимка. Он обнимает меня за талию, крепко прижимаясь.

— Спасибо вам! Папа нашелся, — мальчик светится от счастья, обдавая своим теплом. Я улыбаюсь, смахивая слезы, глажу его по макушке.

— Я рада, зайчик.

Он еще раз благодарит и убегает в сторону родителей. Они вместе, втроем. У них все хорошо. Я знала, что он жив. Я знала!

Ищу Мота глазами, мне так больно, я хочу верить, что он просто очень сильно испугался и наговорил мне гадости не со зла.

Встречаюсь с ним взглядом, а там все тот же холод. Делаю шаг навстречу, но он одним жестом руки останавливает. Не хочет меня видеть.

Киваю, снова начиная плакать.

— Подождите, — бегу к машине, в которую садятся часть ребят, — Вы в город?

— Да.

— Найдется одно место?

— Прыгай, — кивает парень.

Я сажусь в машину, еще раз кидаю взгляд на Матвея, но он даже не смотрит в мою сторону. Зато Лика тут как тут, ободряюще ему улыбается, складывая свои культишки на его плечо. Рычу от злости, удаляясь все дальше от поляны и оставляя разбитое сердце.

— Маша, открой глаза. Ты меня слышишь? — холодные руки касаются моего лица. Я слышу голос, но веки не поднимаются. Словно во сне.

— Принеси стакан теплой воды, — где-то вдалеке голос Мота.

— Может скорую вызвать? — еще один знакомый голос.

Какая скорая? Не нужно, я же тут, все в порядке со мной.

— Нет, подожди. Попробую сам сбить температуру, — мою руку нежно приподнимают, доставая из подмышки продолговатый предмет. Наверно, это градусник. Ничего не понимаю, что происходит.

— Блять, тридцать девять. Есть водка или перцовка? — опять хриплый голос Матвея.

— Да откуда ж?

— Тогда беги в аптеку, — он диктует какие-то названия лекарств, — Я побуду с ней.

Чего они суетятся то? Я же тут, все хорошо. Или мне все это снится? Прямо в реальности, я чувствую ладонь, приглаживающую мои мокрые волосы. Отчего мокрые непонятно.

Помню, как пришла домой. Рыдала на полу, пытаюсь собрать разбитое сердце, ничего не вышло. Потом сидела в горячей ванне долго, там тоже рыдала. И уснула в кровати. Все. Значит я все еще сплю и мне точно снится сон. А Матвей тут, потом что я слишком много думаю о соседе, теперь он уже и во снах ко мне приходит.

— Маш, ну как же так? Это я виноват.

Мой сон хочет говорить, ну давай пообщаемся.

— Нет, все хорошо, — шепчу, еле разлепляя сухие губы.

— Как ты, маленькая? — о, как приятно. Вот бы ты меня так в жизни назвал.

— Супер, а ты как?

— Хуево. Я не должен был оставлять тебя одну, — он сжимает мою руку. Она такая крепкая, что я тут же успокаиваюсь. Ощущения словно наяву. Первый раз мне так хорошо во сне, нереально просто.

— Ты меня обидел, — бурчу ему. Пускай хоть во сне выскажу.

— Я знаю, — снова приятное поглаживание по голове, — Открой глаза, пожалуйста.

А я не хочу их открывать, потому что, когда я проснусь тебя тут не будет. И мне снова станет больно.

Мотаю головой из стороны в сторону, он снова просит. Я отказываю.

— Я все купила, — наконец узнаю знакомый голос. Это ж Ксюха.

Так, стоп, а что Ксюша делает в моем сне? Начинаю медленно переваривать случившееся. Кажется, это не сон, и ребята действительно здесь. Медленно открываю веки, сначала правый глаз, все очень мутно, различаются только силуэты. Но я сразу узнаю Матвея, он сидит прямо у кровати, что-то высыпает в стакан с водой. Открываю второй глаз, тут же вижу Ксюху, она обеспокоенно мнетя у окна, покусывая нижнюю губу.

— Что происходит? — хриплю, не узнавая свой голос.

— Ну слава богу, очнулась. Капец ты, Ионова, напугала, — подруга начинает отчитывать.

— Маш, открой рот, — Мот подносит стакан с мутной жидкостью к моему рту. Вопросительно на него смотрю.

— Выпей, у тебя высокая температура, — почти приказывает. Не хочу с ним спорить,

приоткрываю губы, неприятная жидкость тут же попадает внутрь. Морщусь, но Матвей продолжает вливать.

— Что вы тут делаете? — вытираю губы ладонью, разбавленный порошок неприятно скрипит на зубах.

— Ты дверь не открывала, трубку не брала. Матвей позвонил мне, переживал, что могло что-то случиться. Вот я привезла ключи, открываю, а ты, — она строго тычет в меня пальцем, — Валяешься на полу. Еле живая, Маха.

— Да ерунда какая. Я в кровати засыпала.

— Не знаю, где ты там засыпала, но когда мы открыли дверь — ты лежала прямо там.

Она указывает своим длинным пальцем с красным маникюром на ковер в коридоре. Не помню такого вообще, я точно после душа ушла в спальню. Помню как легла на подушку.

— Как ты себя чувствуешь? — Мот обеспокоенно заглядывает в глаза.

— Нормально, только в груди жжет. Сильно, — прикладываю руку в районе солнечного сплетения.

— Ладно, подождем, пока температура спадет.

— Мащ, остаться с тобой? Просто там Никита внизу ждет, надо его предупредить.

Разговаривать сейчас ни с кем не хочется, чувствую я себя сносно. Жить точно буду.

— Нет, Ксюх, все хорошо. Езжай домой, — слегка улыбаюсь подруге. Но на самом деле, жжение в груди разрастается все больше. Пытаюсь сделать глубокий вдох, но легкие пронзает боль, словно тысячи иголок. Я знаю, что у легких нет нервных окончаний, но что-то там точно болит. Нестерпимо.

— Точно? — внимательно на меня смотрит.

Киваю ей. Она прощается и уходит, еще раз попрочитав о случившемся. Входная дверь хлопает, я поворачиваюсь к Матвею. Он хмуро смотрит на меня, испепеляя своими синими красивыми глазами. Злится до сих пор? Зачем тогда пришел?

Смотрим друг на друга, я растерянно, он очень внимательно. Пальцы покалывает от желания дотронуться до него, обнять хочу, и полезла бы обязательно. Только боль и озноб не дают сконцентрироваться на ощущениях рядом с ним. Виновато жму плечами. Не мучай ты меня, не смотри так. Либо поцелуй, либо уходи. Но вслух я, конечно, этого не говорю.

— Матвей, все хорошо. Спасибо за помощь, иди отдыхай, — говорю ему. А у самой внутри все кричит: "Останься". Вот такие мы женщины, хотим одного, а говорим другое. Я бы сейчас все отдала, чтобы просто полежать снова на его груди. И чтобы не было той ссоры, его разочарованного взгляда и колких фраз. Но увы, прошлое изменить я не могу. И все это было.

В какой-то момент нашей игры в гляделки, я чувствую пульсацию в груди, захожусь сильным кашлем. Прикрываю рот, потому что случается какой-то неконтролируемый приступ. Не могу дышать, все горит.

— Мащ, я вызываю скорую. Дело плохо, — он достает мобильный.

— Нет, не хочу в больницу, — перехватываю его руку, продолжая греметь на весь дом.

— Не дури, у тебя может быть пневмония, — аккуратно вырывает свою руку из моего захвата и все же звонит в скорую.

— Мот, мне уже легче, — приступ и правда минует, я ловлю крупинцы воздуха.

Но Матвей отказывается меня слышать, диктует все симптомы и отключается.

— Едут, — коротко отрезат, вставая со стула.

В голове тут же всплывают картинки, как мне вырезали аппендикс в Италии. Как

пролежала неделю в больнице, и никто меня не навещал. Потому что родители были в России, а друзей... Их не было. Помню, как мне было одиноко. Вспоминаю итальянских медсестер, которые больно вставляли катетер, жестикулируя и ругая, что им не найти мои вены. Как холодно общался со мной врач, вечно повторяя, что моя страховка не покрывает лечение полностью и что срочно нужно внести средства. И все это было отвратительно. Ничего человеческого.

Я не хочу снова оказаться в стенах больничной палаты, снова остаться там одна. Мне страшно.

— Мот, отмени, пожалуйста. Я не хочу туда, — жалобно хныкаю.

Он игнорирует мою просьбу.

— Матвей, отмени.

— Маш, надо в больницу, — его голос смягчается. Он снова подходит ближе, присаживаясь на край кровати, — Это может быть опасно.

— Я не хочу, — совсем как маленькая хнычу. Это все детский страх, я не могу его никуда деть.

Хватаю Мота за локоть, сильно сжимая. Его взгляд теплеет, он прикладывает мою голову к себе на грудь, шепча всякие нежности. Я зажмуриваю глаза, успокаиваясь.

— Не уходи, — наконец говорю именно то, что хочу, — Не бросай меня.

— Я тут, Маш, — целует в лоб. Хватаю его ладонь, переплетая наши пальцы. Возможно, я делаю что-то лишнее и только отталкиваю этого холодного мужчину от себя. Но мне так хочется касаться его, если у нас есть эта минута, я ей воспользуюсь.

Еще какое-то время греюсь в его объятиях, а потом снова веки закрываются. Засыпаю у соседа на коленях. Надеюсь, он все же отменил скорую, потому что мне намного лучше. И не знаю, что помогло. Лекарство или он. Рядом.

Открываю глаза, губы снова тяжело размыкаются, провожу языком по сухой корочке на нижней губе, отмечая, что в некоторых местах она потрескалась. Шарю рукой по кровати в поисках руки Матвея, но вокруг пустота. Мне все еще очень тяжело дышать, и только раздражающий писк где-то над ухом заставляет мой мозг работать.

Пик, пик, пик.

Рука затекла из-за неудобного положения, пытаюсь ее поднять, но она как кувалда, приклеена к матрасу. Взгляд расфокусирован, я вижу грязно-зеленые обшарпанные стены, ощущаю неприятный запах медикаментов. Я в больнице, сомнений нет. Значит Мот все-таки не отменил вызов.

Протираю глаза свободной рукой, кидаю взгляд на катетер в вене, брезгливо окидываю взглядом свою молочную истерзанную кожу в районе сгиба локтя. Они опять не смогли найти вены. Я стараюсь себя не желать, но страх детства окутывает с головой. Не могу сдержать эмоции, слезы сами по себе скатываются крупными дорожками вниз. Палата одиночная, отчего совсем тошно. Лучше бы со мной была какая-нибудь бабулька, которая бы отвлекала меня разговорами про своих внуков. Чем вот так. Когда слышишь только мерзкий звук пищашей аппаратуры.

Часов на стене нет, я понятия не имею сколько сейчас времени и как долго я здесь. На тумбе бутылка с водой, кружка, полотенце. Смартфона нигде не наблюдается. Стону от отчаяния, как же тошно.

Другого выхода не нахожу, начинаю кричать во весь голос, а его почти нет. Зову. Пусть хоть кто-нибудь придет, пожалуйста.

— Что за бунт на корабле? — в палату заходит женщина, лет сорока. У нее крупное тело, такие же крупные черты лица. Выразительный взгляд, кажется немного строгий. Влиятельная поза с грудью вперед, и казалось бы она очень властная, если бы не добрые нотки в голосе. Я успокаиваюсь, она вроде не собирается меня обижать.

— Вот кричать тут не надо, — она подходит ближе, приподнимает тяжелой ладонью меня за затылок и поправляет мою подушку, — Смотри, у тебя над головой кнопка. На нее можно нажать и к тебе придут.

Слежу за ее пальцем, указывающим на серую кнопку в изголовье кровати. И правда, а я не заметила.

— Давай тебе водички дам попить, совсем сухенькая стала, — она по-матерински подносит к моим губам кружку, и я делаю жадные глотки.

— Я заболела? — задаю максимально глупый вопрос.

— Да, крошечка, немного ты приболела. Но тебя вовремя привезли.

— А что со мной?

— Пневмония. Но поражение легких не критическое, полежишь пару недель и все образуется, — она ставит кружку обратно на тумбу и поправляет катетер. Ловит мой недовольный взгляд.

Оказывается Матвей был прав. Сразу диагноз верный поставил.

— Ну ладно тебе, потыкали тебя немного. Ну так совсем не попасть в венку было, а ты еще и лихорадила сильно.

— Кто меня привез?

— Ой, так мужик твой тебя привез. В ночи тут всех на уши поставил, жутко переживал. Палату тебе отдельную выбил, — она улыбается, и наконец я вижу ее теплый взгляд из под очков, — Но ему она не понравилась.

Снова обвожу палату взглядом, мне тоже не нравится. И не потому что нет хорошего ремонта, а потому что я тут одна.

— Он ушел?

— Ну мы его выгнали, поспать то нужно мужику, — смеется, — А то сидел тут на стульчике и за ручку все тебя держал. Ну голубочки прям.

Я впервые прыскаю со смеха, представляя Мота, держащего меня за руку. Эх, если бы это были проявления его чувств ко мне — я была бы самой счастливой. Но он просто испытывает вину. И от этого не легче.

— Так, ладно, сейчас витаминчики докапают, потом перерыв от капельниц. Принесу тебе обед, ну и врач заглянуть должен.

— Спасибо, — киваю ей, — А как вас зовут?

— Анна Павловна меня зови. Все, я упорхала.

Она выходит из палаты, снова оставляя меня одну. Вскоре мне действительно снимают капельницу, я с облегчением выдыхаю, аккуратно сгибая и разгибая руку. Давлюсь невкусным супом, но ситуацию спасает котлета с пюре. Анна Павловна приносит мне какую-то потрепанную книжку, женский роман, и я погружаюсь в нее, чтобы скоротать время.

На половине книги в дверь стучат, я сиплю, прокашливаясь.

— Да, заходите.

Матвей широко открывает дверь, выглядит просто потрясающе. Черные джинсы, голубая футболка, расстегнутая клетчатая рубашка, а сверху косуха. На ногах берцы. И снова этот невероятный запах, который заставляет меня забыть о болезни и погрузиться в мир фантазий и разврата.

— Как ты? — он подходит вплотную к больничной койке, доставая из пакета еду, — Решил взять тебе поесть, обычно в больницах не очень кормят.

— Суп был ужасный, — жалуясь ему, — Но второе меня спасло. Чувствую себя нормально.

Он улыбается. Поднимает одной рукой стул у стены и ставит его рядом со мной. Садится, широко расставив ноги, и складывает локти на коленях.

— Спасибо тебе. Анна Павловна рассказала, как ты тут сражался за одиночную палату. Не стоило.

— Это пустяки, — подмигивает, — Маш, я был не прав. Не стоило так на тебя кричать и оставлять одну. Если бы я поехал с тобой домой, то обошлось бы без больницы. Но я был очень зол.

— Мот, я не думала тогда, что подвергаю себя опасности. Просто отчаянно пыталась помочь.

— Да, я понял это позже. И, — он берет паузу, а у меня сердце заходится в бешеном ритме. Ощущение чего-то плохого, — Маш, ты классная девчонка. В сексе для меня идеальная, но...

— Но? — сглатываю ком в горле. Из-за кашля получается болезненно.

— Мой мир опасен, я не могу взять тебя туда. В очередной раз убедился, что долгосрок — не мое. Я за эту ночь чуть не поседел, не хочу еще больше привязываться.

— Мот, нет, — прошу его. Только не бросай меня.

— Маш, я уже чувствую, что для меня это перерастает в больше, чем секс. Ты спала в моей кровати, ранее я такое не практиковал. Все зашло слишком далеко. Я не хочу делать тебе больно.

— Ты прямо сейчас делаешь, — паника захватывает все тело. Меня начинает трясти. Когда я говорила себе, что отпущу его, я не думала, что придется так скоро.

— А так всегда, Маш, происходит. Я людям почему-то приношу боль только. Дело же не в тебе, ты кайфовая девочка, — он позволяет себе коснуться меня, гладит по волосам, — И рыжий этот твой. Просто башню сносит.

— Мот, — заглядываю ему прямо в глаза, — Я же влюбилась.

Какой смысл скрывать свои чувства, если и так все понятно. Матвей умный мужчина, он все понимает и видит. Да и я особо не скрываю.

— Я знаю, маленькая, — целует меня в лоб, — Поэтому лучше сейчас порвать.

Вижу решимость в его взгляде, он принял решение уже для себя. Даже не дал шанса, просто в одиночку сыграл. И я ведь чувствую, что его тянет ко мне, но откуда ж мне знать, чего он боится. Он ничего о себе не рассказывает. Не пускает внутрь.

Кидаюсь к нему на шею, он сжимает меня в крепких объятиях, поглаживая мокрую спину. Меня начинает снова лихорадить, только вот непонятно отчего. Болезнь или боль от потери?

— Прости меня, — целует за ушком, — Ты обязательно встретишь того самого, который сделает тебя самой счастливой.

Киваю, горько усмехнувшись. Я была уверена, что Матвей тот самый.

— Мот, пока ты не ушел, — я еле сдерживаю слезы, меня волной накатывает истерика, но я сдерживаюсь. Не хочу омрачать прощание рыданием, — Просто знай, если вдруг тебе когда-то станет плохо, то я рядом. Ты всегда сможешь прийти ко мне.

Касаюсь ладонью его щеки, ласкаю ее, кожу покалывает от щетины, но даже это приятно. С ним все приятно. Надо же было так вляпаться, Ионова. По самые...

— Спасибо, колючка, — целует в нос и отпускает меня из рук.

Сразу становится очень холодно, зябко.

Он медленно встает со стула, ставит его обратно к стене. Также медленно идет к двери, я считаю его каждый шаг, ловя его запах, запоминая. Мне невыносимо больно, хочу вскочить, броситься к нему, умолять не уходить. Но он ничего не обещал, а я обещала себе, что отпущу. Поэтому все честно.

— Это был лучший секс в моей жизни, — застывает в дверях.

— И у меня, Маш. Никогда такого не было, — напоследок смотрит мне в глаза и выходит.

Я считаю до десяти, прежде чем зарыдать, не хочу, чтобы он слышал как я рву себя на куски.

Восемь, девять, десять. Все. Падаю лицом в подушку, рыдаю так сильно, что начинаю задыхаться. Анна Павловна вбегает в палату, пытается меня успокоить, причитая, что нельзя мне сейчас переживать. А мне уже все равно, на все. Плевала я на себя, на свой организм.

Он ушел.

Открываю ключом дверь, осматривая лестничную площадку. Задерживаю взгляд на двери соседа, душа требует подойти и позвонить в звонок, кинуться на шею, поцеловать в колючие щеки. Но я так не делаю, я уважаю выбор Матвея, хотя и больно. Как так можно было вляпаться, я до сих пор не понимаю. И эта влюбленность не похожа ни на что, что я испытывала ранее. Моя мнимая любовь к Никите даже и рядом не стояла с тем, что я чувствовала рядом с Матвеем. Я честно себе призналась, что просто завидовала Ксюхе, их благополучию, их любви. Поэтому сублимировала свою якобы любовь в сторону Никиты.

Но с появлением Мота жизнь перевернулась. У нас было так мало времени вместе, но мне хватило его, чтобы понять — без Матвея уже будет не так просто. Конечно, жизнь продолжается. Но будет ли она такая яркая...

Продолжаю гипнотизировать взглядом его дверь, одинокая слеза срывается из глаза. Все, Маша, закрывай эту главу. Пора двигаться дальше, тебя не захотели. С тобой не захотели. Как там все новомодные психологи утверждают: "Если мужчина захочет сделать, то он сделает". Мот ничего не делает, а значит не хочет.

Получается и мне нужно перестать его хотеть.

Квартира встречает тишиной, скидываю обувь в прихожей и кидаю сумку на пол. Две адские недели в больнице, в этой одиночной палате. Две недели один на один с мыслями и чувствами. Глубокий анализ и полное разочарование в собственной судьбе. Я действительно из тех, кого не выбирают и кого не любят. Пора это окончательно признать, закопать куда подальше идею с замужеством и, возможно, заняться карьерой более плотно.

Столько попыток найти любовь, и каждая провальная. Это ли не знак, что пора остановиться?

Сгребаю грязные вещи из сумки и запикиваю их в стиральную машину. Гоню воспоминания о нашем страстном вечере на этом месте. Ни к чему терзать себе душу. Только вот собственный дом хранит память о Матвее, поэтому находиться тут стало тяжелее.

А еще я наконец сделала потрясающие наброски для выставки, даже мой внутренний критик замолк. Они и правда невероятные. Пока я лежала в больнице, то у меня было много времени для творчества, оно то и спасало в основном от одиночества. Конечно, Ксюха заходила почти каждый день, родители тоже собирались приехать. Но я их успокоила, зачем мотать лишние километры, я быстро шла на поправку. Анна Павловна подкармливала меня вкусными пирожными, рассказывала про своих детей. Я даже набрала два лишних килограмма, но они красиво округлили мою худощавую фигуру. Я определенно стала выглядеть женственнее. Появились плавные линии, более изящные изгибы. Только кто теперь оценит это...

На счет набросков. Тема "Герой нашего времени". Когда я только взяла лист бумаги и карандаш, то линии сами собой начали вырисовываться на бумаге. Я рисовала ребят из леса. Их сплоченность, желание помочь, их невероятно сильный дух. Мота, конечно, я тоже нарисовала. Целых два наброска: первый, где он что-то подробно объясняет отряду и раздает указания, второй — как он прочесывает лес.

Игорь Олегович одобрил все зарисовки. Он тоже остался в восторге. Осталось только довести их до ума, добавить красок. И можно будет выставляться. Впервые я так искренне

довольна проделанной работой.

А еще мне очень понравилось помогать людям, никогда ранее не наблюдала за собой особого рвения к альтруизму. Но тот день в лесу что-то открыл новое во мне, просто разорвав старые укоренившиеся связи. Я непременно планирую пройти подготовку и вернуться в отряд. Правда не к Моту. Зачем вскрывать раны?

В нашем регионе действует еще один добровольческий отряд, я уже подала заявку и жду, когда мне перезвонят и пригласят на учения.

Готовлю себе вкусный ужин: красная рыбка на гриле, жасминовый рис и соус а-ля тартар. Позволяю себе один бокал белого сухого. Залезаю в социальные сети, проверяю чем живут одноклассники, однокурсники и прочие жители нашей планеты. У всех все по-старому: работа, дети, карьера, спортзалы. Висит несколько непрочитанных сообщений от родственников, все желают скорейшего выздоровления. Благодарю в ответ и натываюсь на сообщение от Сергея.

Ох, я же обещала ему еще одну встречу и благополучно забыла. Извиняюсь перед мужчиной, объясняю ситуацию. Ответ не заставляет себя долго ждать.

"Очень жаль, Маша, что я узнал про больницу только сейчас. Непременно бы тебя навестил. Надеюсь все сейчас хорошо".

"Да, спасибо, Сереж. Сейчас я в порядке".

Я просто пытаюсь быть вежливой, Сергей как мужчина меня совершенно не интересует. И пытаться с ним — это просто врать себе. А на вранье у меня теперь аллергия. Не хочу больше придумывать сказки и байки, хочу просто жить свою жизнь. Даже такую скучную. Когда там в лесу я на минуту представила, что сейчас меня может просто не стать — то стало все восприниматься иначе. И солнце ярче стало, и люди добрее кажутся.

"Маш, ты извини за настойчивость. Но может все же по кофе еще раз?".

Черт. Ну как отказать то? Не хочу я его обижать. С другой стороны соглашаться на встречу — это неправильно.

"У меня день рождения будет в субботу. Был бы рад тебя видеть, мы с друзьями пойдем в клуб".

Заходит с козырей. Отказать теперь становится еще сложнее.

Устало тру виски, не понимаю я, как правильно поступить. Может сказать ему, что готова прийти в качестве друга? Но вроде как Сергей особо и не предлагал встречаться, даже если я и вижу его мужской интерес в свою сторону.

"Я никого не знаю из твоих друзей. Будет не очень удобно".

"Да брось. Познакомишься, ребята все хорошие".

Конечно он настаивает, Маша, а ты как хотела?

Кусаю губы, обдумываю как правильно поступить. Нет стопроцентно правильного варианта, но все же выбор сделать придется. Еще и чувство долга под коркой грызет, Сергей мне помог, ничего не просил взамен. Просто предложил еще раз встретиться. А сейчас приглашает на свой день рождения. Нельзя отказывать.

"Да, Сергей, я буду".

"Маша, я так рад. Позже тебе скажу адрес и время. Или лучше вызову такси к твоему дому".

Ага, и так он узнает мой адрес. Это лишнее.

"Спасибо, не нужно. Я доберусь. До встречи!".

Заканчиваю диалог, чтобы он снова не стал настаивать. И так тяжело на душе.

В субботу утром я открываю глаза, вспоминаю, что сегодня день рождения у Сережи. Подарок я не купила. Да и что подарить мужчине, которого знаешь всего ничего? Поэтому решаю просто положить деньги в конверт, ну и подарок максимально обезличенный. Ни на что не намекающий. Самое то.

Как и обещала себе ранее, я все же немного обновляю гардероб. Покупаю джинсы, несколько платьев, туфли на шпильке, сапожки длиной чуть выше колена, обалденное кожаное пальто, пару юбок, блузки на работу. Покупками остаюсь довольна. Еще решаю купить себе красивое нижнее белье, для себя. Буду любоваться собою в зеркало. Почему бы и нет?

В отделе нижнего белья глаза разбегаются от обилия вариантов. Тут и пуш-ап, и балконет, и браалет, и корсет. И все это я узнаю за минуту пребывания в магазине. Обычно я просто покупаю себе комфортный лифчик, который придерживает грудь. Без лоска. А сейчас от количества вариантов кружится голова.

— Вы для чего хотите приобрести бюстгальтер? — услужливо интересуется консультант, — Какое-то особенное мероприятие? Или же просто на повседневную носку?

— Я просто хочу красивое белье, — пожимаю плечами.

— Понимаю, — она подмигивает и удаляется к дальним стеллажам.

Не знаю, что она там поняла, но выражение лица было многообещающим.

Она мне подбирает невероятное красивое прозрачное боди со шнуровкой по середине и в обрамлении красочных цветов. Оно идеально садится на меня. Потом тут же предлагает нежно-розовый шелковый пеньюар, в котором я выгляжу как настоящая секси кошечка. Ну и напоследок потрясающий кричащий кружевной черный комплект с полупрозрачной тканью в районе сосков. Я в полном восторге. Никогда ранее не позволяла себе такие откровенные вещи, а сейчас вот душа требует.

После шоппинга остается мало времени на сборы. Я надеваю новый черный комплект и черное минималистичное платье на тонких бретелях. Свои высокие сапожки и небольшой черный клатч. Волосы просто красиво распускаю за спину и делаю не сильно кричащий макияж. Выгляжу настолько сексуально, что сама пугаюсь от своей энергетике. Но как говорится, гулять так гулять. Почему бы и не отдохнуть.

Подмигиваю отражению в зеркале, улыбаюсь напоследок и, накинув плащ на плечи, выбегаю из квартиры.

Модный клуб в центре города встречает громкой музыкой и атмосферой безудержного веселья. Первые минуты я теряюсь от количества народа, но Сергей услужливо встречает меня на входе, радостно приветствуя. Я улыбаюсь, поздравляю именинника, сдаю вещи в гардероб и следую за ним к столику. Сережа одаривает меня большим количеством комплиментов, мне приятно, ведь я и правда выгляжу супер, но сердце не трепещет от его слов. Просто приятно, не более. Мы поднимаемся на второй этаж, я перебираю каблуками по лестнице, поспевая за Сергеем. Клуб огромный, с улицы кажется намного меньше: на первом этаже танцпол, где пока не так много людей, так как еще только начало вечера. Второй этаж сделан полностью под зону отдыха, обилие столиков с удобными диванами, кальянная зона, бар. Что на третьем этаже — мне неизвестно. Я здесь впервые.

Если честно, то я вообще не любитель подобных заведений. И это не потому что я не люблю веселиться, просто, чтобы расслабиться и танцевать мне нужен алкоголь, а как мы знаем, действует он на меня плохо. Поэтому смысл ходить в клуб, чтобы просто посидеть.

Сергей меня знакомит со своими друзьями, я отмечаю, что они все разные и не задроты, как я могла подумать. Да, большинство из них также работают в сфере информационных технологий, но довольно веселые и открытые ребята.

— Маша, что будешь пить? Игристое или может коктейль? — один из друзей Сергея обращается ко мне, пока именинник отвлекается, получая очередную порцию поздравлений.

— Спасибо, Дмитрий, я воздержусь, — надеюсь я правильно запомнила имя и не придется краснеть. Но мужчина никак не комментирует мое обращение к нему, а значит все в порядке.

— Уверена?

— Да, — киваю, слегка покачиваясь под музыку.

Дмитрий не настаивает и заводит беседу с другими гостями. Я немного расслабляюсь в приятной компании, все же прийти сюда не было такой уж плохой идеей. Сережа периодически о чем-то меня спрашивает, но его постоянно отвлекают. Меня это ни в коем случае не обижает, даже наоборот, я рада, что у него такие теплые друзья.

Попиваю свой безалкогольный коктейль, кручу головой в разные стороны, разглядывая гостей. Замечаю знакомое лицо, ничего себе, не подумала бы, что Мартышка ходит в такие заведения. Нужно обязательно поздороваться.

— Сереж, ты не против, я отойду на пару минут? Там знакомая просто.

— Конечно, Маш, без проблем, — он улыбается и возвращается принимать подарки.

Я протискиваюсь между гостями, расправляю свое потрясное платье и уверенной походкой двигаюсь к столу Мартышки. Так непривычно ее называть позывным, но имя я не знаю. Пока вышагиваю по паркету, замечаю несколько заинтересованных взглядов мужчин, это добавляет уверенности и немного поднимает самооценку. Хотя я сама себе сегодня очень нравлюсь. Прямо конфетка. И настроение впервые за две недели отличное.

— Привет, — здороваюсь с девушкой.

— О, Колючка, верно? — она ставит бокал на стол, приобнимая меня.

— Да, — напоминание о нелепом прозвище где-то внутри отзывается болью, но я игнорирую ее, — Отдыхаете?

— Да, у нас сегодня вообще праздник. Четыре года отряду, вот собрались все вместе.

Я улыбаюсь, а у самой колени подгибаются. Надеюсь руководитель отряда решил не праздновать со всеми, иначе это будет самая нелепая встреча. Да и не хочу я его видеть, хотя нет. Не так. Увидеть его очень хочется, а вот ковыряться в ране — нет.

Я не решаюсь поинтересоваться у нее, где Матвей. Мы еще несколько минут перекидываемся парой фраз, и я поздравив всех, решаю вернуться к столику. Делаю крутой поворот на каблуках. но тут же врезаюсь в мощное тело. Ноздри тут же заполняет знакомый аромат, внутренности скручивает в тугий узел. Я боюсь поднять глаза и увидеть его, сердце предательски ноет.

Нет, нет, нет.

— Маша, — слышу свое имя на выдохе. Сглатываю ком в горле, заставляя себя посмотреть на Матвея.

Но как только поднимаю глаза, боль заполняет все пространство. К такому я точно была не готова. И все это похоже на шутку. Ужасную, глупую шутку.

На широком плече Мота лежит тонкая кисть с красивым маникюром на длинным ногтях, Лика нежно поглаживает мышцы руки мужчины, собственнически обнимая. Я теряю рассудок, потому что была готова увидеть абсолютно все, кроме этого. Что за черт?

Мот ловит мой взгляд полный непонимания и разочарования, и мне на секунду кажется, что он сожалеет. Я хочу взять себя в руки, но выходит скверно, особенно, когда мерзкая Лика что-то шепчет ему на ухо, демонстративно чмокнув в щеку.

— Перестань, — чеканит он сквозь зубы. Она лишь смеется на его просьбу.

Вот такое тебе нравится, Мот? Такое вульгарное и показушное?

Ее платье выглядит пошло, слишком короткое, еле прикрывает пятую точку. А про декольте я вообще молчу, грудь вот-вот покинет периметр платья.

— Маш, поговорим? — он наконец обращается ко мне. Я все еще стою, не двигаясь, словно тело парализовало.

— Зачем? — говорю так тихо, что наверно меня не слышно из-за басов музыки.

Но Мот слышит. Я ведь и правда не понимаю, какой смысл нам говорить, он поставил точку. Я ее приняла. А то, что он выбрал другую — да, больно, но меня не касается.

Только я все равно злюсь. Злюсь так сильно, что внутри кипит кровь, еще чуть-чуть и я начну рвать и метать. И первой достанется Лике. И не потому что она с Мотом, хотя и это тоже, но больше всего бесит ее идиотская торжествующая улыбочка на лице. Она считает, что победила. Только в чем? Я ни с кем не соревновалась. Я просто влюбилась по уши, глупо и наивно.

Мот что-то хочет сказать, но я перебиваю. Все сказанное будет лишним. Все и так понятно.

— Хорошего вечера. Меня ждут, — я натягиваю самую широкую улыбку на какую только способна, хотя внутри буря. Но не стоит показывать свою уязвимость.

Обхожу парочку, ощущая касание руки Мота к моей ладонь. Он некрепко сжимает ее, поглаживая, я резко выдергиваю. Кожу обжигает от касаний, но я просто иду вперед, активно двигая бедрами и улыбаясь всем мужчинам, что смотрят на меня. И да, я чувствую, что он тоже смотрит. Прожигает спину взглядом.

Но ты сам отказался от меня, зачем смотришь теперь?

Возвращаюсь за столик ужасно злая и возбужденная. Мне хочется посмотреть в сторону, поймать его взгляд, но я держусь. Прошу Дмитрия все же налить мне бокал игристого. Осушаю бокал залпом, успокаивая нервы.

— Еще? — Дмитрий подставляет горлышко пузатой бутылки к бокалу.

— Нет, спасибо, — мне нужен был всего один бокал, чтобы успокоить трясущиеся руки и ноющее сердце. Помогло? Нет.

— Маш, у тебя все хорошо? — Сергей пододвигается ближе, заглядывая в глаза.

Ну почему я не влюбилась в него, он же смотрит на меня так нежно и заинтересованно. С ним бы получилось построить семью, нарожать детей, ближе к сорока купить загородный дом и собаку. Идеальный план. Только вот я хочу все это не с ним.

— Просто встретила старого знакомого. Ничего такого, Сереж, за что можно переживать, — портить настроение имениннику только потому что его испортили мне, я не собираюсь.

— Маш, ты нереально красивая, просто потрясающая, — Сергей аккуратно, как бы спрашивая, кладет руку на мое колено. Я смотрю на его короткие пальцы, что поглаживают оголенную кожу, и все это выглядит ужасно неестественно.

Но во мне просыпается самая настоящая стерва. Матвею хорошо, он с другой. Скорее всего они продолжают вечер в горизонтальной плоскости, судя по выражению лица Лики, она именно на это и рассчитывает. А я что?

Буду сидеть здесь с кислой миной и терзать себе душу? Ну уж нет, сосед, пошел ты к черту!

— Сереж, а поцелуй меня! — хихикаю, закусывая нижнюю губу.

Я отдаю себе отчет, что использую мужчину, но именно сейчас мне глубоко плевать на всех. Я пытаюсь утолить свою злость и выплеснуть ее. Сергей на секунду теряется, я раздражаясь и сама притягиваю к себе мужчину. Касаюсь своими губами его, тут же пропуская нежные прелюдии, целую взасос. Он еще пару секунд мешкается, но все же берет инициативу в свои руки. Его ладони блуждаю по моей талии, сжимая ее, он придвигается еще ближе, сокращая расстояние между нами до миллиметра. Зацеловывает меня, говоря, как я ему нравлюсь. Я просто принимаю, но на душе кошки скребут. Целоваться с ним — никак. Ничего внутри не трепещет, не отзывается. Обычные механические действия.

Отрываюсь от Сергея, поглаживая его плечо, и на секунду все же позволяю себе кинуть взгляд в сторону. Ударяюсь об волны злости, что трепещет в глазах Мота. Он просто выжигает дыру, испепеляя Сережу взглядом. Я хмыкаю.

Неприятно, да? Ну тогда смотри, ты же сам отказался.

Сергей ведет рукой по моему голому плечу, задевая лямку, я останавливаю его. Это лишние. Вижу, как Мот дергается в нашу сторону. Испуганно пишу, чмокаю Сережу в щеку и сбегаю в уборную.

У двери в дамскую комнату, меня хватают за руку и резко разворачивают к себе. Я ударяюсь о стену, полностью прижатая мощным телом. Глаза Матвея горят, я впервые вижу такую неконтролируемую ярость. То, что было тогда в лесу и рядом не стоит. Сейчас он просто в гневе.

— Что за хрень происходит? — рычит прямо в губы, а потом грубо проводит по ним своей лапицей, стирая поцелуй Сергея, и брезгливо вытирает руку о черные брюки.

Я молчу и просто наблюдаю за ним. И что ты собираешься делать, Мот, а главное зачем?

Точку ставила не я.

Смотрю на Матвея, молча наблюдая как ходят его жевалки. Он испепеляет взглядом, злится сильно, я чувствую это каждой клеточкой своего тела.

— Что именно тебя не устраивает? — почему-то проснувшаяся стерва внутри не хочет уходить. Я кайфую от него, от того, что рядом. Но не показываю ему свою слабость.

— Маш, какого... — хочет матернуться, но останавливает себя, — Почему ты позволяешь ему трогать себя и целовать?

— Ну, — усмехаюсь, — Сергей ухаживает за мной, я ему нравлюсь. Ну и тем более я свободная девушка, в целом почему бы и нет?

— Пиздец, — выдыхает со свистом, — Скажи ему, чтобы больше не касался тебя, слышишь? Иначе ему скажу я.

Почему-то ситуация меня забавляет, не понимаю реакцию Мота. Он сам ушел, чего теперь психует?

— Мот, может я чего-то не понимаю. Ты вроде как покончил с нами. Ты с другой девушкой, а я с другим мужчиной.

— Лика — это просто секс. Ничего больше, Маш.

— А чем тебя не устраивал секс со мной? — начинаю смеяться, ситуация похожа на сюр.

— С тобой другое, Маш.

— Другое — это какое?

Он молчит, отворачивая голову в сторону. Пытаюсь вырваться из его рук, но он держит крепко.

— Отпусти, — рычу от злости и бессилия.

— Не могу, — он шепчет, касаясь своим лбом моего. Ловлю его дыхание на губах.

— Мот, нет, — жалобно стону, — Ты же опять уйдешь. Я больше не хочу собирать себя по кусочкам.

— Машка, все очень сложно. Я не могу быть с тобой, — все же чмокает в уголок рта, — Но и без тебя походу тоже. Никогда так ни к кому не тянуло. Думаю о тебе постоянно.

Его откровенность распаляет внутри меня пожар, чувствую как подгибаются колени.

— Не понимаю, — мотаю головой, — Зачем ты ушел тогда?

— Не могу рассказать, но без тебя хреново. Я клянусь был готов ему открутить голову, когда он тебя коснулся, — Мот прижимает меня к себе, лаская теплыми ладонями оголенную кожу. Я должна его оттолкнуть, но не хочу. Как безвольная кукла млею от чувств к этому мужчине.

— Откройся мне, чего ты боишься? — костяшками пальцев глажу щетинистую щеку.

— Если я тебе все расскажу, ты уйдешь. И не вернешься никогда, — усмехается, — А я эгоистично не могу тебя отпустить. Эти две недели были показательные. Меня ломало, каждый раз порывался постучать в твою дверь.

Все, что он говорит заставляет меня снова поверить, что у нас есть шанс. Что не все потеряно.

— Откуда ты можешь знать, уйду я или нет?

— Знаю, Машка. Знаю, — притягивает к себе, целуя щеки, скулы, шею.

Стону от приятных ласк. Не могу я без него.

— Мот, давай попробуем? Настоящие отношения. Ты не можешь без меня, а я не могу без тебя.

— Маленькая, — захватывает нижнюю губу в плен, — Почему я не встретил тебя раньше? Хотя бы год назад.

Целуемся как обезумевшие, я не могу насытиться, мне так хорошо, что я просто улетаю. Он нежно касается меня, стонем в унисон, на секунду отрываемся друг от друга. Если бы он захотел меня сейчас взять, я бы отдалась. Прямо здесь. Без раздумий.

— Я вам не мешаю? — холодный голос сбоку заставляет оторваться от поцелуя.

Лица стоит в конце коридора, сложив руки на груди и испепеляя меня уничижительным взглядом.

— Мешаешь, — грубо отрезаю. Как же она меня бесит, сучка.

— Матвей, — не обращает внимание на мой выпад, вопросительно поднимает бровь, смотря на Мота.

Я льну к нему, обнимая за шею. Ну уж нет, дорогуша, пошла ты к черту.

— Я сейчас приду. Иди за стол, — он командует безапелляционным тоном.

— Игнатьев, это перебор. Я не позволю сосаться с какой-то бабой при мне, понял? — она надвигается на нас.

— Какая-то баба здесь ты, — снова огрызаюсь.

Мот хватается меня за щеки в обе свои ладони, заглядывая в глаза. В них столько сожаления.

— Маш, не нужно, — качает головой, — Лица, минута и я вернусь, — поворачивается к ней.

— Ты идешь со мной! — кричит на него, — Понял? Иначе ты знаешь, что я сделаю.

Не понимаю, почему он позволяет такую вольность. Сжимаю его руку, он в ответ гладит кожу, успокаивая.

— Минута, — вижу как свирепеют его глаза, — Пожалуйста.

— Ладно, — она сдается, — А ты, еще раз откроешь рот в мою сторону, я тебе устрою веселые дни, — она брезгливо окидывает меня взглядом и уходит.

— Мот? — кидаюсь ему на шею, он прячет глаза.

— Маш, езжай сейчас домой. Через час я подъеду, буду ждать тебя в пикапе.

— Ничего не понимаю, Мот. Объясни!

— Потом, Маш, дай мне время. Просто сделай как я сказал. Хорошо, маленькая?

Целует меня коротко.

— Хорошо, — я соглашаюсь. Но это не значит, что разговора не будет. Нам очень много что нужно обсудить. И надеюсь у Мота найдется время все объяснить.

— Не накручивай только себя, хорошо? — его губы снова находят мои, он так трепетно их целует, что я лужицей растекаюсь у его ног. Бесхребетная ты, Мария.

Киваю, отпуская руку Мота. Он уходит, оставляя меня с кучей вопросов и трепыхающим сердцем.

Тысячу раз извиняюсь перед Сережей, придумываю какую-то ерунду, что мне срочно нужно бежать. По глазам понимаю, что он не верит, но добродушно улыбается и отпускает, напоминая о встрече, которую я ему задолжала.

Пока добираюсь до дома, искусываю нижнюю губу почти в кровь от тревоги не нервов. Дома оставшиеся полчаса хожу из угла в угол, обдумывая случившееся. Не могу поверить в то, что он мне сказал. Я нужна ему. Он тоже мучался эти две недели. Значит... Он что-то

чувствует ко мне.

Слышу визг шин, вскакиваю с дивана, подбегаю к окну. Вижу Мот пикапа, он выходит из машины, ища глазами мое окно. Ловит мой взгляд и одним кивком головы подзывает к себе. Улыбаюсь как дурочка, бегу в коридор, наспех накидываю обувь и вылетаю из квартиры.

Мот ловит меня в свои объятия, целуемся как подростки. Нет, даже не целуемся... Сосемся, не давая даже возможность сделать вздох.

— Ты можешь взять выходной на понедельник? — все же отрывается от меня.

— Могу, — тут же отвечаю. Не задаю лишних вопросов, просто могу и все.

— Тогда возьми дома необходимые вещи, поедем с тобой отдыхать, — открыто улыбается.

— Куда поедем?

— Секрет, но тебе понравится, — целует в лоб.

Дома я быстро собираюсь, кидая в сумку все самое необходимое: зубную щетку, уходовую косметику, одежду на смену. Прихватываю свой розовый пеньюар, в надежде, что он понадобится. Хотя судя по тому, как нас прет друг от друга, то точно понадобится. Время на переодевание не трачу, остаюсь в платье. Тем более мне так нравится, как я в нем выгляжу.

Мы с Мотом мчим по трассе, выезжая за пределы города. Одна его рука покоится на руле, вторая гладит колено. И по сравнению с Сергеем, от ласк Мота я схожу с ума. В салоне играет тихая ненавязчивая музыка, и я понимаю, что от количества эмоций начинаю возбуждаться. Сильно.

— Мот, — вкрадчиво говорю, поворачивая голову в его сторону.

— М? — отвлекается от дороги, коротко улыбнувшись.

— А мы можем на полчаса свернуть с дороги?

Он удивляется от моей просьбы, взметая брови вверх.

— Зачем?

— Очень нужно, — киска намокает от фантазий. Мне нужен он прямо сейчас, я не дотерплю. Рядом с ним всего мало. Его мало.

Матвей больше не задает вопросов, сворачивает с трассы, останавливая машину и глуша двигатель. Салон озаряет тишина, слышно только наше дыхание.

Медленно отстегиваю ремень безопасности, перелезая со своего места на колени Мота. Он опускает свои руки на мои ягодицы, сжимая их. Льну к нему как кошечка, прикусывая вкусно пахнущую шею зубами. Он шлепает меня по ягодице.

— Маша-Маша, — цокает языком, — Хулиганка.

Но я вижу, как ему нравятся эти игры. Привстаю на коленях, снимая черные кружевные стринги. Провожу пальцами по киске, собирая влагу.

— Мокрая, — кокетливо подмигивая, демонстрирую пальцы в собственной влаге.

Матвей рычит, захватывает зубами лямку платья и спускает ее по плечу. Я расстегиваю ширинку, тут же нахожу уже стоячий член и провожу по нему несколько раз, оголяя красивую розовую головку.

Терпеть сил больше нет, две недели без секса. В любой другой момент я бы пережила, бывало и дольше без него. Но без Матвея время день за час сходит. Опускаюсь на член с глухим стоном, замираю, ловя ощущение. Член внутри меня словно набухает еще больше.

— Пиздец, — Мот тяжело дышит, — Ты словно создана для меня.

Хихикаю, продолжая медленно двигаться. Мот дает мне время привыкнуть к размеру, а потом перехватывает инициативу в свои руки. Поддерживая за ягодицы, начинает вколачиваться жесткими толчками. Я сказала полчаса? Кажется мы кончим намного быстрее. Не знаю, какие точки Мот находит внутри меня, но с каждым движением, с каждым моим стоном я понимаю, что меня накрывает. Оргазм приближается все быстрее. В какой-то момент головка его члена касается нежной пульсирующей точки, я кричу, содрогаясь от сладкой истомы. Кайфую, трясясь в его руках. Еще пару толчков, и Мот догоняет меня, кончая внутрь. Я даже не обращаю внимание, что мы без презерватива. Пофиг, выпью потом таблетку. Главное сейчас очень-очень хорошо.

— Не понимаю, как ты это делаешь. Но кроме тебя мне никого не хочется, — зарывается носом в мои волосы, — Правду говорят, что рыжие ведьмы.

POV Матвей.

— Игнатъев, ты охренел? — Лика хватает меня за руку, впиваясь острыми ногтями в кожу. Не обращаю внимание на нее, следя как Маша прощается со своим ухажером и уходит из клуба. Спокойно выдыхаю, послушная девочка. На секунду засомневался, что она сделает не так, как сказал.

— Слышишь меня? — шипит прямо в ухо.

Устало перевожу взгляд на Лику, заглядывая в злые глаза.

— Что? — спрашиваю.

— Ты сосался с ней, пока я сидела и ждала тебя здесь. Считаешь это нормальным? — начинает закипать. Жутко устал от ее истерик.

— Я не клялся в верности, Лика. Ты меня своей ревностью задушила уже, — потираю переносицу большим указательным пальцами, — Ты хотела, чтобы я был с тобой? Я здесь. Но любви нет.

— А с ней есть, да? Будешь всегда мне теперь изменять? — кажется еще чуть-чуть и у нее пойдет пар из ушей, — Я не дам ей жизни.

— Мне нужно по делам отъехать, срочно. Как вернусь — наберу тебя.

Специально ухожу от вопроса. Пока в жизни не появилась Маша, все было проще. Сейчас усложнилось в разы, но от этой рыжей бестии отказаться не могу. В тиски скручивает от мысли, что она где-то там, не со мной рядом. Хер его знает, что это такое.

Помню как первый раз ее увидел. Вышла из своей Мазды, летящей походкой вышагивала к подъезду. Вся статная, гордая, независимая. И волосы эти, как медь. Не смог глаз оторвать, и член тут же дал о себе знать. Захотел ее невыносимо, до боли в яйцах. Дрочил, представляя ее, как подросток какой-то. Думал трахну разок и все, отпустит. Стало только хуже.

Понял, что теряю контроль, когда Маша потерялась в лесу. Сердце тогда бешено билось, руки вспотели. Искал, искал, а найти не мог. Увидел, как бежит ко мне, и словно заново родился. Накричал на нее, нагрубил, а сам слезы ее готов был слизать с лица. Помчался за ней, извиниться хотел. Не нужно было так грубить, девочка сама испугалась нехило. Ломился в дверь, никто не открывал. Сразу почувствовал тревогу, набрал Никиту. Ребята приехали быстро, а она там на полу.

Блять. Я просто охерел от своих эмоций, мне не понравилось. Не понравилось быть зависимым. Сжимала меня в объятиях, мокрая вся, трясущаяся, а я молил только, чтобы спала температура.

— Я расскажу все отцу! — Лика угрожает мне.

— Валяй, — отмахиваюсь от нее, спускаясь по ступенькам вниз. Она что-то кричит в спину, не слышу уже. Лечу к Машке, руки покалывает от желания коснуться ее. Снова ощутить нежную молочную кожу под пальцами. Стон ее поймать, чтобы кончила в моих руках. Ахуенная девочка.

Телефон на приборной панели неприятно раздражает тишину в салоне автомобиля, останавливаюсь на светофоре, кидая взгляд на экран. Блять, пожаловалась все-таки, сучка.

— Да, — рявкаю в трубку.

— Щенок, ты что-то совсем борзый стал. Тебе так не кажется? — голос генерала-

полковника Петренко грохотом разносится по машине.

— Не кажется. Я в любви вечной Лике не клялся.

— Мне похуй, что у вас там. Только моя дочь рыдает, а у нас с тобой был договор.

— Борис Аркадьевич, при всем уважении, мы с вашей дочерью разберемся сами, — как же меня задолбала эта семейка. И ведь держат удавку на горле, контролируя каждое мое движение.

— Если бы вы сами разбирались, она бы не звонила мне в ночи. В общем ты там со своими шлюхами завязывай.

От его слов злость набирает обороты. Сдерживаюсь, чтобы не послать куда подальше, но сука не могу. Не могу руководить своей жизнью, распоряжаться ей как хочу. Должник я.

А тут Машка появилась, сладкая девочка. Нужна мне до ломоты. Придется решать вопрос кардинально, еще не решил как. Но решу. Главное, чтобы Лика не стала вредить, она то может.

— В общем я тебя предупредил, майор Игнатьев.

Сбрасывает трубку, давя на больное. В отставке я.

Подъезжаю к дому, сразу нахожу в окне силуэт. Смотрит, улыбается, А мне очень нравится ее улыбка. Выбегает, ловлю и зацеловываю. Пиздец тону в ней. Другая она какая-то. Моя что ли... Надо же было встретить в тридцать пять ту самую и поплыть.

Обезумевшие от оргазма еще несколько минут сидим и молчим, прижимаю к себе хрупкое тело. Чмокаю в плечо, разглядывая веснушки.

— Так ты скажешь, куда мы едем? — прерывает тишину.

— Отдыхать, Маш. Подальше от всех.

— Долго нам еще ехать?

— Нет, полчаса.

Кивает, слезая с колен, поправляет свое платье. Разглядываю сочную попку, снова возбуждаюсь. Но нужно ехать, продолжим уже на месте.

Заезжаем на территорию загородного комплекса, охрана поднимает шлагбаум, приветствуя. Меня спокойно пропускают в ночи, я заранее предупредил старого знакомого, что приеду. Не один. Маша уже клюют носом, засыпая. Улыбаюсь ей, подбадривая.

— Мот, как красиво, — Машка первая заходит в домик, подбегает к панорамному окну. Вид и правда шикарный, темный лес и горы вдали.

— Да, — подхожу ближе, обнимая со спины. Она откидывает голову мне на плечо, нежно веду по руке, вызывая табун мурашек. Мне нравится как ее тело реагирует на меня.

— Моооот, — она поворачивает голову в мою сторону, — А у нас целых два дня. Чем будем заниматься?

— Ну как тебе сказать, — усмехаюсь, — Есть пара приятных занятий.

— Например? — закусывает свою пухлую губу.

— Например, такое, — спускаю вверх платья вниз, захватывая пальцами плотную горошину. Сосок твердеет под ласками.

— Подожди, я хочу в душ. И тут кое-что купила... — она заговорщически шепчет, освобождаясь из моих рук.

Кокетливо смеется, убегая в ванную. Провожая взглядом и приступаю разбирать вещи. Настраиваю комфортную температуру в домике, проверяю все ли на месте: постельное белье, посуда.

Не замечаю, как Машка заканчивает мыться и выходит. Шлепает босыми ногами по

паркету, невероятно красивая. Розовый пеньюар облегает стройное тело, выглядит настолько сексуально, что я даже на секунду теряю дар речи.

— Как тебе? — крутится вокруг своей оси, — Купила сегодня.

Тут же ревность зажигается внутри.

— Для кого купила то? — притягиваю за руку к себе, впечатывая в тело.

— Для себя, Мот.

— Точно? — прищуриваюсь.

— Ревнуешь? — улыбается робко.

— Пиздец как.

— Точно, — выдыхает, закидывая руки на плечи, — Что у тебя с Ликой?

Бля. Я знал, что нужно будет дать ей ответы на эти вопросы. Но не так сразу. Я просто не готов ей сказать, она ж не поймет. Вспылит.

— Уже ночь, давай завтра поговорим. А сейчас я снова тебя хочу, — возможно, я поступаю неправильно. Даже эгоистично. Но как есть.

Качает головой, но сдается. Подхватываю ее под попу, унося на большую кровать. Буду любить ее всю оставшуюся ночь. Мне критически мало этой девочки.

Просыпаюсь счастливой и удовлетворенной, Матвея рядом нет. За окном приятно светит солнце, падая на ели. Вытягиваюсь на кровати, блаженно улыбаюсь. Эх, хотелось бы утреннего поцелуя, поваляться вместе, потискаться. Но видимо у Мота другие планы. Задумываюсь о своем маленьком счастье, вспоминая как губы Матвея и язык вытворили снова неведомые вещи с моей киской, и не замечаю силуэт в проеме.

— Доброе утро! — хрипит Мот.

Он выглядит очень сексуально, в боксерах и с голым торсом. Рассматриваю накаченные волосатые ноги, обращаю внимание на татуировку в районе икр. Ранее не замечала, как-то было не до этого.

— Кофе в постель? — изгибаю бровь, забирая из его рук чашку с ароматным напитком, — Фи, какая пошлость.

— Понял, — смеется, — Больше романтики не будет.

— Ну эй, я же пошутила! Хочу романтики, — вытягиваю губы трубочкой, и он тут же чмокает меня. Как довольная кошка одной рукой хватаю его за шею и поваливаю на кровать.

Тут же сажусь к нему на бедра, все еще держа кофе в руке.

— Так, сейчас проверим какой из тебя бариста, — делаю глоток, — Ну, в целом неплохо.

— Да? — внимательно смотрит.

— Угу, — елжу по бедрам.

Глаза Мота тут же темнеют, он сильнее стискивает белую кожу на бедрах, оставляя отметины.

— Трахнул бы, но у нас другие планы, так что собирайся, — кусает за сосок, и ловко маневрируя, забирает из рук чашку, опрокидывая меня на кровать спиной. Нависает сверху, пожирая взглядом. Я завожусь с полоборота.

— Уверен? — облизываю пульсирующую венку на его шее.

— Нет, — хрипит, — Но подожди до вечера. Я там кое-что придумал.

Киваю, сглатывая, глажу по затылку. Черт, я просто по уши влюбилась. И мне хочется кричать во весь голос о своих чувствах. Но сдерживаюсь. Всему свое время, тем более я уже раз призналась. И не знаю, что чувствуют Мот ко мне. Да, он хочет меня и я ему нравлюсь. Но дальше что?..

Мы завтракаем на террасе вкусными бельгийскими вафлями с творожным сыром и семгой слабого посола. Я все время рассматриваю Мота, не веря, что он рядом. Сидит, такой расслабленный, закинув ногу на ногу. Что-то рассказывает про турбазу, про развлечения тут, а я как влюбленная дурочка слушаю его голос. Сомнений нет, он тот самый, о котором я мечтала. Тут же фантазирую о свадьбе, детях, что купим французского бульдога. Черт...

— Маш, ты меня слушаешь?

— Да, — выдыхаю.

— И что я сейчас сказал? — усмехается.

— Что-то приятное, — хихикаю.

Матвей запрокидывает голову назад, заливается раскатистым смехом. Немного смущаюсь, щеки краснеют. Может не стоит так открыто растекаться перед ним.

— Расскажи мне о себе, Мот, — прошу, кладя свою ладонь на его руку, играясь с

темными волосками, — Пожалуйста.

— Задавай вопросы, так проще будет. Не люблю рассказывать.

— Хорошо, — киваю, — Расскажи о родителях, есть ли братья, сестры?

— Отца нет, он умер от инфаркта еще до моего появления, воспитывала мать. Я у нее один.

— Мама в городе живет?

— Неа, я не здешний. Сибиряк, — всматривается вдаль. Ему и правда не очень нравится говорить о себе, но нам нужно узнать друга друга получше.

— Как здесь оказался?

— По службе перевели. Что насчет тебя?

Пожимаю плечами.

— Родители в соседнем городе, отец главврач, мать бизнесвумен. У нее цветочный бизнес.

— Ого, вот это рыбка мне попалась деловая, — присвистывает, — Я простой, Машка.

— А мне другой и не нужен. И не такой уж ты и простой, — хочу добавить, что самый лучший, — Ты людям помогаешь. Я была восхищена работой отряда.

— Да, сам кайфую. Хоть и тяжело бывает. Но всяко лучше службы, — я чувствую в его голосе, что тема для него неприятная. Явно он не просто так в отставке, но делиться не торопится.

— Ты возьмешь меня еще с собой на поиски? — переплетаю наши пальцы.

— Нет, — резко возражает, сжимая ладонь, — Ты непослушная.

— Я буду очень послушной, если что, отшлепаешь меня, — подмигиваю.

— Нет, Маш, без разговоров. Но отшлепать, — делает паузу, — Хорошая идея.

Немного суплюсь, но не спорю. Подниму этот вопрос попозже еще раз. Никогда бы не подумала, что мне так понравится. Даже не смотря на то, что я потерялась в холодном незнакомом лесу.

— У тебя что-то случилось на службе? — после нескольких минут молчания задаю вопрос.

Лицо Мота кривится, он обдумывает, говорить или нет.

— Избил одного человека. Непростого.

Ахаю, прикрывая рот. Уверена, что Матвей просто так бить не стал бы, значит было за что.

— Маш, давай закроем тему. Я расскажу обязательно, но позже.

— Конечно, — вскакиваю на ноги, подбегаю к нему. Обнимаю крепко, он прижимает к себе. Целую в макушку, вдыхая любимый запах.

— Так что там ты для нас приготовил?

— Подумал, что стоит расслабиться. Ты плавать умеешь?

— Умею.

— Тогда у нас сегодня полный расслабон в бассейне. А потом я приготовлю лучший шашлык, который ты когда-либо ела.

— Правда? — действительно идеальный день намечается.

— Правда, — целует ладонь, рассматривая тонкие пальчики, — Мне нравится, что у тебя бесцветный лак. Очень мило смотрится.

Я же лектор, нам яркие цвета носить не желательно. И мне приятно, что ему нравится некая простота.

— Мот, у меня же нет купальника!

— А вот тут самая интересная часть нашего времяпровождения, — он смотрит исподлобья таким взглядом, что коленки начинают трястись, — Мы будем совсем голые.

— Как так? А другие люди? — ошарашенно открываю рот.

— Только ты и я, Маша. Ты и я.

Целует крепко, лаская рот. Ну все, я пропала.

Могла ли я подумать еще месяц назад, что какой-то раздражающий шум за стенкой перевернет всю мою жизнь? Что я все-таки осмелюсь постучаться в дверь к соседу, высказать ему все, что я думаю, а потом случайно... Влюбиться.

Анализируя сейчас случившееся, я понимаю, что влюбилась в него почти с первого взгляда. Испугалась, конечно, своих чувств. Но поплыла. Еще когда краску с щеки стер, без разрешения коснувшись меня. А сейчас, в его руках, в его объятиях ощущаю себя в самом правильном месте из всех возможных.

Мот растирает по моей коже стекающие капли воды, мы лежим на лежаках, под закрытым куполом, я на животе, а он на спине. Меня абсолютно не смущает его нагота, даже наоборот. Любуюсь им. Красивый нереально. Он нежно гладит мою ягодицу, позволяя своим рукам ненароком касаться укромных мест, каждый раз, когда подушечки пальцев доходят до половых губ, я закусываю губу.

— Что обозначает твое тату? — выпаливаю на выдохе, когда Мот снова делает круговое движение пальцами.

— Отказ от прошлого, — опускает средний палец глубже, растирая влагу.

— И что там изображено? — сжимаю пальчики на ногах. Возбуждение захватывает все тело.

— Паук, выбирающийся из паутины. Паутина — это мое прошлое, а я — паук.

— Символично, — стону, когда он начинает двигать одним пальцем внутри, — Мот, прекрати.

— Почему? — улыбается как хитрый лис.

— Я хочу поболтать, а ты все мысли путаешь своими... — прикрываю глаза от наслаждения, — Своими движениями.

— Ты еще не наговорила? Я вот постоянно тебя хочу! Член стоит только от мыслей о твоей пульсирующей киске.

Резко хватаю его руку за запястье и останавливаю движения. Мот вопросительно изгибает бровь.

— Мне тоже мало нас. Но я хочу трахаться не только с красивым мужиком, а еще с человеком, личностью!

Матвей цокает, закатывая глаза.

— Вы посмотрите какие мы важные, — улыбается, — Ладно, иди ко мне. Поболтаем.

Стучит по своему колену ладонью, подзывая к себе. Я встаю с шезлонга, оборачивая вокруг тела полотенце, второе полотенце кидаю ему на пах, прикрывая внушительное хозяйство.

— Эй, не понял, — Мот возмущается.

— Это, чтобы не было соблазна присунуть во время беседы, — грожу ему пальцем.

Он снова в ахере смотрит на меня, заливаясь смехом. Мне нравится, что он стал больше смеяться рядом со мной. Мне приятно, что ему весело.

Опускаюсь на Мота, ложась головой ему на грудь. Он нежно приобнимает, целуя в мокрую макушку.

— У тебя так сердце быстро бьется, — шепчу, слушая ритм.

— Это рядом с тобой так, рыжик! — Мот перебирает мои волосы, раскладывая мокрые

пряди по спине.

— Я нужна тебе?

— Очень сильно.

— А Ли́ка? — кладу подбородок на волосатую грудь, пристально всматриваясь в его глаза. Он продолжает играть с рыжими прядями, внимательно изучая мое лицо.

— Нет, — качает головой.

— Тогда я ничего не понимаю. Почему ты был с ней?

— Я, скажем так, ей должен. Вернее ее отцу, — Мот медленно поглаживает мой позвоночник, Вверх, вниз. Вниз, вверх.

— Это как-то связано с тем, что ты избил человека? — сглатываю ком в горле. Все намного серьезнее, чем я могла себе предположить.

Мот устало трет переносицу, молчит какое-то время. Я глажу его грудь, попутно целуя короткие волоски там, где бьется его сердце. Мне хочетсялизать каждую его рану и шрам, я же вижу их количество на его теле. Никогда не решалась спросить, откуда они. Ведь такие увечья остались явно не от лучшей жизни, но заваливать Мота потоком эмоций и вопросов — неправильно. Он очень закрытый мужчина, и то, что мы уже так откровенничаем — большой успех. Он мне открывается, потому что я ему важна. И он понимает, мне это важно. И я это ценю.

— Давай я тебе кое-что расскажу, — он приподнимается на локтях, все еще держа меня в объятиях. Я внимательно его слушаю.

— Ты знакома с Лизой. Она не просто мой друг, она мне как сестра. Ее муж, Ден, был моим самым лучшим другом. Мы дружили еще со времен армейки, считай не разлей вода. Я всегда был более серьезным, а он такой весельчак, балагур, но к работе ответственно подходил.

Мот делает паузу, видно, что ему очень больно все вспоминать. Я не тороплю.

— Так вот, нас отправили в Сирию по контракту. Там у нас была операция, я в подробности окунаться не буду, просто нужно было предотвратить очередной теракт. И наш главный, сука, — Мот выплевывает со злостью, — Он дал неправильные координаты. Я хуй его знает, как так вышло. Это просто грубейшая ошибка!

Я вижу как свирепеют его глаза, он сжимает кулаки, ударяя пару раз правой рукой по лежку. Я хочу как-то его успокоить, но боюсь сделать что-то не так, поэтому аккуратно, почти незаметно, целую его в плечо.

— Ден просто шел первый, подорвался на mine сразу. И минуты не прошло, — зажмуривается, — А знаешь в чем прикол? Я должен был идти первым. Я!!!

Он почти рычит от злости.

— Я потерял друга из-за ошибки и невнимательности какого-то гондона. Я не мог не отомстить за Дена. Ну и конечно на меня повесили статью — нанесение особо тяжких телесных повреждений. Он в коме короче до сих пор.

— И я так понимаю, отец Ли́ки помог тебе? — мне дурно. Не от того, что Мот совершил такой поступок, а потому что у него видимо не было другого выхода, и он потерял друга. Не знаю, как я бы поступила на его месте, случись такое с Ксю.

— Не представляю, что ты чувствовал в тот момент.

— Боль, маленькая. Страшную удушающую боль.

Я крепко обнимаю Мота, прижимаясь. Он в ответ еще крепче сжимает меня. Если бы я могла забрать хоть чуточку его боли себе...

— Что хочет отец Лики взамен?

— Ему от меня ничего не нужно. А вот Лике нужен я, — усмехается, — Просто знай, я ее не люблю. И у нас не было секса после нашей с тобой близости.

Я верю ему. Раз он говорит, значит так оно и есть.

— И как же нам быть, Мот? Что же делать теперь?

— Я решу вопрос, Маш. Просто будь рядом и не накручивай себя по ерунде. Лады?

— Хорошо, — смахиваю непрошеную слезу, — Мот, я кажется люблю тебя!

Мое "кажется" — это не сомнения внутри меня. Я точно люблю. Просто оно сглаживает такое нелепое признание в любви к человеку, который ни разу не сказал мне о своих чувствах. Но я готова ждать.

— Не уходи от меня, поняла? — глубоко целует, — И никого не слушай.

Улыбаюсь кротко, активно кивая головой. Если мой мужчина просит довериться ему, я готова.

— И еще, Маш, — он поднимает мое лицо ладонями, — Я бы сел, если бы не Лиза. Она осталась одна с маленьким сыном, я не мог оставить ее без поддержки после всего. Только поэтому я пошел на сделку с отцом Лики, из колонии я бы особо не помог ей с малышом.

Какой же он у меня все-таки замечательный.

— Ты — мой герой!

Не зря я его нарисовала для выставки. Мот — идеальный прототип.

— Ну что? Еще один заплыв и шашлык? — меняет тему на более позитивную.

— Да! — вскакиваю с него, срываю с нас полотенца и ныряю в бассейн.

Нам обоим стоит расслабиться. Впереди еще страстный вечер... Как и все наши вечера вместе. Пусть так будет всегда.

— Боже, Мот, как же это вкусно, — я смакую уже пятый кусочек сочнейшего шашлыка и не могу остановиться, — Теперь я буду всегда хотеть твой шашлык.

— Я рад, маленькая, что тебе понравилось, — Мот наполняет мой бокал красным сухим вином, но пью я неохотно. Мне хочется быть максимально трезвой, чтобы запомнить каждый момент нашего пребывания вместе.

Мы расположились в арендованной беседке рядом с купелью, несмотря на осеннюю прохладу, мне очень жарко. То ли это он мангала исходит жар, то ли просто мое тело полыхает. Внутри невероятно хорошо, тело расслабленно. Мот услужливо принес плед, накрыв мои ноги, и дал свою флисовую куртку, чтобы я не мерзла. Вообще он очень заботливый, старается скрыть эту свою сторону личности, но в мелочах она ярко прослеживается. Например, когда он заботливо поправляет мои волосы, которые лезут на лицо, или постоянно интересуется мягко ли мне сидеть в кресле. Может уточнить не проголодалась я, нравится ли мне тут. И весь такой холодный и закрытый мужчина оказывается просто переживает, чтобы мне все понравилось. А я кайфую. Если бы мы были в лесу в палатках, было бы одинаково хорошо — мне главное, чтобы рядом с ним.

— Так, ну делись рецептом. Это что-то невероятное, честное слово, — закатываю глаза от наслаждения, — Мясо нежнейшее.

Матвей тихо смеется, наблюдая за мной. Его рука покоится на моем колене, непринужденно поглаживая. Атмосфера настолько романтическая, что хочется плакать от радости. У меня же не было никогда такого.

— Все просто, я беру свиную шею, мариную ее просто в луке и специях, по возможности ночь, а вот за полчаса до жарки — добавляю мелко порезанный киви. Только не очень много, а то мясо в труху превратится.

— Ого, киви, серьезно? — удивленно выпучиваю глаза, — Я даже не чувствую его вкус.

— Да, кислота от киви хорошо размягчает мясо, поэтому оно такое мягкое. Мы с пацанами часто готовили шашлык раньше, особенно, когда возвращались со службы, — Мот привстает и достает из углей картошку, приоткрывает фольгу, проверяя на готовность.

— Это здорово. Я люблю природу и вот такую атмосферу, — забираю из рук Мота картошечку, — Но у меня никогда не было компании для таких поездок.

— Теперь у тебя есть я, — заглядывает в глаза, — И мне нравится как ты нахваливаешь мою еду.

— Да, у меня есть ты, — блеском моих глаз можно осветить всю округу, — Просто ты и правда замечательный.

Опускаю голову, немного смущаясь. Мот видел меня в разных позах, в разных ракурсах. И мне было комфортно. А вот обнажать свою душу — тяжелее. Я знаю, что Мот не обидит. Но опыт прошлых лет все равно дает о себе знать, я во многом осторожничаю. Хотя и делаю первые шаги.

— Маш, ты ахеренная девочка. Мне с тобой очень хорошо, — он сжимает мою руку, поглаживая костяшки пальцев своим большим пальцем, — Я обязательно решу все вопросы.

— Я просто хочу понимать, что мы имеем место быть? И что это не просто развлечение. Ведь я больше так не воспринимаю нас.

— Маш, это точно не просто развлечение. Черт, да я не ни одну женщину не кормил с

рук, — Мот качает головой, улыбаясь уголками губ, — И ни одной женщине так много не лизал.

От его слов лицо вспыхивает алыми оттенками. Бью его по ладони, прося не смущать меня так.

— А я думала, почему Лика так меня возненавидела в первый день. Просто она делила тебя со мной, а я ведь ни с кем тебя не делила, Мот. И готова была отпустить в тот момент, когда ты попросишь, — вспоминать тот ужасный день в больнице невыносимо тяжело, — Именно поэтому я тебя не остановила. Не имела право что ли.

— Я слышал как ты рыдала. И я хотел вернуться, Маш, очень хотел. Но на тот момент не понимал, что делать дальше. Струсил.

— Почему изменил свое решение?

— Когда увидел тебя в том черном платье, руки другого мужика на твоём теле. Мне захотелось все крушить вокруг, и такое было со мной впервые, — он прикусывает нижнюю губу, задумываясь, — Внутри все трепетало от мысли, что ты моя. И никто тебя не должен трогать. Вот такой я эгоист, Маш.

— Я и правда твоя, Мот, — я не сожалею об этом. И хоть я довольно свободолюбивая личность, мне хочется быть его девочкой. Быть под его защитой и опорой.

— Маленькая, — Мот шепчет на ухо, прижимая к себе. Берет мои укутанные ноги и перекладывает к себе на колени, залезая под плед и разминая пальчики на ногах своими теплыми большими ладонями.

— Есть еще кое-что, что ты должна знать, Маш. И я, черт возьми, вообще не понимаю, как тебе это рассказать. У меня перед глазами картина, как ты уходишь, и мне стремно.

— Лучше я узнаю от тебя, чем поползут слухи, — беру его за руку, переплетая наши пальцы, — И я не уверена, что смогу от тебя сама уйти уже. Мне слишком хорошо.

Пытаюсь отшутиться, видя как спина Мота напрягается. Видимо ему и правда тяжело говорить. И я даже боюсь представить, что он скажет. Что еще может быть больнее, чем отсутствие Матвея в моей жизни? Ничего.

— Маш, я с Ликой знаком давно. Она всегда была в меня влюблена, а я любил только работу. Она была моей главной женщиной, ну и мать еще. И я всегда от Лики отрекся, не давал даже повода подумать, что между нами что-то может быть. Но однажды я надрался как черт, отмечали с мужиками день рождения одного из товарищей, и она пришла туда. А я ж только вернулся домой после полугода отсутствия. Женщины у меня все это время не было. А тут она, предлагающая себя, — замолкает на секунду, — Короче переспали мы. И таким образом я дал ей зеленый свет, сам того не осознавая. И вот, у нее появился отличный повод взять меня в свои сети.

— Я ее даже немного понимаю, Мот. Но так бы не смогла, гордость не позволила бы.

— Ты другая, Маш, — качает головой, — Ты смелая, открытая, знающая себе цену. Я даже в какой-то момент подумал, что не потяну тебя. Слишком своенравная. Но отказаться уже не смог.

— А ты мне сначала показался хамом каким-то, еще и слишком самоуверенным.

— Я такой и есть, Маш. Еще тот говнюк.

— Нет, я вижу и чувствую другого Мота, — тянусь к нему за поцелуем. Он тут же захватывает мои губы в плен.

— Маш, это не все, что ты должна знать. Условие отца Лики — не просто быть с ней, — Мот начинает тяжело дышать, потирая свою затылок, — Черт, как же сложно то.

Я еле дышу, затаившись. Понятия не имею, что он скажет, но мне это точно не понравится. Я уже чувствую.

— Маш, у нас свадьба с Ликой через месяц.

Я уже ничего не слышу, сердце гулко стучит, разгоняя кровь по венам. Пульс учащается до предела, зрачки расширяются. Я в ужасе, я в панике. И мне хочется кричать. Так кричать, чтобы вся боль, что поселилась в моем сердце — вылетела пулей оттуда.

Представим, что сердце это резиновый шарик, который нужно надуть и подарить кому-то. И вот ты в магазине, перед тобой огромный ассортимент различных шаров: разноцветные, однотонные, с рисунками, надписями, в полосочку, горошек, с мультяшками. Ты выбираешь красивый шарик, просишь, чтобы его наполнили газом, повязали ленточку. Идешь по улице, размахивая этим невероятно красивым шаром, ты хочешь и готова его подарить самому любимому человеку. Ты уверена, что он ему понравится, ведь ты так тщательно выбирала, так аккуратно несла, оберегая как самое дорогое, что у тебя есть. Взбегаешь по лестнице на нужный этаж, звонишь в нужную дверь. Тебе открывают, стоишь и улыбаешься, абсолютно открыто протягиваешь этот шарик, даже не подозревая о плохом.

Бах!

Шарик лопается. А что произошло? Ты стоишь и смотришь на красочное резиновое пятно с дыркой. И слезы непроизвольно скатываются вниз, обидно же. Зачем лопнул? Я же от чистого сердца, так хотела поделиться. Ну ладно, пойду вернусь в магазин и куплю новый шарик. Только вот на полках больше такого шарика нет, он был единственный. И оберегала ты его для единственного.

Как тяжело осознавать, что этот шарик — мое сердце. И оно в единственном неповторимом экземпляре. Глупое сердце выбрало не того мужчину, доверилось не тому. И сейчас я понятия не имею, как собрать его обратно, когда осколки разбежались по венам маленькими фрагментами.

— Мащ, — Мот тихо зовет меня. А я молчу. Неужели нужно что-то говорить? Например, как-то нелепо отшутиться. Или закричать? Ударить! Да не, тоже не вариант.

Гадко на душе! Так гадко, словно я шла в своем красивом белом платье навстречу лучшей жизни, а мимо проезжающая машина, наплевав на всех вокруг, просто окатила меня с ног до головы грязной, серой, вонючей водой из лужи. И больше белое платье не такое красивое. И больше сказка, в которую я верила — не сказка.

Так ломаются девичьи мечты? Могли бы и предупредить, что будет больно. Я бы надела бронежилет, а сердце упаковала в панцирь. Надежный такой, из толстого слоя хитина. Или вообще как ежик выпустила сотни иголок. Да что-нибудь уж точно придумала, но не оставляла оголенным. И открытым.

Сглатываю твердый комок в горле, он еще и горький. Это привкус горелой картошки или моей жизни? А может комбо. Говорить нет сил, горло спазмирует, руки дрожат. Матвей пытается до меня достучаться, как-то привести в чувство. Сижу, больше не следя за осанкой, плед сползает вниз, оголяя босые ступни. Поднимается ветер, но дела до него нет. Он только слезы мои иссушает на щеках. Смотрю ровно перед собой, пролистывая свою жизнь как фотоальбом.

Вот здесь я маленькая у папы на руках, мы стоим напротив какой-то древнегреческой скульптуры, это первый раз, когда мы поехали за границу. Это была Греция, остров Родос. Папа сочинил сказку, что если я буду плохо себя вести — меня заберет страшный колдун, который превращает непослушных детей в фарфоровых кукол. Сейчас я не прочь стать той самой куклой. Неживой и бесчувственной.

О! Тут мне десять, я приехала к бабушке в деревню, и меня пытались прокатить на свинье. Она визжала и брыкалась, скидывая меня. Взрослые смеялись, а мне было жалко

животное. А сегодня я ела вкусный шашлык. Может за это карма прилетела?

А здесь мне семнадцать, выпускной. Ксю с Никитой целуются, а я тихо завидую в углу. Ни один мальчик меня не зовет на танец. А когда объявили белый танец — я струсила. Нафиг надо еще этих дурацких тупых мальчишек звать куда-то. Пф.

А очень хотелось... Руки на талии, поцелуй в губы, первое признание в любви. Очень!

Тут мне двадцать семь, за спиной неудавшиеся романы. Странные ухажеры, глупые мужчины. А я все еще верю в ту самую большую любовь. Красивую, яркую. С фейверками и фанфарами. И тут я встречаю Его. Красивый, умный, сильный, уверенный в себе. Хочет меня. А я его.

Неужели он тот самый? Конечно, да. Десять минут назад он несомненно был тем самым, глупой розовой мечтой. Я же его так долго ждала.

Но у судьбы свои планы. Увы и ах. Меня не спросили.

— Знаешь, не думала, что будет так больно, — усмехаюсь, слизывая соль от слез с губ, — Что-то екало-екало. И перестало.

— Маленькая, я... — Мот замолкает. И правда, что еще тут можно сказать.

— Ты, что? — закусываю щеку изнутри, на грани, чтобы разрыдаться. Белугой. С воплями, соплями и всеми вытекающими, — Например, ты отменишь свадьбу и мы будем жить долго и счастливо? Только я тебя сначала дождусь из колонии.

— Маш!

— Не-не, погоди, а может ты женишься на Лике. А мы с тобой втихаря будем по углам зажиматься. Или даже иногда для экстрима на вашем супружеском ложе, — прыскаю со смеху. Истерика подбирается, — Точно! Давай по понедельникам и средам у тебя, то есть у вас с Ликой. А в выходные ты ко мне приходи. Хорошо?

— Мария! Прекрати.

— Зачем? По-моему весело. Сейчас план накидаем и расписание, — начинаю шарить по карманам, разводя руки в сторону, — Ой, блокнота и ручки с собой нет. Какая жалость. Ну давай так накидаем, я обязательно запомню.

— Приди в себя, — Мот встряхивает меня как тряпичную куклу, — Что ты несешь?

— Как что? Подстраиваю нашу жизнь под новые обстоятельства.

Матвей тяжело выдыхает, со свитом. Отворачивает голову в сторону, зажмуривая глаза. Так сильно, что на веках появляются маленькие складочки и морщинки. Он продолжает держать меня за плечи, и кажется, его хват становится сильнее. Вот-вот, и кости захрустят. Ну вот как раз к разбитому сердцу в придачу пойдут сломанные косточки.

— Я же сказал, что решу этот вопрос. Почему нельзя просто принять это и успокоится? — рычит сквозь зубы. Кажется моя тирада ему не понравилась. Как жаль, я ведь старалась найти компромисс. Психологи учат находить в таких ситуациях именно его.

— Решешь что? Отменишь свою свадьбу?

— Я что-нибудь придумаю! — рывкает.

— Мот, — тяну его имя, усмехаясь внутри. Он не собирается отменять эту чертову свадьбу, — Так ты отменишь свадьбу?

— Маш, — закидывает голову назад, наконец отпуская мои плечи, прячет руки в карманах, — Я же сказал, что решу вопрос. Что непонятного?

— Матвей! — срываюсь, — Отменишь? Да или нет?

— Маш.

— Хуяш! — кричу, — Пошел к черту!

Хватаю плед и кидаю в него, мне срочно нужно выпустить весь гнев. Пинаю со всей дури ножку мангала, тот со звоном падает на бетонный выступ. Матвей пытается поймать меня за руку, но буря внутри меня только разрастается.

— Не трогай меня! Не смей! — бью по лицу. Получай мои ногти с бесцветным лаком себе в лицо.

— Успокойся немедленно! — Матвею таки удается перехватить меня. Он закидывает мое брыкающееся тело к себе на плечо, и как медведь несет к себе в берлогу. Заносит меня в домик, залетает в спальню и кидает на кровать. Отпружиниваю от матраса, тут же вскакивая на ноги. Порываюсь выбежать, но он преграждает путь. Как скала нависает.

— Если ты сейчас не выпустишь меня, я буду кричать! Очень громко!

— Кричи.

— Матвей. Ты не имеешь права меня здесь держать. Отойди, — бью по стальной груди. Но ему все-равно, даже глазом не моргает.

— Почему нельзя просто послушать меня и успокоиться? — смотрит так пронзительно, что аж выворачивает изнутри.

— Да я наслушалась уже.

— Маш, прекрати эту истерику. Я понимаю, что информация неприятная, но соберись. Прошу тебя.

— Неприятная? — заливаюсь хохотом, — Ну да, Мот, чет совсем информация не очень.

Сарказм так и прет.

— Не паясничай.

— А то что? — кидаю с вызовом.

— А то затрахаю так, что имя свое забудешь. Не выводи меня на эмоции, Мария.

— Bravo! — хлопаю в ладоши, — Как же ловко ты придумал. Так теперь я виновата, да?

— Пиздец, как же вы бабы любите все переворачивать. Я где такое сказал?

— Ты намекнул! — тычу в него пальцем.

— Ебануться.

Оба молчим, только тяжело дышим и смотрим друг на друга исподлобья. Вижу как раздуваются крылья его носа. Все еще красивый. Очень. Но гад больно сделал так, что до сих пор сердце каменное. Застыло. Не бьется.

— Давай перестанем ссориться, прошу. Мы все обсудим, — первый идет на перемирие.

А я вот не хочу. Ничего. Он же когда все эти сладкие слова мне говорил, все эти нежности шептал, он же знал, что у него свадьба. Он же не остановил себя, зная, что причинит мне адскую боль. Он же пришел ко мне, взял меня, будучи несвободным. И плевала я там, любит он ее или нет. У них свадьба. А я не собираюсь подбирать за другой женщиной. Люблю ли я? Капец как. Дура, влюбилась. Башню снесло, потерялась. Про все забыла, все бросила. Только бы с ним, поближе к нему.

А он все это время к свадьбе готовился... С другой.

— Матвей, если я хоть что-то значу для тебя. И если все твои слова были правдой — отпусти меня, делить тебя с другой я не буду.

Ну вот, я плачу. Только очень тихо, беззвучно. Слезы сердце обмывают, а на лице тень.

— Не могу, — качает головой, — Куда я тебя отпущу?

Он подходит ближе и аккуратно касается талии, сжимая в объятиях. Сопротивляться нет сил, но я не обнимаю в ответ, руки просто болтаются вдоль туловища.

— Ты же моя, Маш, — целует в макушку, — Моя сладкая рыжая девчонка.

— Мот, — заглядываю ему в глаза, поднимая голову вверх, — Отпусти.

Качает головой.

— Пожалуйста...

— Маленькая, нет, ты сгоряча сейчас это говоришь. Давай переждем ночь, завтра утром все обсудим. Не руби с плеча.

Он так ничего и не понял. Нет никакого завтра.

— Ладно, — соглашаюсь, уже зная, что как только он закроет глаза и уснет. Я уйду.

Вот и все. Теперь уже точно все.

— Маша, я знаю, что ты там! Открой дверь, — не знаю, сколько по времени длится эта пытка. Но я хочу, чтобы она скорее закончилась. Матвей пытается достучаться уже минут сорок, и я из последних сил держусь, чтобы не открыть ему эту чертову дверь.

Будет только хуже. Если уж ставить точку, то окончательно. А рвет то как на куски, даже дышать не могу. Сажу на полу, облокотившись об нее, слышу его удары, звонкую трель от дверного звонка, и все как в фильме. Только я мечтала о сказке по типу "Золушка", а вышла самая что ни на есть драма. Со всеми ее прелестями.

Слез не осталось, только боль. Давящая грудную клетку, сводящая с ума, сжимающая в тиски. А еще в голове постоянно прокручиваются наши с ним моменты. И я как собственный палач с упоением их смакую, гоняя по кругу.

— Ну, маленькая, что же ты делаешь? Нельзя так. Открой дверь.

А как можно? Скажи мне!

— Мащ, я все исправлю. Решу. Тошно мне, слышишь? Открой! — снова удар.

И мне тошно. Так тошно, что хочется выть. Чем я и занимаюсь.

На какое-то время за дверью стихает, и я не верю, что все. Неужели ушел? Да быть не может.

Поднимаюсь на негнущихся ногах и заглядываю в глазок. Тут. Матвей ходит кругами по лестничной клетке, закинув голову назад. Разминает шею, спину. Его тоже ломает, как и меня. Мы по уши застряли в дерьме. И в друг друге. Кто-то из нас должен быть умнее и прекратить этот порочный круг. Пускай уже это буду я.

Мот снова подходит к двери, одной рукой прислоняется к стене, звонит. Еще, еще и еще раз.

Отхожу все дальше от него, вглубь квартиры, чтобы не было соблазна открыть. Слышу его крик, зовет меня. Отвлекаюсь на вибрирующий телефон на тумбе. Специально отключила звук, чтобы дома была полная тишина. Сотни пропущенных от Мота, еще сотня таких же сообщений. И я ни одно не прочитала. Страшно мне.

На дисплее высвечивается "Мама", черт, если не возьму трубку, будет куча вопросов. А если возьму, тоже начнутся. Короче, без вариантов.

— Да, — голос бесцветный. Словно в нем нет жизни.

— Дочка, привет, — она щебечет, у нее все хорошо, — Ты не забыла про папин юбилей? Мы все ждем тебя, — делает паузу, — Вас!

— Мам, я буду одна, — ха! Когда врала матери, что буду не одна, ведь реально Мота на эту роль не рассматривала. А сейчас то жених есть, только не мой. Ликин.

— Ну Маша, — укоризненный тон, — Как так? Я уже тете Свете все уши прожужжала. Она даже не поверила. А что я людям то скажу?

— Мам, — глушу рыдания, — А так важно, что скажут люди? Да?

— Конечно, что за глупости? И так все спрашивают, почему ты до сих пор не замужем. Мол может характер у тебя не сахар.

Смеюсь. Ну вот полный писец же! Людям так скучно живется, что нужно залезть в чужую жизнь.

— Мам, мы расстались. Так и скажи своим подружкам, тетям и всем тем, кому не плевать на мою личную жизнь, — ограбьюсь. Хочу сбросить вызов, но сдерживаю себя.

Потом будет еще хуже.

— Надо же. Бросил тебя? Не выдержал?

Бам! Прямой выстрел в сердце. Вариант, что ушла я — не рассматривается. Ведь только я могу быть проблемной, только меня могут бросить, только от меня уходят.

— Нет, мам. Я ушла сама! — жду хоть каплю поддержки. Ну, давай, ты же мать! Скажи ласковое слово, погладь, приложи к груди.

— Ну и глупость сделала. Мужика и так тяжело найти, а ты разбрасываешься, — бесполезно, нет смысла ждать понимания, — Ладно, Мария, побежала я. Нужно еще придумать, что всем сказать. Ждем тебя.

Вот и все. Нужно придумать, что всем сказать... Все — важнее собственной дочери. Кидаю телефон на кровать, падаю на колени, закрывая уши руками. Он прекратит ломиться или нет?

Я хочу покоя и тишины! Дайте мне воздуха. Мне, черт возьми, адски, невыносимо больно!

Наконец этот шум смолкает. Я лежу на полу, свернувшись калачиком. Слезы стекают на пушистый белый ковер, хотя он уже не так и пушистый. Больше похож на мокрую собаку. Может кстати собаку завести, чтобы не так одиноко было?

Снова вибрация телефона. Я знаю, что это он. Потому что за последние сутки только от него и поступают звонки. Кроме того "поддерживающего" материнского звонка. И я как маньячка каждый раз смотрю на мигающий экран, на его имя на дисплее. И фотку. Это мы в кровати, счастливые. Сфотографировала с утра, пока Мот спал, и поставила на обои. Чтобы любоваться нами. А теперь это фото — триггер.

Звонок с незнакомого номера. Может Матвей взял чей-то телефон? А вдруг что-то случилось? Черт, нет, надо взять. Не могу я себя изводить догадками.

— Алло, слушаю.

— Ионова Мария? — женский звонкий голос.

— Да, а вы кто?

— Меня зовут Юлия, позывной Юла. Вы оставляли заявку на вступление в добровольческий поисковой отряд. Все верно?

Я аж бодрюсь, присаживаясь поудобнее. Отвечаю ей утвердительно.

— Отлично! У нас не хватает людей, срочно нужна помощь. Вы сможете подъехать и помочь в поисках?

Это именно то, что нужно сейчас. Поможет отвлечься. И я обо всем забуду, хоть на время.

— Конечно! Только я без подготовки.

— Ничего страшного, мы вас присоединим к опытному координатору. Время утекает, а результатов нет. Поможете?

— Да! — решительно отвечаю, — Пришлите адрес смской. Я выезжаю.

Юла благодарит меня, а я бегу одеваться. Какое же спасение этот звонок, надеюсь я тоже смогу сегодня помочь. У меня будет еще один шанс попытаться спасти найти человека.

Выбегаю из дома, быстро сажусь в свою ласточку, в боковое зеркало вижу, как из подъезда, запыхавшись, вылетает Мот. Он бежит в мою сторону.

Нет, нет, нет.

Заводись же! Давай!

— Маша, стой! — он почти у цели.

И наконец любимая машинка заводится, я даже не смотрю на Матвея, тут же нажимаю на газ и срываюсь с места. Подальше отсюда.

Большая группа людей. Нет, не так. Очень большая группа людей стоит у входа в центральный парк. В два раза больше, чем была тогда в лесу. Из отряда Матвея никого нет. Слава богу!

— Привет, мне нужна Юла, — обращаюсь к какому-то парню.

— Вот там, — указывает на миниатюрную блондинку. В ней от силы роста метр пятьдесят.

— Добрый день! Вы мне звонили, Мария Ионова, — отвлекаю ее от компьютера.

— Замечательно! — тут же отрывается от него, вскидывая на меня взгляд, — Сейчас отведу тебя к твоей группе. Пошли за мной.

Она кивает, и я следую за ней.

— Смотри, пятнадцать часов назад пропал мальчик. Зовут Кирилл, пять лет. Гулял в парке с бабушкой, она отвлеклась. Когда спохватилась, мальчика уже нигде не было. Одет был в синие джинсы, черная куртка с нашивкой спайдермена и черная кепка. На ногах кроссовки черные с красными полосками. Запомнила?

— Да, — киваю как болванчик.

— Ваша группа отправится искать в заброшках и подъездах в районе пятого квадрата, — она тычет пальцем на карту, показывая где именно, — Твоя задача слушать руководителя, выполнять все строго по его командам. Поняла?

— Конечно!

— Так, ну что ж. Это Алексей, твой руководитель. Вернее Вихрь.

Я протягиваю руку мужчине для рукопожатия.

— Мария. Точнее Колючка.

Да, оставлю на память это нелепое позывное. Пусть будет.

— Ну что, Колючка, — усмехается Вихрь, и сердце совсем не екает от его обращения. Голос не тот, интонация не та, — Еще пара минут и пойдём. Пока знакомься с ребятами. Это Дельфин, Комета и Кобра.

Я улыбаюсь всем присутствующим.

— Привет! Я Колючка.

Хоть бы скорее уйти с головой в поиски. Ребята все дружелюбные, тут же дают мне бутылку с водой, упакованный контейнер с едой и рюкзак. А также фонарик и шапку. Объясняют мне все, вводя в курс дела более детально. И ровно через две минуты, как по команде, мы стартуем в сторону пятого квадрата.

— Вихрь, — обращаюсь к главному, — А есть фотография мальчика?

— Да, попроси у Кометы, — он кивает головой в сторону молодой девушки. Ей лет двадцать с лишним, кажется моложе меня, но ненамного. У нее короткая стрижка, темные волосы. В ушах пирсинг, на руках татуировки. Выглядит очень стильно.

— Слушай, а можно фото мальчика посмотреть? — подстраиваюсь к ней сбоку.

— Ой, да, конечно! — ударяет себя легонько по лбу, — Я совсем забыла тебе показать. Надо же, как же я так.

Она причитает, я успокаиваю ее, улыбаясь. Сейчас все на нервах — пропал ребенок. Тут хочешь не хочешь, а голова только поисками забита.

Комета протягивает мне небольшую фотографию, дрожащей рукой беру бумагу в руки, я уже понимаю, что знаю этого мальчика. От осознания становится только тяжелее. Этого не может быть, я же вот совсем недавно его видела. Помогала ему рисовать горизонт, объясняла основы живописи. Мы с ним смешивали краски в палитре. Кирюша. Ну как так?!

Резко торможу, прикладывая ладонь ко рту, сдерживая немой крик.

— Что случилось? — Комета поддерживает меня за локоть, обеспокоенно всматриваясь в мое лицо.

— Это же Кирилл. Виноградов, — трясущейся фотографией в воздухе, — Это мой ученик из дошкольной группы.

— Ты хорошо знаешь пацана? — Вихрь останавливается и одним жестом тормозит всю группу.

— Ну, как преподаватель знает своего ученика. Он очень способный мальчик. Домашний, тихий.

— Родители также говорят. Сходится описание, — долговязый парень подает голос. Он же Дельфин.

— Как думаешь, куда мог пойти? — Вихрь сводит брови к переносице.

— Я не знаю. Он не мог сам, наверное — качаю головой, — Когда занятия заканчиваются, он всегда ждет родителей или бабушку. Даже на метр не отходит от здания.

— Тогда это может быть похищение.

Вскрикиваю. Как? Настоящее похищение? Слезы непроизвольно катятся вниз.

— Пожалуйста, давайте ему поможем. Скорее же. Нужно найти, — я начинаю быстро тараторить.

— Стоп! Успокойся, немедленно. Выключай эмоции — в нашем деле они только мешают. Соберись, девочка.

Я понимаю, что он прав. И я стараюсь держать себя в руках, просто это же мой ученик. Ребенок, которого я знаю. С которым общаюсь. Провожу время. Пускай он мне не родной, но ребенок же. Сама не замечаю как просыпается материнский инстинкт. Никогда не замечала за собой такого, но еще тогда в лесу, общаясь с мальчишкой, что потерял отца — я уже чувствовала некий трепет. То ли отчаянное желание построить семью, то ли встреча с Матвеем — активировали внутри меня эти механизмы, но сердцу неспокойно.

— Знаете, Кирюша очень любит животных. Он часто просил меня помочь ему нарисовать всяких кошечек, собачек. Может он увидел бездомную собаку и пошел за ней?

Не знаю, я просто предполагаю, строю догадки. Мне хочется вытащить из своей головы

все воспоминания, что связаны с мальчиком. Поэтому за каждый всплывающий образ я хватаюсь как за спасение.

— Вих, — Дельфин обращается к главному, сокращая его позывное, — Позвонили ребята из лагеря. Сказали, что камеры на Терлецкой и Красноармейской улицах засекли его. Он был один. Просто шел вдоль домов.

— Отлично, это как раз недалеко от нас. Погнали!

Мы движемся в сторону тех улиц, что пересекаются между собой. Вся моя голова забита Кириллом Виноградовым, я даже не вспоминаю про Мота. И это максимально облегчает мне пережить всю ту боль, что накопилась внутри. Сейчас одна задача — найти Кирюшу. Остальное потом.

— Слушай, там же есть старая заброшенная больничка. Разве нет? — красивая высокая девушка, что молчала всю дорогу, наконец подает голос. Кобра, если я правильно запомнила. У нее длинные черные волосы, карие с желтыми крапинками глаза, пухлые губы. И воинствующий вид. Она почти не улыбается, ее рот плотно сжат, взгляд всегда смотрит вперед. Закрытая, но очень притягательная. И я вижу как реагирует на нее Вихрь. Его глаза шарят по ее лицу, с теплотой и лаской. Не замечаю за собой, как начинаю их жадно разглядывать.

— Они женаты, — тихо шепчет мне Комета, — Просто стараются не афишировать. Но искрит, скажи?

Она пихает меня локтем в бок. Искрит, это мягко сказано! Польша. Интересно, когда мы с Мотом вместе, от нас также прет эта энергетика секса и страсти? И как мы вообще смотримся со стороны, тоже интересно.

— Да, есть старая заброшенная больничка. Надо проверить!

Заброшенные здания не вызывают ничего приятного. Тут сыро, мерзко и страшно. Обшарпанные стены, облезшая краска, куча мусора и дикий холод.

Мы зовем во весь голос Кирюшу. Я надрываю голос, но стараюсь кричать с каждым разом все громче. Время идет и идет, а отклика нет. Ну неужели в этот раз я опять не смогу помочь?! Я так сильно хочу найти своего ученика. Первой. И это не эгоизм, а что-то внутри меня так отчаянно рвется. Как натянутый нерв, готовый вот-вот лопнуть.

— Кирюша, где же ты?

Шарю руками по стенам, проводя фонариком в каждый уголок и закуток. Слышу сзади шорох, становится не по себе. Жуть какая. Боюсь обернуться, вдруг там какой-нибудь бомж или вообще кто похуже.

Сзади небольшой выступ, я стараюсь его обходить, чтобы не упасть.

— Эй, кто тут? — голос где-то сбоку. Как эхо. Разобрать отчетливо не получается.

— Кирюша? — зову.

Но голос явно не детский. Может кто-то из ребят, хотя мы разделись по разным этажам, чтобы продуктивнее было искать.

— Маша? — от удивленного проникновенного шепота тело парализует.

Дожили, уже галлюцинации. Я четко слышу голос Мота. На затылке встают волосы дыбом.

— Машка, ты? — нет, он вот прям тут. За спиной.

Оборачиваюсь, спотыкаясь о дурацкий выступ, и лечу прямым вниз. Ударяюсь о бетон, мне не больно, просто неожиданно. Поворачиваю голову влево и вижу Кирюшу. Протираю глаза, снова и снова.

Он! Сидит, сжавшись в комочек, у стены. Вытирая рукавом куртки слезы и прижимая к себе рыжего кота.

— Здрасти, я тут вот, — протягивает мне животину, — Пришел его кормить.

— Господи, Кирюша, как же ты всех напугал! — выдыхаю с облегчением. У меня получилось! Не могу поверить. На адреналине все.

— Маленькая, ты как? — Матвей оказывается передо мной, — Что-то болит?

А он то тут как оказался?..

Матвей поднимает меня, отряхивая мою одежду от пыли.

— Кирюша, — не обращаю внимание на Мота, обнимаю ученика. Прижимаю его голову к себе, поглаживая. Он перестает трястись.

— Я просто хотел его покормить, а он убежал. Я за ним, а он от меня. И вот мы оказались здесь, — мальчишка сбивчиво начинается объяснять, что случилось.

— Кирюша, тебя не было больше пятнадцати часов!

— Маша, — Матвей окликает меня. Не реагирую. Не хочу его видеть, хотя сердце предательски начинает биться.

Все как во сне.

— Пошли, выйдем отсюда, — беру за руку Кирилла и веду за собой, обходя Мота. Даже не поднимаю на него взгляд.

На улице уже стоит вся моя группа. И Лика. Ха! Ну конечно, куда уж без нее.

— Вихрь, он был на третьем этаже. В закутке, — передаю мальчика руководителю.

— Ты умница, мы уже хотели уходить. Думали, что его там нет, — Комета поглаживает меня по плечу.

— Я случайно нашла. Просто споткнулась и упала. А он там был.

— В любом случае, ты супер! — она улыбается.

— Да, все молодцы. Надо вернуть мальчишку родителям, — Вихрь подхватывает на руки Кирилла и направляется к пикапу Мота.

— Лови ключи, — Матвей кидает Вихрю связку, тот ловко ловит. Видимо они все тут знакомы...

— Давай поговорим? — касается моей руки, но я отстраняюсь. Боковым зрением вижу, как к нам идет Лика.

Нет. Нет. Нет. Нужно бежать отсюда.

— Маш, — зовет меня, — Посмотри на меня.

— Отвали! Слышишь? — рычу на него, — Что ты вообще тут делаешь?

— Наш отряд вызвали на подмогу, — тут же отвечает.

— Ок. Теперь дай пройти.

Стоит, не двигаясь. Черт, как сдвинуть эту скалу с места.

— Родители ждут Кирилла, — киваю в сторону машины, — Тебе нужно ехать.

— Матвей, — Лика встает рядом со мной, чувствую как меня окатывает волной негатива и неприязни, — Сейчас же поехали.

Как же она ловко им руководит. У меня бы так никогда не вышло.

— Маленькая, — касается моей щеки, полностью игнорируя Лику.

Набираю побольше воздуха в легкие, натягиваю широкую улыбку и поворачиваюсь к Лике. Смотрю ей прямо в глаза. Держусь из последних сил.

— Я поздравляю вас с предстоящей свадьбой. Желаю счастья, море любви и побольше детей, — на одном выдохе произношу все, — Всего хорошего!

Она усмехается, складывая руки на груди. Смотрит высокомерно. Матвей пытается схватить меня, а я бегу прочь. Хватит мне делать больно. Не нужно. Не хочу.

— Милый, кажется, ты ей не нужен больше, — слышу ее мерзкий голос за спиной и ускоряю шаг.

Подальше от своих чувств, своей любви. Подальше ото всех.

И только осознание того, что у меня получилось найти человека — греет душу, заставляя сердце жить. Я могу быть полезной. Меня можно любить просто за то, что я есть. Я горжусь собой. И не позволю вытирать ноги об меня.

POV Матвей.

Меня ломает. Так сильно, что кости внутри хрустят, тело знобит. Вся голова забита этой девчонкой. Если бы мне месяц назад сказали, что я влюблюсь в кого-то — засмеял бы. Где я, а где любовь?

Одиночество — мой верный спутник и друг. Привязываться к кому-то — это значит дать себе шанс потерять этого человека, собственноручно нацепить на горло удавку. Обязательства, страх за близкого человек. Не, нахер.

Только сердце ноет. Бесит, ужасно. Алкоголь не помогает, да и не пью я особо. Спорт тоже перестал спасать, хотя отвлечься выходит на короткий срок. Поиски. Буду честен, за неделю взял уже три отгула. Карл, три! До этого восемь месяцев пахоты почти без выходных, а тут за неделю три. Бегаю за ней как щенок, отслеживаю каждый шаг.

А Маша... Игнор полный. И вот от осознания, что сам все испортил и разрушил — становится тошно.

— Малыш, Кипеловы позвонили, сказали, что не смогут присутствовать на свадьбе, — Лика подходит со спины, садится рядом, опуская свою руку на мое плечо.

— Я тебя тысячу раз просил так меня не называть! — как же все надоело. Весь этот цирк со свадьбой.

— А мне нравится, — плевала она на мои желания. А зачем я ей нужен? Очередная понравившаяся игрушка?

— Лик, давай может свернем все это? Мы же не любим друг друга. Зачем жизнь то ломать?

— Почему это не любим? Я тебя очень люблю! — ее рот кривится.

— Ну какая любовь, я даже не касаюсь тебя уже месяц. Может больше.

— Ой, Мот, тебе просто голову какая-то вертихвостка вскружила. Ничего, перед свадьбой такое бывает, я слышала. Когда мандражируешь, боишься потерять свободу, то тянет на гулянки. Это пройдет, милый, — она гладит мой затылок. А мне неприятно. Это не Машины руки, когда колючка касается меня — все внутри переворачивается, органы синхронно кульбит делают.

— Я хочу быть с ней! — в этом теперь я уверен на все сто. Да что там, на двести.

— Хм, — она замирает, — Ну, в таком случае тебе придется пообщаться с моим отцом. Но на твоём месте, я бы не стала так рисковать.

Вся ее нежность и бравада сошли на нет. Вот она настоящая, стерва. Угрожает. Плевал я на ее отца.

— Я тебя не люблю! — бью по больному. По ее самолюбию. Ну а что, если она не понимает по-хорошему?

— Игнатьев, вот ты вроде взрослый мужик, а ведешь себя как ребенок. Ты реально думаешь, что любишь ее? Ну поиграл в отношения, ну понравилась девочка, видимо в сексе она хороша, — Лика складывает руки на груди, — Хотя по ней не скажешь, мышь обыкновенная. Отпустит тебя, не переживай. А у нас будет семья, тебе же тоже выгоден этот брак.

Внутри все кипит. Женщин не бью, ни при каких обстоятельствах. Но расхерачить грушу сейчас не помешало бы.

Маша мышь? О нет! Она хоть и выглядит иногда скромно, но моя девочка просто огненная. Пожарище. Да я от одного взгляда на нее кончаю, как подросток последний. Губы ее вижу, и башня едет. Тела ее касаюсь и все мигом забываю. Она ведьма. Моя самая красивая ведьма.

Никогда рыжие не привлекали. Ничего в них такого сексуального не замечал. До нее. Теперь каждая рыжая макушка в толпе ассоциируется с ней.

Блять, нет! Никакой нахуй свадьбы. О чем речь вообще.

Я не могу без нее. Она должна это знать. Ее место рядом со мной. Другого варианта нет.

— Нет, Лик, к херам все. Надо отсидеть — я отсижу. Но свадьбы не будет, сворачиваемся, — резко встаю с дивана. От перепада давления начинает кружиться голова.

— Ты че, совсем охренел? — шипит как змея, вскакивая следом, — Я что гостям скажу? Что ты бросил меня и ушел к какой-то рыжей шалаве? Ну нет уж, мой хороший. Ты женишься на мне.

— Ты вообще себя слышишь? Лечись, Лика. У тебя не любовь, а одержимость. И навязчивая идея выйти замуж, — рычу в ответ, кулаки чешутся жуть как, — И прекрати оскорблять, Машу. Мои нервы на пределе.

— Я сейчас же позвоню отцу. Только посмей сделать шаг из квартиры, — она снова угрожает. И вот это она называет счастливым браком? Капец, дура полная.

— Звони, Лика. Прошу, звони куда хочешь. Только оставь меня в покое.

Устал адски, просто все надоело. Хочу лечь на Машкин живот, поцеловать тонкую нежную кожу и хоть на минуту обо всем забыть.

— Не смей, слышишь? Вернись, Матвей! — бежит за мной. Ускоряю шаг, вылетаю из квартиры. Бегу вниз по лестнице. Подальше. Слышу, что не останавливается. Продолжает преследовать, прося остановиться.

Но это все. Конец.

— Мот, ну не бросай. Я люблю тебя! — плачет. Женские слезы — мое слабое место. Я теряюсь, не знаю, что делать. Была бы это Маша, зацеловал бы до смерти. А тут что?

Торможу, поворачиваюсь к ней. Сидит на ступеньках, рыдает.

— Отморозишь себе все, вставай! — рывкаю, поднимая тело, — Послушай меня внимательно. Я тебе не нужен. Ты просто в голову себе вбила какую-то любовь, но разве ты не хочешь, чтобы мужчина тебя касался и умирал от желания быть с тобой? Хотел только тебя?

— Хочу, — шепчет, шмыгая носом.

— Тогда отпусти меня. И ты его встретишь. А пока я рядом, шанса у тебя нет.

— Ну разве ты не можешь меня полюбить? Неужели я такая некрасивая?

— Да дело же не в красоте, Лика! — устало тру переносицу, — Просто каждой тваре по паре. Я другую люблю. И тебя полюбить никак не смогу.

— Она лучше меня, да? — опять свою пластинку поставила.

— Ты так ничего и не поняла? Лика, повзрослей. И может тогда все у тебя будет хорошо.

Отпускаю ее и спускаюсь вниз дальше. Прислушиваюсь к шагам сзади — тишина. Надеюсь, она хоть что-то поняла. Хотя бы крупицу из того, что я сказал.

Запрыгиваю в свой пикап, срываюсь с места. Улыбаюсь как придурок, предвкушая встречу. Знаю, что будет прогонять, но я не уйду. Хватит! И так трясет всего без нее. Пускай бьет, прогоняет, кричит, но чтобы рядом была.

И что это за хрень то происходит? Я походу по полной... Пропал.

Стрелка спидометра достигает сто сорока, но перед глазами только ее лицо. Реально ведьма. Когда такое было? Никогда. Никогда не страдал по бабе, а тут ни сна, ни покоя.

Въезжаю во двор, паркую тачку как попало. Мест нет, а времени искать парковочное место тоже нет. Царапаю на бумаге корявым почерком номер телефона — надо будет отъехать, позвонят. Ищу ее окно, свет горит. Моя девочка дома. Ну конечно, где ж ей еще быть.

Взбегаю по лестнице вверх. не дожидаясь лифта. И так много времени потерял.

Звоню. Стучу.

— Что тебе нужно? — открывает дверь. Я бы сказал даже щелочку. Вижу только ее глаза.

— Маленькая, скучал пиздец, — улыбаюсь как Чеширский кот.

Даже одного взгляда на нее хватило, чтобы поплыть.

— Поздравляю тебя. Это все?

Колючка. Моя.

— Машка, ну хватит! Мне херово, не могу без тебя. Впусти.

— Я не сплю с почти женатыми мужчинами. Уходи, — начинает закрывать дверь, но я ставлю свою ногу.

Когда-то мы уже это проходили. Однажды я также нагло заявился к ней, даже не подозревая, что все перевернется в жизни с ее появлением в ней.

— Матвей, прекрати! — пытается вытолкать меня. Но куда ее пятьдесят килограммов против моих ста.

— Рыжик мой, — открываю дверь настежь одной рукой. Хватаю ее, прижимая к себе. Вдыхаю ее запах. И меня просто плющит. Наркотик. Целую нежную шейку, не обращая внимание на ее протесты.

— Прекрати! Отпусти! — стучит маленькими кулаками по груди, плечам, спине. Хнычет.

— Никогда больше не отпущу, — целую в плечико. Губы не дает. Зараза.

— Маша, у тебя все в порядке? Помощь нужна? — из кухни выходит какой-то полупокер. Кажется, я где-то уже его видел.

Она замирает в мои руках, я кидаю убийственный взгляд в его сторону.

— Что за?.. — скалюсь не по-доброму.

— Господи, Матвей! Нет! — встаю перед ним.

Надеюсь он не собирается бить Сергея, потому что повода для этого нет.

— Что он здесь делает? — зло смотрит в сторону Сергея, обращаясь ко мне.

— Он просто зашел в гости.

Ведь это чистая правда. Я сама не ожидала, когда Сережа появился на пороге с тортом.

Он даже ни разу не коснулся меня.

Мот усмехается, закидывая голову назад. Кадык дергается, пробуждая во мне воспоминания, как мой язык касался его. Черт. Как же я скучала, так хорошо, когда он рядом. Сердце сжимается от сладкой боли.

— Маша, не будь такой наивной. Его язык был в твоём рту, он явно сюда не просто чай зашел попить, — Мот пытается меня отодвинуть в сторону, но я бью со всей силы его по груди. Жутко злюсь.

Пришел, начал устраивать тут разборки. Хотя я ни в чем не виновата. Все эти дни скулила как собака, которую бросил хозяин. Плакала ночами и днями, не ела, не спала, не пила. Не жила, а существовала. И что он хочет сейчас? Думает пришел, присвоил и все? Я должна броситься в объятия и простить? Так не бывает.

— Уходи, Матвей! — грубо чеканю, указываю пальцем на дверь.

Он тут же останавливается, смотрит на меня недоуменно.

— Он первый, — кивает головой на Сергея.

— Маш, может полицию вызвать? — Сергей старается быть дипломатичным, чем тоже раздражает.

Надоели эти мужики, честное слово.

— Так, блять, нет. Ты, — Матвей тычет пальцем в сторону Сергея, — Ушел отсюда живо. У тебя минута, иначе я тебя за шкирятник вытащу. А ты, — берет меня за талию, — В комнату. Быстро!

— Ты совсем рехнулся? Командуешь в моем доме?

— Мария, не вынуждай меня злиться еще больше. Пошли поговорим!

— Сереж, буквально минута. Я сейчас вернусь, — извиняюще улыбаюсь мужчине, уводя Матвея за руку в комнату.

Закрываю дверь за нами, упираю руки в бока, испепеляя его взглядом. Ну это верх наглости. Вот так командовать и решать за всех.

Но я буду полной дурой, если начну отрицать, что не рада его видеть. Да, просто так прощать не стану. Но как же сразу спокойно на душе, когда он рядом. Когда запах его чувствую. Наверно я помешалась на нем.

— Матвей, послушай, неужели ты думаешь, что можешь вот так просто прийти, сказать пару ласковых слов и все решится само собой? Ты не думал, что нужно учитывать мнение всех людей, а не только свое, — стараюсь выглядеть серьезной. Не показывать как млею под его взглядом.

— Хочешь сказать, что не ждала меня?

— О, да ты самоуверен. А что, если нет? — кидаю с вызовом. Наглый жук.

— Врушка, ты же любишь меня. А я люблю тебя. Разве этого не достаточно? — он что? Любит?

Встаю как вкопанная, тело парализует от его слов. Так легко они вылетели из его уст, словно это обычное что-то, будничное. А для меня же это целое событие. Мужчина, которого я люблю — любит меня. Конечно, я чувствовала, что он тяготеет ко мне, что я ему нравлюсь. Но так боялась, что это все. А сейчас он... Три заветных слова, и вместо трепета я чувствую жуткий страх. До истомы и боли.

— Чего молчишь? — улыбается.

— Мот, ты что, правда любишь меня? — округляю глаза. Сердце заходится в бешеном ритме, ладошки потеют.

— Безумно. Просто с ума схожу как люблю, — он выдыхает, подходя ближе. Кладет свои большие теплые руки на мою талию, сжимая крепко. Касается нежно, осторожно, двигаясь одной рукой по позвоночнику. Смотрит с поволокой в глазах, смакует каждый момент, ловит мой вздох. Я улетаю под его ласками. Целует в губы, аккуратнo, словно это наш первый поцелуй. Как в школе. А мне и правда кажется, что это мой первый, настоящий, нежный, крышесносящий поцелуй. И даже губы по-другому ощущаются. Без языка, без похоти. Легко, невесомо и нежно.

— Я это понял вчера, вернее осознал. Когда шкала моей тоски по тебе достигла критической точки, — забирается рукой под футболку, вызывая мурашки на коже, вырисовывает узоры на полыхающей коже.

— А потом понял, что без тебя уже и не жизнь. Представляешь? Просто открыл глаза и понял, что либо с тобой, либо мне нахер ничего не нужно, — прикусывает мочку уха. Закрываю глаза, еле сдерживая стон, — Я так люблю тебя, моя девочка. Ты бы только знала.

— Мот, — хнычу, — А как же свадьба?

Так страшно. Страшно любить мужчину, который не может быть с тобой.

— Не будет никакой свадьбы. Я все отменил к чертовой матери. Прости, что так долго думал, — наконец срывается, сжимая со всей силы. Словно и правда боится, что я исчезну.

В голове и сердце калейдоскоп эмоций и ощущений. Раз он отменил свадьбу, значит ли это... Что у него будут проблемы? Боже!

— Как же ты теперь? А если тебя заберут, — слезы непроизвольно скатываются вниз.

— А ты будешь ждать? — давит лыбу, словно ничего страшного не произошло. Дурак какой.

— Мот, не говори так!

— Не хочешь встречаться с уголовником? — от его слов начинаю рыдать, громко.

Видимо Сергей не ушел, потому что обеспокоенно начинает стучаться в дверь.

— Я его сейчас тресну по голове, — предупреждает Мот.

— Не смей, — шикаю на него, — Я его провожу. А ты сиди здесь, понял?

— Раскомандовалась она. Ага, сейчас, я должен проконтролировать, чтобы ваша провожалка не зашла далеко, — порывается пойти со мной.

— Ты мне не доверяешь? — прищуриваю глаза.

— Я ему не доверяю!

— Мот, ну прекрати, я люблю тебя очень сильно! — уговорами его не взять, это мы уже поняли. Кидаюсь на шею, целуя щеки, лоб, скулы. Мой самый любимый дурак.

— Минута, Маша, я включаю таймер, — шлепает по попе.

Выбегаю в коридор, тут же врезаюсь в тело Сергея.

— Сереж, прости за это представление, некрасиво вышло. Он просто вспыльчивый, — чувствую себя ужасно неловко.

— Да ладно, — отмахивается, — Ты сама в порядке?

— Да, — киваю, приглаживая растрепавшиеся волосы у лица.

— Я узнал его, — Сережа улыбается, — Этот тот, на которого я рыл инфу?

Краснею с головы до пят. Ну тут и так все очевидно. Чего теперь скрывать.

— Маш, да я сразу почувствовал, что ты в нашем общении выстраиваешь барьеры. Ты уже тогда при первой встрече была словно несвободна. И я не держу зла. Ты мне правда понравилась, но увы, — разводит руки в стороны.

— Мне так стыдно! Ты не подумай, что я использовала тебя. Просто запуталась, — хороший он человек. Нельзя было так поступать.

— Все ок. Я был рад знакомству. Но дружить вряд ли смогу, — Сергей пожимает плечами.

— Прости, — обнимаю его. Просто по-дружески, без лишних намеков.

— Пока! — подмигивает мне, выходя из квартиры.

Я просто надеюсь у него все будет хорошо, он правда заслуживает счастья. И то, что он пришел в гости ко мне, беспокоился за меня. Хотел поддержать. Еще раз доказывает то, что он достоин лучшего.

— Я видел как он обнимал тебя, — голова Мота высовывается из дверного проема.

Цокаю языком.

— Не дури, Мот.

— Хватит разговоров, Мария. Раздевайся давай, я уже перевозбужден до предела, — все шутит. Но нет, сначала разговор.

Долгий, со всеми подробностями. Нам нужно разобраться во всем. И только потом, со спокойной душой, я смогу отдать себя ему полностью. Да, он признался в чувствах. Но сейчас мне уже этого не достаточно.

Только откровенность, только если он готов выложить все карты на стол и впустить меня в свою жизнь на все сто процентов. Только в таком случае у нас есть шанс. В загадки я наигралась уже. Вдоволь.

— Маш, ты такая красивая! — Мот заходит следом на кухню, обвивая мою талию своими руками.

Я все еще не до конца осознаю происходящее. Он пришел ко мне, отменил свадьбу. Признался в любви.

— У тебя все равно не выйдет меня задобрить, — на самом деле мне очень приятно слышать от него такие слова, — Нам нужно много всего обсудить.

— Я не пытаюсь задобрить. Просто констатирую факт, — ну и плут же он, — Давай, я готов. Мучай меня.

Он веселится. А мне тяжело поймать его волну веселья, на душе до сих пор беспокойно. Вот он снова рядом, мой. А чувства удовлетворенности нет, словно я сейчас привыкну опять к нам, и он уйдет. Или еще что-то плохое случится. Не хочу думать об этом.

— Расскажи мне, что у вас с Ликой? — складываю грязные чашки в раковину, поворачиваясь к Моту спиной, — Чай будешь?

— Тебя буду, — подмигивает, когда я резко разворачиваюсь.

— Матвей! Пожалуйста, давай серьезно. Мне важно знать все.

Смотрю на его закатывающиеся глаза. Этот мужчина бывает просто невыносимым, ему так сложно говорить о себе, что порой я бьюсь о закрытые двери. Но обсуждать проблемы — главное мое условие для построения здоровых и стабильных отношений. По-другому мы не сможем существовать вместе. Он будет всегда что-то недоговаривать. а я буду себя накручивать.

Итог один: мы разойдемся.

А я не хочу его терять больше. Это было уроком, болезненным и неприятным. Мне хватило одного раза.

— Ладно, окей, — сдается под моим грозным взглядом, — Я сказал ей, что люблю другую. Честно. И ушел.

Теперь она меня ненавидит еще больше, в этом я уверена на все сто. Однако, мне плевать. Я была к ней добра, не сделала ничего плохого. Возможно, она думает, что я увела у нее мужчину, но он же не собака на поводке, чтобы куда-то его уводить. Он сам принял решение уйти. Он сам захотел быть со мной, а я отказываться не буду. Мой!

— И как она отреагировала?

— А как ты думаешь? — усмехается.

— Думаю ей не понравилось, — качаю головой, все же наливая свежий чай в кружку. Невыносимо хочется занять чем-то беспокойные руки, — У тебя будут проблемы?

— Скорее всего будут, — задумывается, отводя взгляд в сторону, — Но метод решения, который она предлагала — мне не подошел.

Мне ее метод тоже совсем не по нраву. Как представляю, что он бы женился на ней, надел кольцо на палец, дал ей свою фамилию... а потом дети. Нет! Не смогла бы спокойно пережить, извела бы себе всю душу.

— Получается я нарушила все планы своим появлением, — мне не досадно. Но это правда. Не появись я в жизни Матвея, он бы женился, с него бы сняли все обвинения. Сейчас же все усложнилось в разы.

— Машка..., — Мот встает и подходит вплотную, проводя своим носом по моим

волосам, — Да я пиздец как рад, что все так сложилось. У меня теперь есть ты. Моя ведьмочка.

— Опять дурацкое прозвище? — тычу ему пальцем в грудь, ударяясь о стальные мышцы. Рука машинально опускается вниз к прессу, там, где я касалась его оголенной кожи. Там, где красивые стальные кубики с четкой выраженной линией по середине. Сглатываю, чувствуя как возбуждаюсь за секунду. Мот тут же подхватывает мою реакцию, знает же, как действует на меня и мое тело.

— Посмотри на меня, Мац, — поднимает мое лицо своими ладонями, поглаживая нежную кожу щек большими пальцами, — Я люблю тебя, слышишь? И это неизменно.

Мот смотрит проникновенно в глаза, и именно в этот момент я понимаю, что да. Он правда любит. Не лукавит, не прячется. Сейчас он открыт, душа его обнажена. Он полностью мой, такой родной и любимый. Одинокая слеза счастья капает вниз, струясь по щеке, оставляя влажный след. Он тут же подхватывает ее своим большим пальцем, растирая по коже. Получается я дождалась его... Того самого. Выстрадала ночами, плача в подушку. Выпросила у судьбы его. Такого сложного, иногда хмурого, иногда весельчака. С тараканами в голове, но заботливого. Местами жесткого, принципиального, честного. Самого лучшего! А еще... он бог секса.

— Скажи, что все будет хорошо? — прошу его.

— Конечно, а как по-другому, маленькая? Нас теперь двое.

Он целует меня нежно, захватывая мои губы в плен. Ласкает, наполняя рот своим языком. Он соприкосновения тело пронзает током, все чувства обостряются.

— У тебя есть дальнейший план действий? — мы не договорили.

Он чешет затылок, запрокидывая голову назад. У него нет плана!

— Пока нет. Но я не пушу дело на самотек, все решаемо, — улыбается, пряча глаза, но я вижу сомнения, — Все будет гуд.

Он пытается заставить меня в это поверить, убеждая и себя. Но я хочу ему помочь. Всем, чем смогу.

— Хорошо. Я верю тебе! — давить тоже не хочу. Он не такой человек, который будет это терпеть. Манипуляции с ним не пройдут.

— Мот, — смущаясь, обнажаю свои зубы в улыбке, — Есть маленькая просьба.

Закусываю губу. Я, честно, боюсь его реакции. Вдруг он откажет, или скажет, что не готов. Или вообще не хочет.

Много вариантов. Но я все же спрашиваю, краснея под его выжидающим взглядом.

— У моего отца юбилей, и я как-то совершенно случайно, — хихикаю, — Сказала маме, что приеду с женихом. Ты не мог бы им прикинуться на денек?

Зажмуриваю глаза, боясь его реакции. Сейчас как засмеет. Вряд ли он подумает, что я хочу его окольцевать. Но все же... Мы вместе всего ничего, а я уже про жениха песню запела.

— Признайся Мария, это был с самого начала коварный план, чтобы затащить меня в ЗАГС? — он открыто смеется, чем успокаивает меня.

Я сильно нервничаю, все еще боясь сделать что-то неверно. Отсутствие богатого опыта с мужчиной в плане отношений сильно бьет по мне, моментами ощущаю дикую неуверенность. А вдруг я не права, или вдруг его спугну чем-то. Но смотря в глаза Матвея, его озорной блеск, горящие влюбленностью зрачки — понимаю, что зря волнуюсь.

— Может это ты придумал этот план, а я просто повелась, — расслабляюсь, подхватываю шутку.

— Ты права. Даже отрицать не буду, увидел и сразу подумал, что вот оно. Рыжее, спонтанное мое яркое счастье.

Обнимаю его, крепко прижимаясь к стальной груди. Слышу стук его сердца, мне нравится, что он такой теплый и ласковый. Это не тот закрытый Мот, каким я его встретила, с каким мне приходилось общаться на первых порах.

Сейчас Матвей открыт, возможно, не до конца. Но уж точно готов идти на более тесный контакт.

— Маш, а как звали твою первую любовь? — вдруг неожиданно задает вопрос.

Теряюсь на секунду. Он же знает... Хотя сейчас в своей любви к Никите я совершенно не уверена. Потому что рядом с Мотом взрываются тысячи фейерверков просто от взгляда. С Никитой было спокойно, местами больно и несправедливо. И я точно выбираю этот салют рядом с любимым.

— Ты же знаешь ответ..., — отпрянув, заглядываю в глаза.

Он хмурится, но не злится. Да и чего злиться? Прошое оно и есть прошое. Оно останется там, где ему место, а я живу моментом. И сейчас рядом именно он, никто другой.

— А моя первая любовь — это ты! Я никогда до тебя никого не любил, Маш. И ты должна это запомнить навсегда, чтобы в твоей голове не появлялись никакие сомнения.

Слезы непроизвольно срываются вниз. Его слова оставляют сладкие, щемящие от радости следы на моем сердце и в моей душе. Вот так просто. Я тебя люблю.

— Не плачь, моя девочка, — слизывает соленую влагу, лаская горячими губами мое лицо, — Я на все готов, лишь бы ты не плакала.

Аккуратно затягивает губы в нежный поцелуй. Ласкает языком, играет внутри, распалая огонь внутри меня. Заводит. Внизу от одних касаний уже мокро, низ живота тянет, я так хочу его. До истомы и легкой боли в мышцах.

— Я же от счастья, — провожу указательным пальчиком по его подбородку, спускаясь к кадыку вниз.

Щетина приятно колит, прикладываюсь щекой к щеке, трусь как кошечка. Осталось только замурлыкать.

— Пошли-ка, рыжик, в спальню. Я еле сдерживаюсь.

— А ты не сдерживайся, — кидаю вызов, — Возьми меня прямо здесь, Мот.

Он смотрит внимательно, играя жевалками. Скулы на мужественном лице заостряются, придавая легкую суровость.

Резко хватает меня за плечи, разворачивая спиной к себе. Наклоняет, я тут же прогибаюсь в пояснице, складывая руки на столешнице у раковины. Задеваю ложку, она со

звоном летит вниз. Мот кладет руку между моих лопаток, гладит аккуратно, а потом нажимает, отчего я грудью падаю на поверхность. Соски встают, соприкасаясь сквозь ткань о холодное дерево.

Мот не церемониться, стягивает с меня домашнюю одежду и срывает трусики. Я снова полностью обнажена. До предела.

Да, вот так! Пожалуйста! Очень хорошо.

Сминает в руке правое полушарие, зажимая в тиски, прокручивая. Я обожаю грубые ласки с моей грудью, особенно, когда она чувствительна и требует особого внимания.

— Расставь ноги шире, — вкрадчиво шепчет на ухо.

Я тут же выполняю просьбу, прогибаясь еще сильнее. Отчего моя мокрая дырочка полностью обнажается, приглашая к себе. Вся ситуация жутко возбуждает, даже ноги начинают трястись в предвкушении.

Матвей кладет ладонь на промежность, лаская и растирая влагу. Медленно и плавно.

— Быстрее! — прошу его.

Находит клитор, лаская его чуть резче. Я просто раскаляюсь до невозможных пределов, стону во весь голос.

— Давай, маленькая, кайфуй.

— Мот, да, пожалуйста! Еще!

Извиваюсь на этой столешнице и под его руками как змея под звуки флейты.

Рука Мота двигается очень быстро, я готова вот-вот кончить, но он резко останавливается. Я протяжно стону, хныча и моля продолжить. Усмехается, отходит на шаг, оголяя свой член. Поворачиваю голову вбок, с упоением наблюдая, как Мот размазываем мою влагу по своему органу. Головка оголяется и набухает.

— Матвей! — зову его.

— Да? — изгибает бровь, продолжая водить по члену, — Скажи, что ты хочешь.

Меня заводят эти пошлые разговоры еще сильнее.

— Давай, Мот, войди в меня. Грубо.

— Как грубо?

— Очень грубо...

Он тут же хватается меня за бедра, ударяясь пахом о пятую точку. Водит членом по мокрым складочкам, размазывая липкую субстанцию. Зажмуриваю глаза, и он делает резкий толчок. Настолько резкий, что на секунду спирает дыхание. Второй, третий, четвертый толчок. Я чувствую легкую боль, внутри саднит. Но Матвей просто очень большой, особенно для меня. Но после пятого толчка, я чувствую как лоно привыкает и растягивается. И тут я ловлю кайф.

Дикий, необузданный, пошлый. Но просто невероятный. Он берет меня со всей силы, на кухне слышны только мои стоны и звуки соприкосновения тел. Закусываю губу, когда чувствую, что вот-вот кончу. Кладу руку на клитор, помогая себе.

И в тот момент, когда Мот изливается в меня, я ровно через несколько секунд взрываюсь внутри, улетаю куда-то далеко. Тело мякнет, колени сгибаются. Кладу голову на столешницу мокрым лбом, стараясь выровнять дыхание.

— Пиздец, это как всегда отвал башки, — Мот тоже тяжело дышит, — Кажется твоя дырочка была создана именно для меня. Другого объяснения этому кайфу у меня нет.

Он целует меня между лопаток, собирая растрепавшиеся влажные волосы.

— Ах, — прикладываю ладонь к губам, — Черт, мы опять не предохранялись.

Поворачиваюсь к нему, с тревогой в глазах.

— И что? — искренне удивляется Мот.

— Ну как что?.. — тушуюсь. Мне почему-то стыдно.

— Маш, ты чего? Забей. Если получится бейбик, значит так должно быть.

Он так просто об этом говорит, что я теряю дар речи. Бейбик. Прикольно.

— Ты сейчас серьезно? — я не верю своим ушам.

— Все, что связано с тобой — это всегда серьезно, — улыбается, целуя в лоб, — Так ну что, будущая женушка. Когда поедем знакомиться с родителями?

— Что-то я волнуюсь, — заламываю пальцы на руках, поворачивая голову в сторону Мота.

Он спокоен как удав, едет за раулем, внимательно смотря на дорогу. Иногда поворачивается в мою сторону, разглядывая горящими глазами, чем стесняет меня немного. Одна его рука собственнически покоится на моем колене, пальцы поглаживают кожу. Я кладу свою ладонь поверх его, переплетая наши руки. Он гладит большим пальцем косточку фаланги и крепче сжимает.

— Маленькая, все будет хорошо. Вот увидишь, — подмигивает мне, — Разве я могу не понравиться твоим родителям?

Смеюсь. Нет, не может. Я уверена, что папа оценит то, что Матвей военный, хоть и в отставке. Отец всегда хотел, чтобы я была под крылом сильного и уверенного мужчины, теперь он у меня есть. А мама точно растает от обаяния Матвея, он оказывается, может быть, не только серьезным, но еще и настоящим шутником. Тут же вспоминаю, как он вчера меня смешил, лежа в кровати, зацеловывая в перерывах от шуток. Было так легко и непринужденно. Я таяла от счастья.

— Заедем на пару минут к Лизе? Нужно продукты завести.

— Конечно.

Еще одна черта Мота, которая мне безумно нравится. Он супер ответственный человек, продуманный до мозга костей. И он сам признается, что у него в жизни все логически построено, кроме меня. Тут его логика и самообладание дали сбой. И меня совершенно не смущает его рвение помогать, я не собираюсь упрекать его в этом. Лиза — замечательная девушка, и она осталась со своим горем один на один. Мне бы тоже хотелось приложить максимум усилий, чтобы помочь ей.

Мы поднимаемся к Лизе в квартиру. Она сверкает улыбкой, приветствуя нас. Пока Мот заносит пакет с едой на кухню, Лиза подмигивает мне, попутно что-то отвечая ему.

Я робею под ее насмешливым взглядом, и когда из меня успела испариться вся дерзость?

— Вы очень красиво смотрите вместе, — шепчет мне на ухо, — И я никогда не видела его таким счастливым. Даже не узнаю его.

— Я тоже очень счастлива, — признаюсь.

— Я так рада за вас, — приобнимает меня, крича Моту, — Ты зачем опять так много накупил?

Она журит его, уходя на кухню. Я мнусь у входа, не понимаю зайти мне или подождать тут. Пока осматриваю скромное жилье, из соседней комнаты выглядывает маленькая светлая головушка и синие большие, нет, даже огромные глаза. Малыш, ему наверно года два, может чуть больше. Он так проникновенно смотрит на меня, с интересом разглядывая. Машу ему рукой, и он обнажает свою почти беззубую улыбку. Улыбаюсь в ответ, чувствуя как внутри вырастает что-то теплое, щемящее.

Тут же вспоминаю вчерашние слова Мота про ребенка, и кажется готова расплакаться. Именно в этот момент осознаю, что готова. Готова стать мамой.

Малыш доверчиво тянет ко мне руки, и я тут же подхватываю его. Кожа пахнет молоком и чем-то сладким, похожим на ванильное печенье. Он трогает мои рыжие локоны, что-то

лопоча на своем языке. Умиляюсь настолько, что готова расплакаться. Это так на меня не похоже. Я не особо была раньше сентиментальна. Но последние дни чувствую себя на пределе. Настроение меняется каждые пять минут. Какие-то качели прям.

— Ничего себе, — Лиза удивленно восклицает, появляясь в проеме. Следом за ней идет Мот, — Он никогда не идет на руки к посторонним. Я первый раз такое вижу. Он и к Моту то не охотно идет.

Улыбаюсь, пожимая плечами. А что тут говорить? У нас с этим замечательным мальчиком произошла взаимная симпатия.

— Он у тебя славный, просто прелесть, — целую кроху в лоб.

— Ага, это он при гостях такой хорошенький. Вот вы сейчас уйдете, и он начнет носиться, визжать и разбрасывать игрушки.

— Разве не все дети такие? — Мот задает вопрос.

— Нет, есть спокойные детки. Но мой точно в Дена пошел. Ты помнишь, как тот балагурил без устали?

— Конечно, Лизок. Он очень похож на отца.

В их диалоге столько любви к тому человеку и скрытой боли. Я разделяю их чувства, уверена, что Лиза станет обязательно самой счастливой.

— Я вот думаю, что у вас получится тихий ребенок. Что ты, что Маша — очень спокойные.

— О, это ты ее наедине со мной не видела, — Мот смеется, — Она иногда такая крикливая.

Я становлюсь пунцовой, кидая в его сторону уничижительный взгляд. Нет, ну он бы еще рассказ в каких мы позах занимаемся сексом. Дурак что ли.

— Так, нам пора, — ставлю малыша на пол, он начинает хныкать, просясь обратно на ручки.

— О! Это сейчас надолго. Бегите, я успокою его.

Мы прощаемся с Лизой, и уходим. Чувства от встречи приятные, мне нравится, что Лиза открытая, и приняла меня. Значит она действительно хорошо ко мне относится.

— Надо заехать в цветочный, — говорит Мот.

— Зачем?

— Купить твоей маме цветы. Не могу же я с пустыми руками приехать. А то отцу то коньяк купили.

— Мот, молю, никаких цветов. У нее уже аллергия на них, ты забыл, где она работает? — смеюсь, представляя мамино лицо при виде букета.

— Точно! А что тогда?

— Она любит сладенькое. Давай в кондитерскую заедем.

— Лады.

Мы снова выдвигаемся в путь дорогу. Спустя десять минут Мот тормозит у кондитерской, оставляет меня в машине, а сам убегает. Я полностью доверяю ему, в выборе пирожных тоже. Мне вообще нравится, когда он руководит процессом. А я могу просто расслабиться. Это так здорово быть под мужским крылом.

Мота долго нет, я уже начинаю волноваться. Как только решаю выйти и пойти за ним, дверь с моей стороны открывается и на колени падает огромный букет белых тюльпанов. Где он только достал осенью такие ароматные тюльпаны?

— Ну зачем? Она не оценит, — качаю головой.

— Это тебе, маленькая, — коротко целует меня, — А маме вот, — поднимает руку с пакетом сладостей.

Смотрю на цветы, разглядывая красивые бутоны. Это же мои самые любимые цветы. И как он только догадался...

— Спасибо, — тихо шепчу.

— Я люблю тебя! — он снова целует меня и закрывает дверь.

Я даже не успеваю ему ответить, как сильно люблю. И он так часто об этом говорит, что даже не верится. Это мой холодный и отстраненный Мот дарит мне цветы, целует меня при любом удобном случае и говорит, что любит.

Неужели этот рай может что-то испортить?

— Мам, как тебе Матвей? — задаю вопрос родительнице, пока нарезаю свежие овощи к шашлыку.

Кидаю взгляд в сторону отца и Матвея, они стоят у мангала и что-то бурно обсуждают. Как только мы приехали, отец сразу увел Мота на серьезный разговор. Я заволновалась сильно, но Мот меня успокоил. Ничто не изменит его отношение ко мне, даже если он не понравится моим родителям. Хотя тут никаких вопросов не было. Он понравится.

— Хороший мальчик, — улыбается она, а я смеюсь над ее "мальчик". Ага, под два метра ростом, с широкими плечами и хмурыми бровями. Прямо мальчишка. Хотя иногда мы с ним дурачимся как дети. И я очень люблю эти моменты.

— Ну а чуть более развернутый отзыв можно?

— Ну что я скажу, мы даже не общались еще толком. Вон твой отец демонстрирует ему коллекцию охотничьих ружей, это надолго, — мама не очень любит это хобби моего отца, но уже давно забила. Папу не переубедить.

— Мам, Мот очень хороший. Он заботливый, любящий, уверенный в себе. Иногда, конечно, бывает старым дедом, когда бурчит. Но меня это не смущает. А еще спасает людей. Замечательный он.

— А что тебя смущает? — она ловит мою заминку.

Перекладываю нарезанные овощи на большую тарелку, подрезаю хлеб и начинаю резать лук для маринада.

— У него есть проблемы, которые он пока не до конца может решить. И эти проблемы ранее плохо складывались на наших отношениях. Я переживаю, что что-то сможет снова пойти не так.

— Поделишься?

Трудно делиться своими страхами, тем более я не привыкла откровенничать с мамой. Но сказать Моту о своих страхах не могу. Он подумает, что виноват, что испортил мне жизнь. И уйдет. А я умру без него. Вот честно, без приукрас. Просто уже без него не смогу никак.

— Он служил раньше по контракту. Майор в отставке. На одном из заданий произошел инцидент, и теперь ему грозит суд, — я так быстро тараторю, что даже не уверена, поняла ли мама, что я говорю.

Она вскидывает задумчивый взгляд в сторону мужчин. Внимательно осматривает Матвея, глубоким и изучающим взглядом. От нарастающих нервов я тереблю край фартука, растягивая ткань.

— Ты ему доверяешь? — вдруг задает вопрос.

— На сто процентов, — без раздумий отвечаю.

— Ну тогда я попробую помочь, — мать кидает на стол полотенце и разворачивается ко мне, — Один генерал покупает у меня оптом каждый месяц цветы. Уже лет десять. Мы никогда не задаем ему вопросов, просто подготавливаем к определенной дате определенное количество цветов и доставляем. Я не часто с ним коммуницировала, но когда доводилось, то я была под впечатлением. Он очень отзывчивый человек.

Слушаю маму, затаив дыхание. Что-то внутри крутится, заставляя живот спазмировать от волнения.

— И знаешь, — продолжает она, — Еще лет восемь назад он сказал, что я могу к нему обратиться за помощью. И я ни разу не воспользовалась этой привилегией. Но если Матвею очень нужно, то я могу...

Не даю маме договорить, бросаясь на шею, целую родные и нежные щеки. Слезы благодарности сами начинают капать вниз. Мама похлопывает меня по спине, выражая нежность, насколько это возможно. И насколько она умеет. Но мне и так достаточно того, что она сказала.

— Спасибо, муся. Я так благодарна! Большое спасибо!

— Что у вас тут за потоп, — отец с Матвеем подходят к нам. Я тут же ловлю взгляд любимого мужчины, он подмигивает мне, говоря мол все хорошо. Я успокаиваюсь. Да и папа выглядит веселым и довольным.

— А я лук резала для маринада, вот и реву, — улыбаюсь в ответ.

— Ясно. Женщины, — констатирует факт, поворачиваясь к Матвею.

— Знаете, — Матвей резко начинает говорить громко, — Я думал отложить до вечера. Но что-то чувствую сейчас самое время.

Я непонимающе на него смотрю, а он хитро улыбается. Что задумал?

— Я хотел бы официально попросить у вас руки вашей дочери. Я люблю Машу очень сильно, и мне хватило нескольких дней без нее, чтобы понять, насколько моя жизнь невозможна без вашей дочери. Если позволите, то буду рад стать ее опорой и защитой.

У меня уходит земля из-под ног. Я не слышу ответ родителей, бросаюсь к нему на шею. Он подхватывает меня, крепко прижимая к себе, успокаивая от нахлынувших чувств и шепча разные нежности.

— Кхм, да в целом то, конечно, не против, — подает голос отец, — Даже рады будем. Только вы это, с внуками поторопитесь.

Закатываю глаза от реплики отца.

— Мы уже очень торопимся, — Мот отшучивается под мой грозный взгляд и тут же целует.

— Так, а колечко? — вдруг восклицает мама.

— Ну маааам, — ну что за женщина?!

— Точно, чуть не забыл, — Мот копошится по карманам, достает бархатную красивую черную коробочку и открывает ее, присаживаясь на одно колено. Все, как положено.

— Маша, девочка моя, ты выйдешь за меня замуж? — мне кажется он так волнуется, что я подхватываю его волнение следом. Не верю, что это происходит со мной. Я мечтала о таком мужчине, а сейчас он предлагает стать его женой.

ДА! Конечно, да.

— Да, любимый, — снова сжимаю его в объятиях, протягивая руку. Он надевает на пальчик кольцо. Прямо как я и хотела. Тоненькое, без лишней мишуры, с небольшим бриллиантом посередине.

Матвей точно был создан для меня, а я для него.

— Так, не открывай глаза, — беру Мота за руку и веду аккуратно по паркету.

— Маш, я даже при желании не смог бы их открыть, — усмехается в ответ, — Хочу напомнить, что ты мне их завязала какой-то лентой. Скажи честно, у нас какая-то ролевая игра?

— Матвей, — укоризненно качаю головой, — Никаких игр. Я просто хочу тебе кое-что показать и ужасно волнуюсь. Побудь серьезным немного.

— Ладно-ладно! — поднимает свободную руку вверх, сдаваясь, — А мне будет приятно?

Нет, он неисправим.

— Надеюсь, что да.

Я привела его в мастерскую, на днях я полностью закончила все выставочные рисунки, на большем количестве из них — изображен Мот. Я не знаю, как он отреагирует, но надеюсь, что ему понравится. Выставка начинается с завтрашнего дня, и я подумала, что хочу, чтобы именно он был первым зрителем и первым же критиком. Рука в его ладони слегка подрагивает, он чувствует мою дрожь, сжимая крепче. Мне так нравится, когда он ласкает мою кожу. Его ненавязчивые поглаживания всегда успокаивают мою нервную систему, порой я готова замурлыкать и забыть обо всех проблемах.

До сих пор не верю, что невеста. Его девочка, как он любит говорить. Неделю люблюсь своим красивым колечком и с каждым разом оно мне нравится все больше и больше. Тему свадьбы мы не заводим, я не хочу поднимать этот вопрос, пока не решен главный. Вопрос его полной свободы. Он взял отпуск, чтобы провести время со мной. Мне нравится, как мы узнаем друг друга еще больше.

И наконец он заговорил. О себе, о своем детстве. Вчера, когда я лежала у него на груди, он первый начал разговор.

— Маш, я хочу пригласить мать в гости. Она поживет у меня в квартире, а я пока у тебя перекантуюсь, если ты не против?

— Конечно, не против. Я буду рада познакомиться с твоей мамой.

— Да, она славная женщина. Правда болезненная очень.

— Что ты имеешь ввиду? — приподнимаюсь на локте, заглядываю в его глаза.

— У нее рак желудка, агрессивная форма. Моя старушка пока держится, но он атакует. Поэтому она очень слаба. Я хочу сам за ней съездить и привезти. Мне нужно будет уехать.

— Так может лучше мы к ней тогда? Зачем же бедную женщину дорогой изматывать? — сердце сжимается от тоски. У Мота так много проблем, и он такой сильный и стойкий. Разве мог этот хамоватый мужчина оказаться таким хорошим? Или это же я тогда вбила себе в голову, что он грубиян... Уже не важно, главное, что он мой. Со мной.

— Не, она давно хотела приехать в гости, да и врач говорит, что смена обстановки ей на пользу, — он старается улыбаться, но я вижу, как грустнеют его глаза, — А вообще я давно хотел ее сюда перевезти. Но у нее там огород, подружки, сестра. В общем полный набор, она ни в какую не хочет.

— Она просто привыкла к той жизни, там все отлажено. А здесь заново строить придется, и это может послужить серьезным стрессом для нее и ее организма.

— Какая ты у меня умненькая девочка, — он целует нижнюю губу, посасывая, — Самая

лучшая.

Его комплименты выше всех похвал. Он вселил в меня столько уверенности, что я впервые за двадцать восемь действительно себя ощущаю красивой, достойной, яркой, желанной. И все благодаря ему.

— И когда ты собираешься уехать?

— Хочу взять билет на пятницу.

— Уууу, я уже скучаю, — начинаю смешливо хныкать.

— Мальш, всего три дня, и я снова весь твой.

— Угу, — затягиваю дальше в поцелуй, касаясь кончиком носа его кончика.

— Кстати, может, когда поженимся снесем эту стену к чертям, и объединим квартиры? — вдруг предлагает Мот.

Поворачиваю голову к стене, за которой его комната. Мы ночуем то у него, то у меня. Благо ходить недалеко. Соседи с привилегиями. Ха!

Воспоминания вспыхивают в голове, как рисовала пальцем на этой стене его образ, как маялась от ревности, как мечтала о его руках. И вот все сейчас у меня есть. Эта стена, как напоминание о том, что между нами были барьеры. И мы их разрушили. У нас получилось.

— А давай! — соглашаюсь я.

— Ну и славно, — утягивает на себя, лаская ноги, руки, живот.

Встряхиваю головой, когда ощущаю толчок в бок. В мыслях и воспоминаниях потеряла счет времени.

— Маш, у тебя все в порядке? Мне кажется ты молчишь уже минут пять, а я бы хотел освободиться от оков. Хочу видеть тебя, моя колючка.

— Ой, прости, задумалась. Секунду.

Развязываю ленту на его глазах. Он первое время щурится, морща лоб. В недоумении оглядывает мастерскую, крутя головой в разные стороны.

— Смотри сюда, — указываю рукой в бок, где аккуратно стоят холсты.

Он замирает. Да, самая первая картина из стоящих — его портрет. Он детально прорисован. Я просыпалась ночью, украдкой накидывая карандашом все его изгибы на бумаге. Он даже не подозревал, что я как фанатка рисовала его, стараясь уловить каждый момент и деталь.

— Охуеть, — он не сдерживается от бранной речи, подходит ближе к холстам, внимательно разглядывая.

— Это реально ты нарисовала? — в шоке смотрит на меня.

— Эй, а чего тебя так удивляет?

— Просто это чертовски пиздато, — он снова не сдерживается, начинаю смеяться.

— Не, маленькая, я в искусстве не разбираюсь, но нарисовано очень круто! Ты талант, Маша. Ты невероятная. Просто, капец, что у меня за женщина.

Он так искренне восхищен, что от умиления я начинаю плакать. Тихо так, ловя губами крупные капли.

— Тебе правда нравится? — всхлипываю.

— Ты чего, колючка? — кладет холст на место, сжимая меня в объятиях, — Я ничего талантливее не видел. Это просто огонь.

Мот целует меня в макушку, поглаживая затылок.

— А я переживала, что тебе не понравится.

— Ерунда какая, — отмахивается от моих слов, — Мне все в тебе нравится. Хотя нет, не

все.

Замираю, закусываю щеку изнутри. А что это ему не нравится...

— Мне не нравится, что мне тебя мало. Я как волк вечно голодный, хочу тебя видеть, трогать, быть рядом. А ты все еще не жена мне. Давай уже заявление в ЗАГС подадим? Не понимаю, чего тянуть.

— А я думала, ты хотел сначала решить свои проблемы с..., — замолкаю, — Ну ты сам знаешь с чем.

— Я решу, Маш. Но я хочу, чтобы ты скорее стала полностью моей. Ну так что?

— Можешь не спрашивать, родной. Куда ты, туда и я.

В пятницу, как Мот и говорил, он уезжает. За день до этого мы подаем заявление в ЗАГС. События в жизни так стремительно мчатся, что я не успеваю даже отследить свои эмоции, ощущения и уж тем более поймать старый ритм жизни. Да и получится ли жить по-старому, когда нас теперь двое? И не хочу я как раньше. Без него уже не так хорошо.

Оставшись наедине с собой, я возвращаюсь к привычным делам, работа кипит. Учеников становится больше, потому что выставка с каждым днем проходит на ура. Все довольно лестно отзываются о моих работах, конечно, и критики хватает: тут мазок не такой четкий, тут смазано, тут не до конца раскрыта тема. Но я сама лично довольна проделанной работой. Я старалась, я жила этими эскизами. И то, что приходят новые люди, желающие обучаться именно у меня — самая главная похвала.

На перерыве между лекциями заглядываю в телефон, смотрю все свои заметки, важные записи. Глаза натываются на календарь цикла. О, месячные. Я что-то про них совсем забыла... Смотрю на даты, и не понимаю. Как я могла пропустить? Может неправильно внесла данные. Сводка показывает, что у меня задержка уже три недели. Но я понимаю, что это невозможно. Или возможно...

Черт! Секс в машине! Я не выпила таблетку. А потом у нас опять было. И я опять не выпила. Ну что я за идиотка?

Не то, чтобы я не рада, но куда еще и ребенок сверху. Мы всего ничего вместе. Да, мы как два безумца, влюбились в друг друга. Да, мы женимся. И я думала о детях, но в перспективе. Я надеюсь, что это просто ошибка. И тем более если смотреть по датам, то секс был не в пик овуляции. А значит, есть шанс, что цикл просто сбился.

Покупаю после работы десять тестов. Чтоб наверняка.

Прихожу, и не раздеваясь, бегу в туалет. Скорее проверять. Как Кощей чахну над этими тестами, мысленно моля, чтобы был отрицательный. Да, я хочу детей! Очень. Особенно от Матвея. Но мы толком не пожили для себя.

Пожалуйста! Пожалуйста!

Положительный...

Так, стоп. Без паники. Бывают ошибочные результаты. Делаю второй, третий, четвертый. На пятом сдаюсь. Все положительные.

Хлюпаю носом, я боюсь. Одно дело мечтать, другое — вот оно. Уже развивается у меня в животе. Ну ладно, не оно, конечно, это я от страха так. А вполне себе милая фасолинка, или какой там срок. Горошина. Тру вспотевший от волнения лоб и сразу набираю Матвея. Идут гудки, он не берет трубку. Видимо связи нет или сел. А я не хочу оставаться наедине сейчас с этим.

Ну давай, родной мой, возьми же трубку. И я тебе скажу, что ты скоро станешь папой.

Но он не отвечает. Натягиваю трусики и джинсы, бурчу под нос, внимательно всматриваясь в тесты. Гипнотизирую их. Авось померещилось. Но нет, тут все четко.

Так, нужно записаться к врачу. Набираю номер ближайшей женской консультации и записываюсь на утро. Я вообще не очень терпеливый человек. Чем быстрее все узнаю, пойму как дальше действовать, тем проще.

Вся в раздумьях завариваю ромашковый чай и делаю бутерброд с толстым слоем масла и сыра, хочу заесть стресс, но мой поток мыслей прерывает звонок в дверь. И кто это может

быть? Я никого не ждала.

Плетусь к двери, и не взглянув в глазок, широко распахиваю.

— И что тебе надо? — вот кого-кого, а ее я точно не ожидала здесь увидеть. Сюрприз скажем так неприятный. От злости внутри все клокочет, да как она вообще посмела сюда прийти. Совесть то есть.

— Поговорить хочу, — смотрит на меня волком.

— Да мне все равно, что ты хочешь, Лика. Уходи.

— Нет, девочка, ты меня выслушаешь. Тебе придется, — ее обращение режет слух. Сучка специально не называет меня по имени, указывая на мое место. Но она даже не осознает, что в первую очередь унижает себя. А мое настоящее место — рядом с любимым мужчиной, рядом с Матвеем.

— Научись сначала говорить вежливо, а потом я подумаю, говорить с тобой или нет.

— Ой, какие мы дерзкие стали. Ути-пути. И откуда смелость взялась?

Бррррр. Раздражает. Язва какая.

— Проваливай, Лика. Иначе я пожалуюсь Моту.

— Ой, в том, что ты крыса я давно удостоверилась. Но тебе же мало было, ты решила забрать у меня мужика.

— Ты бредишь, — кручу пальцем у виска, — Он что вещь или чья-то собственность, чтобы его куда-то забирать? Он сам от тебя ушел, смирись. Найди себе другого, влюбись. Чего ты ко мне прицепилась.

— Да потому что как ты появилась в нашей жизни, все пошло по одному месту. Я хочу, чтобы ты исчезла, и все стало, как раньше.

— Я рада, что у тебя есть желания, но увы, огорчу тебя. Мы любим друг друга и женимся, — демонстративно поднимаю руку с колечком на пальце. Плевать мне на ее чувства, надоела эта дура до невозможности. Не хочет по-хорошему, будет вот так.

Ее глаза наливаются кровью.

— Нет, свадьбы не будет, слышишь? Не дожدهшься, — она кричит, и в этот момент я реально пугаюсь. Вижу перед собой неуравновешенную психичку.

— Лика, угомонись и уходи.

— Мащ, а ты уверена, что хочешь замуж за Матвея?

Кажется она впервые называет меня по имени. Но даже тут мое имя звучит как издевка.

— Да, уверена. И тебя это не касается.

— И то есть ты готова быть с ним, зная, что я всегда буду в его жизни?

Ну что за дура... Вбила себе в голову какую-то чушь.

— Не уверена, что Мот будет с тобой общаться. Расстрою тебя, но между вами все кончено. И тебе же станет лучше, если ты поскорее это осознаешь.

— Нет, моя дорогая, — выплевывает она, — Это ты ничего не осознаешь. Я беременна от Матвея. И делать аборт не собираюсь. Поняла?

От ее слов все вокруг замирает. Я не слышу ничего, кроме стука своего сердца. И кажется оно медленно останавливается от услышанного. Внутри все умирает, я перестаю дышать. Тело пронзает жгучая, нестерпимая боль. Хватаюсь руками за горло, потому что воздуха критически мало.

Ров Матвей.

Пытаюсь дозвониться до Машки уже час, но абонент не абонент. Психую, потому что волнуюсь. Понимаю, она взрослая девочка, но все же я переживаю. Дома она под присмотром, я знаю, что она либо на работе, либо на доп занятиях, или же рядом со мной. Этот вариант мне нравится больше всего. С каждым днем любовь только нарастает, я хер знает, как это понять. Сначала пытался бороться, а потом забил. Ну вот если уж по уши влип, то пусть дальше увязну. и предложение я делал осознанно. Парился даже при выборе кольца, спасибо Ксюха помогла. Иначе бы прям в ювелирном коньки откинул.

В идеале, хотел бы, чтобы Машка дома была. Ждала меня с вкусным обедом и ужином, детей наших воспитывала. Это точно я? Про детей сейчас. Открещивался как мог от этой темы, а по итогу смотрю на свою девочку и вижу в ней мать наших детей. Идеальная для всего. Для любви, ласки, для материнства. Для меня. Как я рад, что мужики, что вились вокруг нее оказались слабее. А то давно бы прибрали к рукам такое сокровище, а оно мое. Меня ждало.

Улыбаюсь как идиот. А как тут не улыбаться то? Я счастлив.

Набираю уже не знаю какой раз, и снова та же пластинка. Звоню Ксюше, в надежде, что хоть она ответит.

— Да, — девушка тут же берет трубку. Ну слава богу, хоть у одной телефон при себе.

— Привет, Ксюх. Я Машу потерял.

— А, — она звучит потеряно, как неживая, — Машка спит, Мот.

— В два часа дня? — смотрю на часы и считаю сколько сейчас по Москве.

— Она это... Устала очень.

Внутри нарастает тревога, что-то тут не то. Сердце не обманешь. И оно говорит, что происходит жопа. Вот стоило, блять, уехать на пару дней. И началось.

— Ксюш, не юли, — рявкаю, не сдерживаясь, — Где Маша?

Ксюша что-то пыхтит в трубку, просит подождать.

— Все, я вышла из комнаты, чтобы она не слышала. Маша в истерике, Мот. Причем я не преувеличиваю. Тут настоящий потоп. Тебе лучше срочно приехать.

— А что произошло то? — капец, меня нет меньше суток.

— Не знаю, она молчит. Просила тебя не тревожить, говорит ты с мамой, тебя не надо трогать. Но вид у нее... В общем как труп. Бледная вся.

— Так, Ксюша, суть то в чем? — срываюсь на девушку, а самому хреново. Ну что могло у нее произойти...

— Я не знаю, правда. Говорит какая-то Лика приходила. Это все.

Ахтунг. Занавес. Ну теперь то все понятно. И что эта сука ей наплела уже? Ох, бляха. бабы. Ну не живется же спокойно.

— Так, ок, я поняла. Завтра буду. Ты ее там утешь, как можешь. Не бросай, ок?

— Конечно, — она тут же отвечает.

Скидываю трубку, возвращаясь к матери за стол.

— Мам, нужно будет вылетать завтра. Я сейчас поменяю билеты. Успеешь собраться?

— А что случилось, Мотюш?

— Все хорошо, просто Маша у нас, мам, очень доверчивая особа. Слушает всяких...

Кого не попадая короче. Давай, мамуль, собирайся.

Она кивает, уходя в комнату. Падаю на жесткий табурет, чешу задумчиво подбородок.

Лица... Ну тварь какая. Все-таки полезла к Маше. Окей, будем значит разбираться по-другому с вопросом. Набираю номер бывшей. Хотя ведь и бывшей то Лику не назовешь, мы просто спали, когда это было удобно. Она мне нравилась просто физически, но как женщина — никогда. Слишком избалованная, капризная. Правда в отряде круто работала, профессионально. За это уважал ее всегда, но это единственное. Ну и привязала же меня своим отцом, как канатом. Не рыпнуться, не дернуться. А сейчас плевать стало. Ну сяду, попрошу бывших сослуживцев Лизе с Машей помогать. Я их часто на поле боя выручал. Отсижу и выйду.

Ладно... Это я пытаюсь успокоить себя так, на деле же понимаю, дело дрянь. И хоть я успокаиваю Машу, что все под контролем. Нихера оно не так. Отец Лики сказал, что если я в течение недели не образумлюсь и не вернусь к ней, то он пустит дело в ход. Просить помощи больше не у кого. Пацаны сказали дадут показания, но толку то, когда играешь против высших чинов, там другие правила и ставки.

А может зря я Машку обрек на такие испытания, жила бы спокойно себе. Но как представляю ее с другими, внутри все в узел скручивается, руки сразу в кулаки сжимаются. Не может она больше ни с кем быть, она моя полностью, без остатка. И очень смелая девочка, я знаю, что не предаст. Надо будет — дождется. То, как она любит — мало кто умеет любить. И я получается самый настоящий счастливчик.

— Да, котик? — Лица снова затеяла свою игру в котики, зайки и прочее. Меня воротит. Всегда воротило. Раньше игнорировал, сейчас уже не получается.

— Лица, — начинаю медленно, — А ты не охуела в край?

Она тушует с ответом, на секунду замолкая.

— А что такое?

— Ну не притворяйся ты душой! Зачем к Маше приходила?

— А, ну я же говорю, крыса она, — сжимаю веки со всей силы, хочется ударить в стену, но я могу напугать мать, — Ничего такого я не сказала, правду.

— Какую правду? — требую ответа. Мне скрывать нечего, я чист перед Машей. Всю душу ей наизнанку вывернул.

— Ну, милый, я хотела при личной встрече, — она ласково щебечет, раздражая мои перепонки, — Ну раз уж ты сам позвонил. То... Я беременна.

Эмоция одна — давить суку. Она врет, и я это чувствую. Да я уверен на все двести, что брехня это. Какой беременна, если я никогда не входил в нее без презика?!

— Лица, ты идиотка? — а может реально она больна, а я просто не замечал раньше, — Крыша совсем поехала на почве ревности? Решила выдумать про ребенка?

— Зачем ты так, Мот? — начинает хныкать, и я увожу трубку от лица. Противно, — Я же не вру. У нас будет малыш.

— Ага, понял тебя, — усмехаюсь, — Тогда предоставь справку из гинекологии, пожалуйста. Со сроками и прочим. А после рождения сделаем ДНК, если мой, буду помогать, но все равно не вернусь к тебе. Слышишь? Шансов ноль.

Я уверен в ее лжи. Очередная дешевая манипуляция.

— Да ты сукин сын, как ты можешь так говорить? — она начинает кричать, и я скидываю трубку. Искренне заебала.

— Дорогой, все хорошо? — мама заходит на кухню, обеспокоенно смотря на меня.

— Да, просто я идиот, мам. Без разбора общался с бабами, — осекаюсь на полуслове под укоризненным взглядом женщины, — Ладно, мам, они реально бабы. Там женского ноль. А теперь вот расхлебываю.

— Машенька же не такая? — улыбается родительница.

— Мам, Машка неземная, — лыблюсь как идиот, — Слишком восприимчивая и эмоциональная, конечно. Но девочка просто супер!

— Ох, как же я уже хочу с ней познакомиться!

— Тогда давай, беги, собирайся дальше, — приобнимаю за плечи, направляя в сторону комнаты.

Снова набираю Машу, но все так пластинка. Приеду и отшлепаю, честное слово. Зараза!

Тот факт, что Матвей оказывается у меня в квартире — обескураживает. Я замираю с чашкой ромашкового чая в руках в коридоре, когда внушительная фигура с широким разворот плеч перегораживает проход. Я не кричу от испуга, сердце не заходится в бешеном ритме, а адреналин не бьет в голову, потому что я сразу же узнаю в этой фигуре своего любимого мужчину.

Матвей рассматривает меня, изучая словно заново. Да, я осунулась, да, выгляжу фигово. За сутки такие изменения. Стресс я стала переживать критически тяжело, любая ситуация, выбивающая почву из-под моих, заставляет меня сильно тревожиться. Наверно, это гормоны. Или страх. Страх за то, что все рухнет. Что я все придумала. Что Матвей был со мной, в моей жизни.

Я ему доверяю и верю. Каждому слову, произнесенному из его рта. У меня не было причин сомневаться в честности мужчины, но порой бороться с "сюрпризами" от судьбы оказывается непосильной ношей. Да, я сильная девочка. Но я встретила мужчину сильнее меня, позволила себе стать слабой. И как только расслабилась, мне дали пинок под зад. Может моя миссия в жизни — не расслабляться? Тогда я плохо справилась со своей задачей.

— Привет, — шепчу ему, отмирая. Меня потряхивает от озноба, лихорадит. Я здорова, это просто внутреннее напряжение. Делаю щедрый глоток горячего чая, но это не помогает.

— Маш, ты помнишь я говорил, что все решу? — он прислоняется туловищем к стене, скрещивая руки и ноги. Задумчиво смотрит на меня, на мои попытки спрятать глаза в кружке.

Киваю ему слабо. Конечно, я все помню. Каждое его слово, каждое его касание. Такое не забывается.

— Взрослые девочки не игнорируют звонки, Мария. Они доверяют и поступают мудро, — он не злится, просто учит, как нерадивое дитя. Я не обижаюсь, потому что мои действия были похожи на план побега.

Но я не собиралась никуда уходить, и уж тем более бежать. Разве от любви возможно убежать?

— Прости, — искренне раскаиваюсь, — Я была в плохом настроении.

— И это тоже не оправдание. Ты заставила меня нервничать так сильно, что я почти чуть не поседел.

Знаю, что не оправдание. И мне стыдно.

— Мот, я люблю тебя. И я верю тебе. И даже если этот ребенок от тебя, и приму любое твое решение, — делаю шаг к нему на встречу, ставя кружку на тумбу рядом. Он все также стоит неподвижно у стены.

Подхожу на цыпочках, укладывая голову ему на грудь. Слышу стук его сердца, ловя ритм ушной раковиной, соизмеряя удары со своими. Да, в унисон. Мы единое. И где-то внутри меня тоже бьется еще одно сердце, наше общее. Бьется же?

— Глупая девочка, родная моя девочка, — Мот опускает тяжелую ладонь мне на затылок, поглаживая и запуская свои длинные пальцы в рыжие пряди, — Рыжик мой.

Поднимаю на него глаза, ловлю его дыхание, чувствуя как воздух наполняется его ароматом. Мне всегда его будет мало. Мне всегда будет страшно его потерять. Потому что вот она настоящая любовь. Говорят, что бабочки в животе — это не про здоровые

отношения, а про тревогу. Да, бабочки есть, и да, возможно, у нас с Матвеем не все так гладко.

Но я люблю его. Чтобы там не говорили психологи, это не зависимость, а любовь. Потому что у меня нет ломки, тело не скручивает. Но в тот миг, когда не станет его, мое сердце тоже перестанет биться.

— Дай мне руку, — беру его вторую ладонь, крепко сжимая. Касаюсь губами тыльной стороны, трусь как кошка.

Веду медленно к своему животу, где прячется плод нашего безумства. Нашей неосторожности. Нашей любви. Сглатываю ком от волнения, я уверена, что Мот обрадуется, но все равно переживаю. Я же его впервые знакомлю с нашим ребеночком, пускай еще и не родившимся.

Опускаю мужскую теплую ладонь на свой живот в районе пупка, веду ею, поглаживая. Мне кажется вокруг все затихает, малыш чувствует нас. Мот теряется на первые три секунды, задумывается, а потом что-то щелкает внутри. Он сгребает меня в охапку, сжимая до хруста костей. Вскрикиваю от неожиданности.

— Машка, это что, не сон? — слышу как дрожит его голос.

— Представляешь, в тот же день узнала, как пришла Лика. Я просто растерялась.

— Боже, у меня даже ладони вспотели как у пацана перед первым поцелуем с самой красивой девочкой в школе. Я жутко волнуюсь, — он сейчас такой трепетный, что я начинаю еще больше влюбляться. Хотя куда больше...

— Мот, у меня даже не было сомнений, что будет иначе. Я выставила ее за дверь. Да, я игнорировала тебя, но мне просто хотелось себя пожалеть. Прости, родной.

Он целует меня крепко, лаская языком слегка сухие губы. Зацеловывает трещину в уголке нижней губы.

— Я почти уверен, что ребенок Лики не мой. И если честно, вообще не уверен, что он есть. Прости, что тебе придется через это проходить, маленькая.

— Я полюбила непростого мужчину, знала на что иду.

Улыбаюсь. Мне правда стало очень хорошо. Мне всегда хорошо, когда он рядом.

— Ты прилетел раньше, мама с тобой? — интересуюсь, отпрянув от горячего тела.

— Да, она у меня в квартире. Как будешь готова, я познакомлю вас, — он убирает мои волосы за спину, беря мое лицо в свои руки. Сжимает щеки, целуя их поочередно.

— Я хочу сейчас! Я готова.

— Тогда пошли, — он берет меня за руку, ведя к двери. Останавливается на секунду, а потом шепчет совсем тихо, но я все слышу, — Если это мальчик, давай его назовем Дэн, пожалуйста.

Я касаюсь губами его шеи чуть ниже затылка. Целую коротко.

— Конечно, родной, — отвечаю, и мы выходим на лестничную площадку.

Мама у Мота замечательная. Как только я вхожу в квартиру, она тут же заключает меня в теплые объятия. Я обнимаю женщину в ответ, она поглаживает меня по спине своими нежными руками.

— Спасибо тебе, девочка, — шепчет прямо в ухо, чтобы слышала только я, — Он счастлив.

Я улыбаюсь ей, кивая, и она отпускает меня. Мот тут же перехватывает мою талию, притягивая ближе к себе. Обвивает своими руками и крепко прижимает к спине, целуя в макушку. Глаза горят от теплоты и нежности.

— Мам, тут еще одна новость, — Мот замолкает, ожидая моего одобрения. Я мягкое ему улыбаюсь, прося продолжить, — Ты станешь бабушкой.

Она тут же начинает охать и ахать, стирая слезы в уголках глаз.

— Мам, ну ты чего?

— Дождалась, слава богу! Думала уйду, так и понянчившись с твоими ляльками.

— Глупости какие говоришь, — ругает ее Мот. Ему больно осознавать, что его мать сильно болеет. Это тяжело... Особенно, когда ты так часто терял людей в своей жизни. Ему страшно, и я это чувствую. Беру за руку, переплетая наши пальцы, сжимая крепче.

Он меня всегда старается уберечь от всего плохого, мне бы тоже хотелось хоть немного успокоить его и спрятать от всех проблем, что свалились на этого честного, потрясающего мужчину.

— Тамара Геннадьевна, — улыбаюсь, — Я приготовлю ужин, соберемся вечером и посидим в узком семейном кругу.

— О, Машенька. Не могу сидеть без дела, давай вместе?

Мне нравится, что эта мудрая женщина не лезет на мою территорию со своими командами. А наоборот, тактично спрашивает может ли она мне помочь. Разве такая чуткая особа могла воспитать кого-то кроме любящего Мота?

И ведь он такой же тактичный и чуткий, просто скрывает эту свою сторону. Изредка обнажая ее перед самыми близкими, но даже это ему дается тяжело. К н и г о е д . н е т

— Так, а мне чем заняться? — начинает смеется Матвей, — Впервые у меня нет дел. Даже как-то непривычно.

— Отдыхать? — глажу по спине, ощущая как напрягается его тело. Черт, хотела приласкать, а получается возбудила.

И вот так всегда. У Мота спина — эрогенная зона. И хоть он и не сознается в этом, я замечаю. Каждый раз касаясь ее, его глаза темнеют, а дыхание учащается. Теперь я знаю, на какие точки иногда можно нажимать...

— Да я уже наотдыхался, — чешет затылок.

Я понимаю, что ему непривычно. Сначала всю жизнь впахивать без выходных, находиться в постоянном движении, а тут затишье.

— Ладно, если совсем не отдыхается, то прикрути, пожалуйста лампочку в ванной. И там еще дверца у полочки шатается.

— А чего ты раньше не просила? — возмущается, но по-доброму.

А я даже не знаю... Не привыкла просить о помощи мужчин, всегда приходилось самой решать такие проблемы. А сейчас рядом настоящий мужчина, зато некоторые мои привычки

остались из прошлой жизни. Я понемногу привыкаю к тому, что теперь реально можно расслабиться и не переживать.

— Ты не бурчи как старый дед, а помоги Маше.

— Ох, женщины. Люблю вас! — он целует нас в щеки, — Поехал тогда за лампочкой в магазин.

Пока Мот занимается бытовыми вещами, мы с Тamarой Геннадьевной сплетничаем и готовим ужин. Она учит меня лепить сибирские домашние пельмени, которые обожает Матвей. Я внимательно запоминаю рецептуру, чтобы потом его баловать иногда. Не уверена, что смогу часто заниматься лепкой, так как это очень трудоемкий процесс, но в целом интересно.

— А Матвей всегда был таким серьезным?

— Нет, до армии это был самый веселый мальчик. Всегда шкродничал, — она показывает как правильно слепливать пельмень.

Я пытаюсь повторить, но выходит не очень красиво. Хотя казалось бы... Деятель искусств.

— А потом как подменили. Вообще я против была, чтобы он связывался с военной структурой. Так он же упертый, разве послушал..., — она немного смеется, когда я снова терплю поражение с тестом, — Каждый раз, когда уезжал в эти точки свои, сердце не на месте было.

Я даже не могу представить, каково матери, когда твой ребенок самовольно уходит...

Кидаю взгляд на свой живот. Если будет сын, то никаких госструктур. Чтобы там Мот не говорил. Я с ума сойду от тревоги.

— Ого, пельмени! У меня сегодня праздник, — Матвей возвращается из магазина, ловя нас за сплетнями. Но мы вовремя успеваем начать шушукаться о будущем малыше.

— Мы тут секретничаем, ты нам мешаешь, — в шутку выталкиваю его из кухни.

Он пытается меня поймать, я мажу рукой в муке ему по щеке, кокетливо уворачиваясь от поцелуя. Рычит мне в ухо и все же ловит губами мою кожу, зацеловывая каждый сантиметр лица. Утягивает в глубокий поцелуй, ласкает нежно, трепетно, заставляя низ живота реагировать на ласку.

— Любимая моя, — он так часто говорит мне об этом, а я до сих пор не верю. Не верю, что дождалась самого прекрасного мужчину.

Шлепает по попе, когда я снова уворачиваюсь. Прикусывает нежную кожу на шее.

— Ну Моооот, ты же мама!

Договорить мне не дает настойчивый звонок в дверь. Под мой укоризненный взгляд он открывает дверь. Я застываю в дверном проеме, сердце начинает бешено стучать. Дыхание перехватывает, хватаюсь за горло. Опять приступ паники.

— Игнатьев Матвей... — начинает говорить сотрудник МВД, но Мот его останавливает.

— Я, — жестко отрезает.

— Вы арестованы, — на него начинают надевать наручники, попутно перечисляя статьи УК РФ.

Я резко срываюсь в слезы. Вот теперь мне по-настоящему страшно. До жути.

— Подождите, я жену успокою, — он дергается в мою сторону. Я даже не обращаю внимание на его "жена".

— Не положено. Пойдемте.

— Нет, не забирайте! — кричу, утопая в истерике, — Пожалуйста!

Мот снова дергается в мою сторону, но его крепко держат. Что за уроды?

— Да секунду мне дай, блять, — срывается, — Она беременна.

Они нехотя дают ему возможность подойти ко мне, я бросаюсь ему на шею.

— Маленькая, все будет хорошо. Не плачь, надо беречь себя и ребеночка. Хорошо?

К нам выходит Тамара Геннадьевна, и при виде полицейских, хватается за сердце.

Интересно, Мот ей говорил о проблемах?

— Позаботьтесь о друг друге, я все решу, — он целует мать в щеку, потом снова меня.

— Время, — жестко чеканит сотрудник, и уводит Матвея под мои рыдания.

Он смотрит мне в глаза, шепчет губами "Я тебя люблю".

— Я люблю тебя, Матвей! Очень! — кричу ему вслед. Начинаю бежать за ним, но мама

Мота перехватывает меня, успокаивая на своей груди.

— Его точно выпустят? — мне кажется этот вопрос я задаю уже сотый раз. Если не больше. Уровень стресса за эту неделю взлетел до небес, я плохо спала, мало ела.

Моя мама, мама Мота, отец, Ксюша... Они все меня сильно ругали из-за того, что я так бессовестно отношусь к будущему малышу. А у меня в голове только одна мысль была "Как там мой Мот?!".

Теперь я четко осознала, что со мной будет, если он вдруг уйдет куда-то. Да, возможно, это ненормально так любить. Но как я без него?.. Как мы с малышом без него?

— Дочка, прекрати мельтешить. У меня уже голова кружится, — мама хватается меня за руку, останавливая мои метания по кругу.

— Не могу, — хнычу я, — Так что? Точно?

Адвокат сипло вздыхает, поправляя очки в толстой оправе. Смотрит на мою мать, ища поддержку, но та лишь пожимает плечами. Знает, что я не отстану.

— Мы внесли немаленькую сумму. Его должны выпустить под залог.

— Что-то мы здесь уже час, а его все нет, — с недоверием шепчу.

— Бюрократия, — смотрит на меня как на маленькую, — Пока все бумаги оформят.

— Ладно, — фыркаю я и сдаюсь. Падаю на скамейку у самого входа в отделение, где держат Мота. Сердце бешено стучит, хочется скорее его увидеть.

— О, ну наконец-то! — с радостью парирует адвокат и направляется к лестнице. Я поворачиваю голову и ловлю взгляд любимых глаз.

Он похудел... Они что, совсем его не кормят? Родной мой. Уставший, заросший, но самый лучший.

Всхлипываю, не веря, что это он. Кидаюсь к нему на шею, сбивая с ног адвоката. Он ворчит, отряхивая пальто от брызг лужи, в которую я наступила, пока бежала.

— Ну ты чего, маленькая? — тут же подхватывает меня, прижимая к себе. Поглаживает спину, волосы, целует, — Колючка, не плачь. Не рви душу.

А я не могу успокоиться. Как запах его почувствовала, так голову снесло. Нервы ни к черту. Бронь слетела.

— Любимый мой, они тебя больше не заберут? — целую его, лаская сухие шершавые губы.

— Не знаю, — честно говорит, не юлит, — Будем надеяться...

Снова в уголках глаз собирается влага, я на грани...

— Нет, стоп! — вымученно улыбается, — Без слез! Я не вынесу, пожалей меня.

— Прости, — прислоняю свой лоб к его, выравнивая дыхание, — Ты очень хочешь домой? Я просто собираюсь в одно место, думала тебе будет интересно.

— Что за место?

— УЗИ. Хочешь посмотреть на нашего малыша? Я пропустила уже два приема, ждала тебя. С тобой хотела.

— Ну вот и что прикажешь делать? Отшлепать тебя за то, что пропускаешь приемы у врачей, или зацеловать, потому что хотела дождаться меня? — шутливо хмурит брови.

— Можно и то, и то, — шепчу ему прямо в ухо, языком лаская мочку уха.

— Кхм-кхм, прошу прощения, я тороплюсь. У меня заседание через час. Давайте поговорим?

Мот ставит меня на асфальт, просит подождать и отходит в сторону с адвокатом.

— Ему помогут, птенчик, не переживай. Я договорилась, — мама опускает свои теплые руки мне на плечи.

— Точно? Прямо сто процентов?

— Ты когда у меня стала параноиком, Маша? — родительница качает головой.

— Когда в нашу жизнь влезла одна хамоватая особа. думающая, что имеет право крутить и вертеть чужими жизнями, — закипаю как чайник, — Она же Матвея как игрушку воспринимает, мам. Хочу и все! А если что не по ее сценарию, она вот так подло поступает. Разве когда любят так делают? Разве она его любит? Она себя любит!

— Она просто глупая избалованная девушка. Ей вернется, не переживай.

— Если бы не твои связи, он бы сел, мам. По-настоящему. И ничего бы ей не вернулось...

— Не думай о плохом, не порти нервы моего внуку, — гладит мой живот, — Или внучке.

— Пацан там, мам. Чувствую прям.

— Ну и отлично! Тогда не трепи нервы ни себе, ни ему, ни будущему мужу. Ему же вдвойне тяжело.

Я знаю... Знаю, что мой Мот в первую очередь за нас волнуется, а потом уже за себя. Для него мы — самое главное, а он для нас. Люблю его так сильно, что сильнее уже невозможно. Невероятный, сильный, умный, смелый мужчина. Ворвался в мою жизнь, заставил поверить, что настоящие мужчины есть, сделал так, что я влюбилась без остатка. Принял меня со всеми тараканами... Полюбил меня. Черт. Он меня полюбил. Я искренне и в глубине души не верила, что это возможно. Что возможно меня полюбить. Да еще и такому мужчине.

А он просто все шаблоны сорвал. Мы оказались самым лучшим вариантом друг для друга.

— Ну что, рыжик? На УЗИ? — обнимает меня сзади за талию, согревая в кольце своих рук.

— Да!

— Я тогда поехала на работу обратно, справитесь дальше сами, — мама улыбается нам, подмигивает мне и уезжает по делам.

— Маш, при всех не стал говорить, — я начинаю волноваться, замираю в его руках, — Но я правда злюсь сильно, что ты так нервы себе треплешь.

— Мот, я просто... Просто сильно испугалась.

— Я знаю, маленькая. Но соберись! Ты очень нужна нашему ребенку, пока все это дерьмо происходит. Договорились?

— Да, прости, ты прав.

Он целует меня коротко, ведя к машине. Я пригнала его пикап, как он попросил. Села в эту махину и сама доехала. Горжусь собой.

— Ну что? Едем узнавать пол нашего малыша?

— Да рано еще, — смеюсь.

— Тогда поехали уже хоть что-нибудь о нем узнаем, — улыбается в ответ и заводит машину.

Я надеюсь, что нам осталось чуть-чуть сражаться с этим несправедливым миром. Очень хочется надеяться, что все трудности позади. Что мы имеем право быть счастливыми.

— Вот, смотрите, это плод.

Смеюсь над лицом Матвея, он внимательно всматривается в экран, пытаюсь разглядеть. Крепко сжимает мою руку, словно это он лежит на кушетке, а не я. Такой трогательный момент, что на секунду ловлю новые эмоции. Глубокая, где-то ранее спрятанная теплота, что разливается где-то в районе сердца.

— Ничего не понимаю. Еще раз, — настоящий командир.

Врач смотрит на меня, изгибая бровь. Да-да, он такой. Улыбаюсь ей, пускай уделит чуть больше внимания этому замечательному мужчине.

Она начинает ему объяснять, очерчивает пальцем контуры малыша, хотя пока это скорее фасолина. Так интересно, мне становится очень спокойно. Вот так рядом с мужчиной, который берет все в свои руки. Даже нюансы по беременности. Расслабляюсь, задумываясь о нашем будущем. Почему-то чувствую, что все у нас будет хорошо. Мы и так через многое прошли. Осталось совсем чуть-чуть, и точно все наладится.

— Какой красивый! А носик какой.

— Мот, там еще ничего непонятно! Где ты носик то увидел?..

— Машка, ты чего? Он очень красивый. Смотри, похоже на глаза, — указывает на черную малюсенькую точку.

Врач закатывает глаза, усмехаясь. Я опять расхожусь в хохоте. Кажется, мы нащупали слабое место Матвея, он переживает перед отцовством. Пытается запомнить каждую деталь. Внимает каждое слово.

— Родной, не переживай так, — глажу его по руке, он немного успокаивается.

— Так, нам наверно нужно какие-то витамины пить. А сексом можно заниматься? А когда можно будет узнать пол? — он просто заваливает бедную женщину вопросами, совсем как мальчишка, — А что вы нам посоветуете? Может курсы для будущих родителей есть?

Мы выходим из кабинета, после того, как Мот окончательно замучил вопросами женщину. Она стойко вынесла этот поток, ответила абсолютно на все.

— Я вот думаю, нам рожать лучше в частной клинике, наверно?

— А ты тоже собрался со мной рожать?

— Ну я думал парные роды...

— Нет! — тут же восклицаю, ловлю обиду на его лице, — Любимый, ты даже не представляешь, что это такое. Это может убить нашу сексуальную жизнь. Я ценю, что ты так проникся этим вопросом. Но все будет хорошо, не обязательно все контролировать.

— Я просто хочу разделить с тобой все моменты, милая.

— И я очень благодарна тебе за это! Люблю тебя!

Он целует меня, слегка затягивая в более страстный поцелуй. Шарит руками по попке, сжимая ее.

— Давай не тут, — шутливо бью его по рукам.

— Колючка...

— И я соскучилась! Очень.

Он накидывает мне на плечи пальто, помогает снять бахилы. Я слышу сбоку знакомый голос, пытаюсь прислушаться к разговору. Может это некрасиво с моей стороны, но я чувствую там что-то важное.

— Лика, ты уверена?

— Конечно! Че ты спрашиваешь? Дай мне эту справку.

— Оххх, если начальство узнает, что я тебе липовые анализы выдала, мне конец.

— Ой, Лер, не парься. Никто не узнает. Ты понимаешь, он мой мужик! Мой! И есть только один вариант — это то, что он будет либо со мной, либо ни с кем.

— Сдался он тебе...

— Сдался! Ты знаешь как он трахается? А какой сильный? Да где я такого еще найду?

Брезгливо морщит лицо, поворачиваюсь к Матвею. На его лице застывает эмоция гнева. Он тяжело дышит, сжимает кулаки и разжимает. Хочу его как-то успокоить, но не решаюсь коснуться. Он весь горит от ярости. Волны злости разносятся по всему помещению.

Резким движением он распахивает дверь кабинета, откуда разносятся голоса двух дам. Одна из них — Лика.

Вижу ее растерянность на лице, потом страх. Мот хватается за руку, поднимая со стула, и толкает к стене. Одной рукой сгребает бумагу с анализами со стола, внимательно читая.

Наблюдаю за сценой, не высовываясь. Это его история, и он должен закончить ее самостоятельно. Мне не стоит лезть.

— Что значит ХГЧ?

— Это анализ крови, который определяет наличие беременности и развитие плода, — испуганно отвечает докторша.

— И?? Он ненастоящий, да?

— Я, понимаете, я не хотела. Меня уволят...

— Дура тупая! — выплевывает Лика.

Матей кидает в ее сторону бешеный взгляд, пригвождая к месту.

— Заткнись! Ты решила выдумать все это? У тебя совсем ничего святого не осталось?

— Ну Мот, прекрати. Я тебя так люблю! У нас же будет семья.

— Ты идиотка, тупая идиотка Лика. Опустилась до низа. Я желаю никогда больше не видеть тебя в своей жизни... Ты услышала меня?

Наверно, таким я его не видела никогда. Безжалостным, жалящим. Он ее убивает словами.

Она плачет, моля его не бросать ее. Мне неприятно наблюдать за всем этим, пчусь на выход, задевая вешалку. Он пошатывается и гремит. Лика тут же поворачивается в мою сторону.

— Ах ты сука. Это все из-за тебя!

Не успеваю среагировать, она уже несется в мою сторону. Рефлекторно прижимаю руку к животу. Господи, да она не в себе.

— Не смей! — Матвей перехватывает ее, сжимает руку вокруг ее горла, — Удавлю! Только посмей коснуться Маши, и я просто уничтожу тебя, Лика. Поняла?

— Урод! Чтоб ты сдох! И твоя сука тупая!

Вот ее настоящее лицо. Без масок и прикрас.

— Сделай так, чтобы я забыл о тебе. Исчезни! — отталкивает ее в сторону.

Он берет меня за руку и выводит из кабинета. Я немного трясусь от страха. Она могла меня ударить... Она могла причинить вред мне и ребенку.

Матвея все еще трясет, меня тоже подкидывают волны паники. Но где-то в глубине души я испытываю радость, что Лика все придумала. Не будет у них общего ребенка. У него только со мной будет малыш. Он только мой. Самый любимый на свете мужчина.

3 месяца спустя.

— Мне не нравится это платье!

— Машка, да ты чего! Ты в нем как принцесса!

Ксюша гладит меня по оголенному плечу, успокаивая. Мы уже третий час выбираем свадебное платье, мне вообще ничего не нравится. Ощущение, что я бегемот. Еще и соленого наелась на ночь... Опухшая вся.

— А я не хочу, как принцесса. Я эlegantное что-то хотела... А получилось как баба на чайнике.

— Так, стоп! Отбой истерики. Мы можем померить что-то другое.

— Мне если честно ничего вообще не нравится.

— Это все нервы, Машуль. Я понимаю, что у Мота суд. Но все будет хорошо. Твоя же мама такого большого человека попросила о помощи.

Наверно поехать выбирать платье пока у Матвея идет судебное заседание — было ужасной идеей. Но он сам запретил мне приходить. Находиться даже рядом. Боится, что я нервничать начну, паниковать.

А мне здесь, на расстоянии от него тоже все не радужно. И паника никуда не делась.

Я стала зависима от этого мужчины, причем очень сильно. В первый раз, когда он уехал в соседнюю область на поиски на три дня, я сходила с ума. Все дела, которые так увлекали меня раньше, больше не приносили удовольствия.

Беременность протекает тяжело. Малыш высасывает у меня все силы и энергию. Вечный токсикоз, отказ от еды. Я просто запихиваю в себя внутрь еду, чтобы его как-то кормить. А под вечер могу съесть что-то очень соленое. Организм требует.

Оказывается у меня с малышом резус-конфликт. У меня положительная группа крови, а у малыша отрицательная, как и у Мота. И вот он из меня просто высасывает все силы.

Я наблюдаюсь у врача, выполняю все рекомендации. Матвей от меня вообще не отходит, но я понимаю, что не могу его держать все время рядом. Ему очень нравится работа, да и мы затеяли ремонт...

— Меня тошнит.

Бегу в сторону уборной, собирая подол этого ужасного платья.

— Машуль, ну нельзя так нервничать, — Ксюша помогает собрать волосы.

— Это все Денис Матвеевич.

Глажу живот рукой. Я так сильно люблю этого ребенка, что безумно боюсь его потерять. И каждый раз ругаю себя за то, что даю слабину. Ему очень нужна сильная мама.

Просто Мот меня разбаловал! Все ножки целует, да на руках носит... Так же и привыкнуть можно.

— Никита звонит.

Ксюха достает из сумочки телефон. Сердце тут же начинает бешено стучать. Никита сейчас там, на суде. И от его звонка зависит, как мне кажется, моя жизнь. Либо он передаст хорошие новости, либо...

Ксюха внимательно слушает собеседника, кивает. По ее лицу ничего непонятно. Тошнота снова начинает подкатывать, и я возвращаюсь к неприятному занятию.

— Машулик, — теплая женская ладонь ложится между лопаток, я замираю в

ожидании, — Его оправдали.

— Что?

Ничего не понимаю.

— Все хорошо, подружка. Мота полностью оправдали. Сняли все обвинения.

В эту же секунду сердце пропускает удар. Словно камень с плеч падает, даже тошнота проходит, а малыш в животе успокаивается. Слезы срываются вниз по щекам.

Да! У моего Мота все будет хорошо теперь! У нас все будет хорошо!

Бегу обратно в примерочную, по пути снимая с себя платье. Ксюша, смеясь, пытается меня догнать. Быстро переодеваюсь.

— Куда ты?

— Домой! Я наберу.

Вылетаю из свадебного салона, запрыгиваю в свою ласточку и лечу скорее к нему.

Не успеваю вставить ключ в замочную скважину, меня подхватывают сильные руки.

Руки, которые я за секунду узнаю из тысячи. И голос этот, и запах. Все мое.

— Колючка...

— Я так счастлива! Мот, родной, ты справился. Все получилось!

— Девочка моя. Ты не представляешь, как я соскучился. Целый день тебя не видел, а уже тоска на душе.

— И я!

Целую почти уже мужа в холодные губы. Мот прижимает к себе, аккуратно, боясь навредить.

— Как Денис Матвеевич себя вел сегодня?

— Ну слегка помучил, но сейчас спокоен.

— Дениска, ты маму то побереги. Она у нас хрупкая девочка, — гладит ладонью живот.

Моту очень нравится болтать с сыном. Он может часами лежать на животе и что-то ему рассказывать. Иногда Матвей даже поет... Коряво, грубовато, но с такой любовью.

— Тебя больше не потревожат?

— Нет, малыш, больше нет. И кстати, знаешь что?

— Что?

— Лика оказывается в психиатрической клинике. У нее какое-то там расстройство, я так и не понял суть. Но отца она своего тоже обманывала. И про беременность, и выдумала, что я ее шантажировал абортom. Что у нас с ней неземная любовь... В общем, отец то ее свято верил во все эти бредни.

— Какой ужас!

— Да. А там оказалось просто проблемы с головой.

— Надеюсь ей помогут. И что, нам совсем-совсем больше никто не будет мешать?

— Я больше никому не позволю, маленькая. Твой покой и Дениса — это моя ответственность. Никогда больше никто не посмеет причинить вам вред.

— Я знаю, родной.

Мот снова затягивает меня в страстный поцелуй, ласкает бедра под длинной курткой, ощупывает набухшую грудь, которая стала ужасно чувствительной.

— Не могу дождаться дня, когда ты станешь Игнатьевой.

— Ой, это ужас. Свадьбу придется отложить!

— Чего? — Мот в шоке распахивает глаза, — Что случилось?

— Ничего такого, просто я бегемот. Я не буду выходить замуж некрасивой.

Минута тишины. И Матвей начинает громко смеяться.

— Да ты у меня дюймовочка...

— Ага, дюймовочка из семейства слоновых... Нет уж, жди, когда я снова стану не шаром.

— Неа, дорогая. Я не готов больше ждать. Хочу тебя полностью своей...

— Я и так твоя полностью.

— Маш, хоть в футболке выходи замуж, но через неделю ты станешь моей женой. И это не обсуждается.

— Уууу, тиран.

Обиженно дую губу.

— Только если в постели, девочка.

Мот затягивает меня внутрь квартиры, лаская мое тело. Я парю где-то высоко, блаженство накрывает с головой. И так каждый раз.

А все потому, что рядом самый любимый на свете человек. И это взаимно.

Меня можно полюбить. И меня любят.

Больше книг на сайте - Knigoed.net